

А. ПОЛЕЩУК
**ЗВЕЗДНЫЙ
ЧЕЛОВЕК**

ДЕТГИЗ

АЛЕКСАНДР ПОЛЕЩУК

ЗВЕЗДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

КРАСНЫЙ КАМЕНЬ

Все началось весной, в неистовые грозовые дни. Набегали неожиданно тучи, так же неожиданно проносился буйный дождь, и снова все успокаивалось, правда ненадолго.

Коля готовился к экзамену по математике. Перед ним лежали часы, и он изредка на них поглядывал — время шло слишком быстро — и снова принимался считать и писать. Издалека доносились раскаты грома, они слышались уже давно, и Коля не

обращал на них внимания. Но вдруг что-то вспыхнуло, все вокруг осветилось и зашумел дождь, да такой буйный, что Коля встал на табуретку и плотно закрыл форточку, с сожалением взглянув на мокнущего под дождем Джека. Деревья за окном как-то бестолково размахивали своими ветвями, и Коля засмотрелся на них.

Снова молния, и сразу же за нею — гром. «А ведь сейчас точно, очень точно можно определить, куда ударила молния», — подумал Коля. Он вернулся к столу и при следующей вспышке заметил, что секундная стрелка была как раз над верхней черточкой циферблата. Прошло секунд пять, и все вновь вокруг загрохотало. «Пять секунд?» — удивился Коля. Он быстро умножил скорость звука в воздухе — триста сорок метров в секунду — на пять, и то, что получилось, заставило его вскочить со стула: «Всего полтора километра!»

На таком расстоянии от дома Коля знал все и всех. А молнии за окном сверкали одна за другой, и гром теперь был похож на треск ломающихся сухих стволов, будто за низкими тучами рушился лес деревьев-гигантов.

— Ну и гроза! — сказала Анфиса Тимофеевна, мачеха Коли, быстро входя в дом; она тяжело дышала от быстрой ходьбы. — А страшно-то как! Все небо в огне...

— Пойду посмотрю, — сказал вдруг Коля. Он застегнул на руке ремешок часов, торопливо снял плащ с вешалки.

— Что ты? В такую погоду? — Анфиса Тимофеевна даже всплеснула руками.

— Ничего, ничего, тетя Фиса, я скоро, я только посмотрю, куда молния попадет, близко уж очень...

Коля вышел во двор как раз в то время, когда снова ударила молния где-то совсем недалеко, за пригорком. Он успел заметить время. «Пять секунд! Видно, опять в то же место ударила! Может быть, там громоотвод стоит? Все равно интересно, сбегая туда», — решил Коля.

Он быстро пошел вверх по шоссе — главной улице поселка. Вокруг было безлюдно. Взрослые — на работе, а для ребятшек дождь был слишком холодным, чтобы бегать по лужам, и слишком сильным, чтобы «не обращать на него внимания».

Сразу же за поселком начинался лес. Снова три раза подряд ударила молния. Она явно была в одно и то же место — где-то за березовой рощей. Коля пробрался сквозь чащу молоденьких сосенок и вышел на широкую поляну. За нею начиналась густая поросль из совсем молоденьких березок и осин. И вот как раз за ними ударила молния; громадным, уходящим в небо, сияющим деревом выросла она перед Колей. Эта молния была последней. Гроза кончилась.

Низкая клочковатая тучка, будто торопясь, прошла над головой. Мелькнуло над нею голубое небо. Сильный ветер пронесся над лесом, и на Колю посыпались крупные капли дождя.

Коля осторожно пересек поляну и сразу же узнал то место, куда била молния. Перед ним был широкий коридор из поваленных деревьев. Вырванные с корнем березки; осинки, как будто срезанные косой. Над головой шумела листва, а поваленные деревья лежали тихо-тихо — едва-едва шевелились

свежие треугольнички листы, дрожали на желтых черенках березовые сережки.

Коля прошел еще немного, и перед ним открылась широкая, больше метра в диаметре, воронка. Со дна ее поднималась струйка пара. Коля наклонился над воронкой, но глина неожиданно подавалась у него под ногами, и он, раскинув руки, соскользнул вниз.

Воронка была наклонена в одну сторону, и Коля, лежа на спине, ощупал влажную, холодную глину. Попытался шевельнуться — это удалось не сразу; попробовал, отираясь руками о стены, выбраться наружу, но тотчас же соскользнул вниз. Вначале с улыбкой, потом серьезно, но уже через несколько минут Коля изо всех сил бился в узкой воронке: опираясь на стены руками и коленями, старательно карабкался вверх, но вновь падал, а наверху равнодушно шумел лес и величаво плыли белоснежные облака.

Затаив дыхание Коля прислушался: вдали рокотал гром... «Нужно выбираться, и поскорее, — подумал Коля. — А если опять гроза и сюда опять будет бить молния? Здесь, видно, что-то есть такое, что молнию как бы притягивает!»

С большим трудом дотянулся он наконец до темного стволика березки и стащил его вниз. Потом Коля отогрел дыханием руки и стал торопливо копать острым концом стволика ямки-ступеньки. Вот они и готовы! Но тут Коля поторопился, неловко ступил на одну из ступенек и очутился еще ниже, чем был раньше. Что-то больно ударило его в ногу. Ударило и обожгло. Коля ощупал то место, на котором он стоял, и сноп искр впился в его руку. Коля пустил в ход ствол березки и вскоре наткнулся на что-то твердое. Искры теперь сыпались всюду, но уколы стали менее болезненными. Коля раскопал глину вокруг своей находки и с невероятным трудом подтащил ее к груди. Это был какой-то выпачканный глиной камень. Коля выбросил его наружу, и он упал у самого края воронки. Еще несколько усилий, и Коля выбрался из воронки.

Вокруг спокойно шумел дождь.

Коля поднял камень, но почувствовал сильную боль в руках — снова ударили искры — и выпустил его из рук. Совершенно инстинктивно Коля отбежал от камня, но сзади ударила молния, ослепительный жгут змей метнулся к нему, судорогой пробежал по его телу, и Коля пал..

Запах мокрой весенней земли — первое, что ощутил Коля, придя в себя.

Солнце стояло уже низко над горизонтом. На часах было три без нескольких минут. Коля поднес часы к уху, но не услышал знакомого тиканья. «Намагнитились», — подумал он.

Найденный им камень лежал невдалеке. Коля наклонился над ним. Подсохшая на солнце глина местами осыпалась и обнажила темно-красную, сверкающую золотистыми точками поверхность камня. Он был очень красив, этот камень, и Коля залюбовался находкой.

Невдалеке послышались чьи-то шаги. Кто-то шел через осинник, шурша прошлогодней листвой.

— «Ты ждешь, Лизавета, от друга привета...» — напевал чей-то голос.

Коля поспешно бросил камень в кусты и прикрыл его плащом.

— Чем это ты занимаешься здесь, юноша? — услышал он негромкий голос и обернулся. Перед ним стоял высокий, худощавый человек в надвинутой на глаза кепке. — Где это ты так вымазался?

— Это мое дело, — не глядя на незнакомца, ответил, Коля.

— Конечно, конечно, что ты! — заторопился незнакомец. — Я, видишь ли... ученый, некоторым образом... Моя фамилия Михантьев...

Они помолчали. Михантьев широким садовым ножом снял с подошвы ком прилипшей глины и, не поднимая головы, спросил: — Ты здесь живешь? Конечно, я имею в виду не лес, а вообще... близко?

— Не так уж близко, возле станции.

— Жаль... А ты ничего интересного в лесу не обнаружил?

— А что я мог здесь найти? — с интересом спросил Коля, и этот его интерес не остался не замеченным Михантьевым.

— Ну, например, падение какого-нибудь крупного метеорита, какой-нибудь необычайный грохот или, может быть, вспышку света над лесом, вот над этим самым?

— А когда, когда этот свет, грохот?..

— В прошлую ночь, в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое, вот когда... Ну вот что, Михаил...

— Я Коля.

— Ах, Николай?..

— Николай Ростиков, — неохотно сказал Коля.

— Очень приятно с тобой познакомиться, Николай Ростиков... Так вот что, если что-нибудь узнаешь от местных жителей или, скажем, увидишь какое-нибудь необычное углубление в почве — видно, частенько бродишь по лесу, — позвони вот по этому телефону. — Михантьев протянул Коле листок с напечатанным на нем номером телефона.

— «Дмитрий Дмитриевич Михантьев», — прочел Коля вслух.

— Я хотел бы только предупредить тебя... Видишь ли, в нашей стране все упавшие на землю метеориты — небесные тела — объявлены государственной собственностью; каждый, кто нашел метеорит, обязан отнести его в Комитет по метеоритам Академии наук.

— Если я что-нибудь найду, тогда... — спохватился Коля.

— Да, да, конечно... Ну, я еще поброжу, Николай Ростиков... Пока!

«И как он догадался? — думал Коля. — Да неужели я не имею права хоть на кусочек? Так я и отдам ему! Сначала сам исследую!»

— Николай! — крикнул издали Михантьев. — Ты мне сегодня к вечеру позвони, ладно?

— Так если, если найду что... — ответил Коля. — Лучше сегодня... — вновь закричал Михантьев. — Ничего я не нашел! — громко сказал Коля, но Михантьев уже повернулся к нему спиной и, подтянув быстрым движением рук голенище сапога, скрылся в кустак.

ПОЯВЛЕНИЕ НЕЗНАКОМЦА

Коля завернул камень в плащ, обвязал сверток поясом и побрел домой.

Тетя Фиса ушла на работу. Коля налил в таз воды, погрузил в воду найденный им камень и тщательно его обмыл. Искры больше не жалили Колю, а отмытый камень разочаровал его: он был похож на обыкновенный гранит.

«Интересно, — думал Коля, — не этот ли камень ищет Михантьев? Отдать, видимо, его придется... А я его распилю, одну половину возьму себе, а другую снесу в Академию наук».

Коля достал пилу-ножовку, легко пропилил до половины камня и тут обнаружил, что опилки не было... «Как здорово... Вот стану физиком, всё раскрою, обязательно».

Опилки появились только тогда, когда ножовка вошла в сиденье табуретки, на которой лежал камень. Это были явно древесные опилки, да и камень, хоть и был распилен, не распался. Коля стукнул им о край табуретки — безрезультатно. Камень пропустил сквозь себя полотно ножовки и вновь как бы сросся. Только желтоватая полоска на его поверхности указывала на то, что он был распилен.

«Да это же открытие! Вещество, которое само себя восстанавливает!» Коля достал чернильный карандаш и сделал на камне надпись: «Откр. № I», что означало — «Открытие номер один», и положил камень под кровать.

Планы всевозможных экспериментов с камнем роились у него в голове, но сегодня в шесть была консультация по химии, и нужно было спешить. Он взял тетрадку, замок, висевший на вешалке, но тут взглянул на свои брюки и ужаснулся. Он совсем забыл, что весь вымазался в глине. Пока он переодевался, пришла с работы Анфиса Тимофеевна и закричала прямо с порога:

— Ты где это пропадал? В такую грозу куда-то сбежал?

— Не сердитесь, тетя Фиса. И там, в кладовке, мои брюки, так вы их не трогайте. Я сам...

«И что это он натворил? — думала Анфиса Тимофеевна. — И где это он был, что так измазался? И туда же — я сам! Сам! Сам!» Попробуй отчисти...»

Анфиса Тимофеевна вынесла брюки и куртку во двор, ножом отскребла с них глину. Потом растопила печь и повесила брюки на вьюшку. — сушиться. Сделав еще несколько неотложных дел, Анфиса Тимофеевна неожиданно натолкнулась на камень, лежащий под Колиной кроватью. Повернула его совкам с боку на бок, осмотрела со всех сторон и удовлетворенно сказала:

— Вот, Коля, какой молодец оказался! Я ж такой камень с месяц как ищу... Теперь я задам жару своей бочке!

Прошлую зиму Анфиса Тимофеевна провела без своей кислой капусты: не было подходящей бочки. Старые бочки, приобретенные еще во время войны, рассохлись, только зимой один знакомый, работавший на рыбокомбинате, достал там бочку, очень понравившуюся Анфисе Тимофеевне. Бочка была какая-то стройная, вся из дубовой, точно пригнанной клепки, с толстыми обручами. Один только недостаток был у нее — пахла рыбой.

«Ну что ж, — сказала Анфиса Тимофеевна сама себе, — рыбой пахнет? Вымоем!» — И война была объявлена.

Вначале Анфиса Тимофеевна вымыла бочку холодной водой, и запах как будто исчез. Вскоре, однако, он снова появился, но стал немного другим. Если до мытья бочка отдавала сельдью, то теперь она пахла как бы рыбой вообще.

— Сыростью пахнет... — сказала Анфиса Тимофеевна. — Сыростью... Вымоем!

Она выкатила бочку во двор, к ручью, только что сбросившему с себя зеленоватый ледок, и, надев резиновые сапоги, принялась натирать бочку песком, время от времени намыливая ее. Так она проработала несколько дней, когда уделяя этому делу полчаса, а когда и час. Было похоже, что рыбы запахи, спрятанные в щелях, после оттирания песком вышли наружу. Бочка пахла все сильнее и сильнее.

Через ручей был перекинут железобетонный мост, и знакомые Анфисы Тимофеевны, проходя по нему, спрашивали:

— Тетя Фиса, это ты какую по счету бочку моешь? На что Анфиса Тимофеевна отвечала, что бочка-то одна, но вот попалась такая, с «чертовым» запахом.

Некоторые, заинтересовавшись, спускались вниз, к ручью, нюхали и говорили:

— Да это же рыбий запах!

И, если особенно не спешили» давали какой-нибудь совет.

К концу недели Анфиса Тимофеевна располагала десятком советов и закаленным желанием уничтожить этот рыбий запах. Начала она с крапивы. Долго пришлось ей собирать перезимовавшие стебли крапивы. Она наломала их рукой в перчатке и сварила из них нечто вроде щей, которыми и залила бочку. После этой операции у бочки появился еще какой-то особый, «дикий» запах. Тогда Анфиса Тимофеевна перешла к смородиновому листу, найти который весной было

совершенно невозможно, так как он опадал нацело зимой. После некоторых колебаний Авфиса Тимофеевна заменила смородиновый лист веточками с набухшими почками: найти их было проще — стоило только просунуть руку между планками соседского забора.

— Тетя Фиса, — говорил Коля, — плюньте на нее, на бочку эту!

— Что ты, всякое дело до конца доводить надо! — упрямо отвечала Анфиса Тимофеевна.

Затем последовали чай, щелок... Бочка была смазана подсолнечным маслом, выскреблена ножом, протерта железной сеткой. На этой неделе должен был состояться «последний бой», и Анфиса Тимофеевна готовилась бросить в него весь свой «арсенал»: лавровый лист и крапива, ветки смородины и черный перец, недельный остаток заварки из чайника и хвойный экстракт...

— - Не так делаешь, Анфиса Тимофеевна, — сказал ей кто-то. — Взяла бы булыжник, разогрела бы его докрасна и бросила в бочку с водой. Вода прокипит, и запах как рукой снимет! И тут возникло неожиданное затруднение: она никак не могла найти подходящий камень.

Какова же была ее радость, когда она нашла то, что так долго искала, и где — под кроватью у Коли! Удовлетворенная осмотром камня, она разожгла печь и поверх раскаленных углей положила красный камень. Долго он никак не мог разогреться как следует, потом вдруг засветился голубоватым дрожащим светом, и тут-то Анфиса Тимофеевна выволокла его кочергой поближе - к краю, осторожно столкнула на совок и, выскочив во двор, бросила в бочку. Анфиса Тимофеевна зажмурилась и, втянув в себя воздух, идущий от бочки, тотчас же отшатнулась, все запахи, смешавшись, ударили ей в нос. Сдерживая тошноту, Анфиса Тимофеевна поторопилась войти в дом.

Отдышавшись и выпив ковшик воды, Анфиса Тимофеевна снова вышла во двор, глянула на бочку и застыла от удивления: одной ногой в бочке стоял высокий человек, пар закрывал его лицо.

— Ты что это? — закричала Анфиса Тимофеевна. — Что это тебе, купальня? В баню иди, в баню!

Человек, казалось, не слышал ее; он спокойно осмотрелся и, увидев Анфису Тимофеевну, шагнул к ней. Бочка опрокинулась, и человек упал к ногам Анфисы Тимофеевны, обдав ее неистребимым рыбьим запахом.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Человек лежал на земле; снизу вверх, странно вывернув голову, не отрываясь смотрел на Анфису Тимофеевну.

— Ну, чего лежишь? — спросила Анфиса Тимофеевна.

Человек встал и, осторожно ступая, подошел к Анфисе Тимофеевне. Потом легко и сильно прыгнул вперед и схватил ее за плечо. Лицо незнакомца оказалось совсем близко, и Анфиса Тимофеевна застыла от удивления: более странного лица ей не приходилось видеть — даже страшно стало. Зеленые, без зрачков, прозрачные глаза, белое, ни следа румянца, лицо, пересеченное узкой желтой полосой, похожей на шрам. Костюм его состоял из желтых и красных ромбов самых разнообразных оттенков, образующих стройный узор на его груди. Дурманивший запах того варева, что было в бочке, исходил от него.

Анфиса Тимофеевна рванулась, выскользнула из его рук, но незнакомец схватил ее за шею и сжал так сильно, что Анфиса Тимофеевна поперхнулась и, теперь уже объятая ужасом, бросилась домой, оставив в руках незнакомца головной платок.

Вбежав и захлопнув за собой дверь, Анфиса Тимофеевна прислонилась к косяку. Затылок и часть шеи в тех местах, к которым прикасались руки незнакомца, были как в огне. Она задержала дыхание, когда почувствовала, что незнакомец ощупывает двери, потом услышала, как он зашлепал по лужам, обходя дом. Анфиса Тимофеевна, не выпуская из рук кованую скобу с проушиной, служившую для внутреннего запора, толкнула дверь и выглянула в щелку. Незнакомца не было видно, но зато она увидела Колю, скользящего по раскисшей глинистой тропке прямо к дому. Рядом с ним бежал сорвавшийся с цепи Джек, совсем обезумевший от ощущения весны и свободы. Он-то и увидел незнакомца раньше Коли. Воинственно задрал хвост, Джек стремительно ринулся к незнакомцу.

— Не трогай! — закричала Анфиса Тимофеевна Джеку.

Но Джек повел себя как-то странно: он, как будто в раздумье, остановился, обнюхал незнакомца со всех сторон и... спокойно приподняв ногу, сделал известную собачью отметку прямо на округлую обувь незнакомца.

— Ты кто? — спросил Коля, подходя к незнакомцу.

Тот протянул руки к Коле, беззвучно открыл и закрыл рот.

Джек еще раз удивил Анфису Тимофеевну. Он бросился на грудь незнакомца, потянулся мордой к его лицу, тихо повизгивая.

Незнакомец отступил от Джека; резко ударил его ногой. Джек отскочил в сторону, поскреб землю задними йогами и, подойдя поближе, потерся своей клочковатой шерстью о его колени.

— Уходите отсюда! — закричал Коля. — Что вам здесь нужно?

— Сбегай за милиционером, — сказала Анфиса Тимофеевна, всматриваясь в лицо неизвестного.

Тот, будто что-то пережевывая, снова открыл рот, и Джек беспокойно задвигал ушами.

— Откуда он взялся? — спросил Коля.

— Я тут бочку парила, — торопливо заговорила Анфиса Тимофеевна. — Скорее заходи в дом, он идет за тобой!.. Ушла на минутку домой — выпила ковшик воды, выхожу во двор, глянула — а он залез в бочку и стоит в ней. Потом выскочил, бочку перевернул и стал ко мне цепляться. Хорошо, что ты подоспел!

Она опять приоткрыла дверь. Джек не отходил от незнакомца.

— Ты только посмотри, Коля... Джек к нему как к родному ластится, — сказала Анфиса Тимофеевна. — А ведь он чужих не любит... Коля, а может, человек этот больной?

— Сумасшедший, наверно...

Анфиса Тимофеевна первая решила выйти из дому, за ней вышел и Коля. Незнакомец не обратил на них никакого внимания. В эту минуту он не шурясь смотрел на диск заходящего солнца.

Потом незнакомец перевел взгляд на Анфису Тимофеевну и, быстро повернувшись к Коле, провел руками по его лицу.

— Сумасшедший! — крикнула Анфиса Тимофеевна и забарабанила руками по крепкой как камень спине незнакомца.

Лицо незнакомца выразило удовлетворение. Он отпустил Колю.

— Где вы живете? — спросила Анфиса Тимофеевна. — Мы отведем вас домой.

Человек задумчиво, как будто что-то припоминая, покачал головой и, делая руками причудливые, но не лишённые изящества жесты, низко поклонился. Потом, высоко подпрыгивая, прошелся вокруг Коли. Его странный танец, казалось, говорил: «Ну и молодец я, ах, какой я молодец!»

Джек в восторге прыгал рядом с ним, не отрывая глаз, следил за его губами.

— А он, видно, не злой, — прошептала Анфиса Тимофеевна.

Она потянула Колю за рукав, и они пошли в дом; незнакомец, сразу успокоившись, пошел за ними следом.

Коля зажег свет. Незнакомец посмотрел на лампочку и сжал ее в руке. Лампочка вспыхнула зеленым пламенем. С ее нити брызнули веточки искр. Таким же образом исследовал, незнакомец и печь: он, казалось, спокойно прикасался к горячей плите кончиками пальцев.

Дома Коля смог разглядеть незнакомца внимательнее. Материя, из которой был сделан его костюм, напоминала лоскутное одеяло, но, присмотревшись, Коля увидел, что она состоит из маленьких

ногтевидных чешуек. Ноги были обуты в округлую, твердо стоящую на полу обувь.

Внимание незнакомца привлек стол. Он оскалился и, схватив его за ножку, перевернул. Белая с цветочками чашка упала со стола и разбилась.

— Вот медведь! — сказала Анфиса Тимофеевна, с трудом водворяя стол на место. Ужинать сели все вместе.

— «Картошечка варененька, с огурчиком солененьким, ап-чих-чих-чих, с переверточкой», — пропел Коля детскую песенку, когда Анфиса Тимофеевна открыла крышку кастрюли.

Незнакомец с важным видом вытащил из кастрюли картофелину, резко шлёпнув Анфису Тимофеевну по руке, когда она попыталась ему помочь. Потом он протянул дымящуюся картофелину Коле и, внимательно на него посмотрев, зашлепал губами. То же самое он проделал с солонкой, нечаянно просыпав ее содержимое на пол. Ему очень понравилась вилка. Он согнул ее пополам, выпрямил и снова согнул и, когда она мягко распалась на две части, протянул одну половинку Коле, другую — Анфисе Тимофеевне и опять задвигал губами, вопросительно на них поглядывая.

— Вилка, — сказал Коля, — вилка!.. Он, наверно, хочет спросить, как она называется. — Коля соединил две половинки вилки в одну и несколько раз громко сказал: — Вилка, вилка!..

Он ожидал, что незнакомец подтвердит его догадку, но этого не произошло.

— И сам не говорит и нас не слышит, — сказала Анфиса Тимофеевна, накладывая на тарелку картофеле. — Как хоть звать-то его?

— Просто... ну, просто Человек.

— Ешьте, Человек, — обратилась Анфиса Тимофеевна к незнакомцу.

Коля и Анфиса Тимофеевна принялись за еду. Человек, копируя их движения, отправил в рот картофелину, быстро ее прожевал, скривился.

— Горячая! Зачем же вы ее так сразу, не остудили! — сказала Анфиса Тимофеевна.

— А он не боится горячего, он плитку, раскаленную плитку руками трогал, — задумчиво сказал Коля.

— Сам не говорит, нас не слышит... Один, видно, Джек его понимает. Оттого он к нему и ластится...

— А может, и правда Джек его слышит? — сказал Коля. — Что, если я попробую записать его на пленку через усилитель?

Коля достал магнитофон, смахнул с него пыль, подключил старую, полуразобранную телефонную трубку и обрывком провода привязал ее к спинке стула, на котором сидел Человек. Трубка заменяла Коле микрофон. Человек, видимо, не понимал, что от него хочет Коля; по-рыбьи заглатывая воздух, он следил за каждым его движением.

При прослушивании сначала не было ничего слышно. Потом в тихое жужжание магнитофона вплелись чьи-то шаги, короткий гудок паровоза... Трудно было определить, откуда он пришел: был ли записан или прозвучал только сейчас.

«Вдребезги разбил, и не склеишь», — раздался голос Анфисы Тимофеевны. Это она сказала во время записи;

значит, магнитофон работал.

«Конечно, — подумал притихший Коля, — раз я не слышу, так что же может записать магнитофон?»

Он перевел рычаг на ускоренную перемотку и встал. Человек, протянув руку к магнитофону, неслышно открывал и закрывал рот, а потом оттолкнул Колю и схватил усилитель.

— Осторожно! Током, током ударит! — только и успел крикнуть Коля, но было уже поздно.

Всей пятерней незнакомец залез в «монтаж» усилителя. Быстро, будто играя, пробежал пальцами по деталям. Он безбоязненно притрагивался к оголенным концам сопротивлений, конденсаторов, оголенным слезкам пайки. Презрительно оттопырив губы, вырвал сопротивление, что-то внутри усилителя щелкнуло, электрическая лампочка мигнула и погасла.

— Замыкание! — с досадой сказал Коля.

— Черт проклятый! — отозвалась Анфиса Тимофеевна.

Коля на ощупь отключил магнитофон, потом вышел в переднюю, покопался в пробках. Свет зажегся, и Коля зло сказал:

— Уходи, уходи, откуда пришел!

— Завтра и уйдет, — неожиданно сказала Анфиса Тимофеевна. — Куда сейчас, на ночь глядя? Пусть уж...

— Я работал, работал! — говорил сердито Коля. — Знаешь, как трудно собрать все детали к магнитофону? А наладить! Ты что, с Луны свалился?.. — Коля взглянул на Человека. — С Луны свалился... — повторил он, будто пробуя на зуб эту мысль.

Человек успокоился. Притрагиваясь к окружавшим его вещам, он неторопливо расхаживал по комнате.

— Спать его нужно уложить, — сказала Анфиса Тимофеевна. — Пьяный он, вот что. Отец твой, когда с нами жил, тоже иногда штуки выкидывал.

Она постелила Человеку на раскладушке и, потушив свет, улеглась. Коля вынес Джеку остатки щей и тоже лег.

— Коля, посмотри, у него глаза светятся. — неожиданно сказала Анфиса Тимофеевна, — зеленые, зеленые!.. Коля, а он не... шпион?

Коля замотал в темноте головой:

— Тетя Фиса, он не наш, совсем не наш.

— И я тоже думаю: не наш! И зачем это я, дура этакая, привела его в дом? Пускай бы шел своей дорогой...

Они еще долго наблюдали за Человеком, пока незаметно не заснули.

Когда Анфиса Тимофеевна проснулась, первая ее мысль была о том, что вчера произошло что-то необычное. Напрягая зрение — было еще темно, — она всматривалась в тот угол, где стояла раскладушка.

— Коля, Коля, — позвала она, — проснись скорее! Наш-то гость ушел. Выйди в переднюю, посмотри, висит ли пальто, не стянул ли он чего?

Коля, звеня пряжкой пояса, оделся.

— Все цело, — донесся голос Коли из передней. — Вы спите, тетя Фиса, я пойду поищу его.

Коля вышел во двор.

Густой утренний туман лежал в овраге. Непрерывно гудя, прошла электричка. «Бойтся, — подумал Коля о машинисте, — туман...» Коля подошел ближе к насыпи и сразу увидел вчерашнего незнакомца. «Он! Сидит на рельсе!» Коля забрался на насыпь и пошел по шпалам, но Человек поднялся на ноги и стал удаляться от него ровной походкой.

— Эй, товарищ!.. Как вас? Человек! — крикнул Коля.

Сзади раздался низкий вой: сверля туман прожектором, приближалась электричка.

Теперь Коля уже не шел — бежал, скользя на мокрых шпалах, то и дело спотыкаясь, а впереди скользил по рельсу Человек. Как будто задумавшись о чем-то важном, он не замечал опасности.

«Ужжж-а-а-а!» — рявкнула совсем близко сирена. Коля едва успел отпрянуть в сторону. Он закричал от ужаса, от сознания своей вины перед этим непонятным человеком.

Удар, ослепительная вспышка света — и поезд остановился.

Коля бросился вперед, споткнулся о шпалу и упал. Из первого вагона выскочили люди, бережно подняли Человека в вагон.

— По вагонам! — донеслось спереди.

Поезд медленно стал набирать скорость. Коля едва успел схватиться за поручни последнего вагона. Дверь оказалась запертой. На платформе следующей станции Коля спрыгнул на ходу и, обгоняя еще движущийся поезд, перебежал в тамбур следующего вагона. С трудом проталкиваясь в тесно набитом людьми вагоне, он пробирался вперед. Однако переход между вагонами был занят каким-то шкафчиком, владелец которого держал ручку двери и что-то быстро и резко говорил всем, кто пытался ее открыть. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы пробраться вперед, и, когда поезд застучал на стыках, подъезжая к городу, Коля огорченно махнул рукой и прижался к холодному углу тамбура. Все говорили об аварии, о том, что кто-то попал под поезд. Одни говорили, что пострадавшим был мужчина, другие — женщина, мать троих детей...

Вокзал... Коля рванулся вперед, но сразу же попал в поток спешивших на работу людей. Многие шли группами. Впереди мелькнули носилки, и тесное кольцо любопытных преградило путь. Коля сошел на асфальт вокзала и успел только увидеть светлую машину с красным крестом на ветровом стекле, которая медленно выезжала через широко открытые ворота, увозя его незнакомца.

— Вот хорошо, что теперь машина дежурит, — сказал кто-то сзади. — А то был такой случай... Да не стой, паренек, на дороге!..

В БОЛЬНИЦЕ

В палате было трое больных. У стены, повернувшись к ней лицом, лежал привезенный из тайги охотник. На средней койке, головой к большому окну, беспокойно ворочался старик с резкими складками-морщинами возле носа и маленькими светлыми глазами. Третьим был Человек, так неожиданно потерянный Колей.

И старик и охотник лежали здесь уже не один день и вели нескончаемые беседы. Правда, говорил только старик. Лежащий у стены охотник с забинтованной головой совсем не мог говорить: он только изредка шевелил левой рукой. Правая его рука была короче левой почти на кисть.

— Отходил ты, отходил, — вздохнул старик. — Теперь тебе только в городе жить. Можно сказать, сама судьба предупредила. Оторвала тебе руку и сказала: «Больше не суйся!»

В коридоре раздался шум, и в сопровождении сестры в палату вошел врач. Поздоровавшись со стариком, он подошел к охотнику, темными от йода пальцами тронул его за плечо.

— На меня не обижайся, — сказал он охотнику. — Что делать?.. Не смог сохранить руку, никак не смог. Да и никто не сохранил бы... А сейчас мы повернемся, повернемся... — Он осторожно, но, видимо, сильно обхватил больного и повернул его к себе. — Не унывай, брат! У нас же с тобой не все дела сделаны, и какие дела!..

— А я ему что говорю? — вмешался старик. — То же самое! Только зря вы на него время тратите. Лежит себе, и пускай лежит! Обидно даже за вас! Тяжелый он человек. Излагаю ему что к чему, а он

пальцы в кулак сожмет, аж посинеет кулак-то. Разве от него дождешься благодарности?

— Ничего, Серафим Яковлевич, скоро мы ему повязочку снимем, он вам все объяснит, всю свою благодарность... Ну, а ваши как дела? На поправку дело идет? Хороши, а?

— Какое хороши, болит... болит, и все! Сестра сняла повязку. Борис Федорович наклонился над Серафимом Яковлевичем, внимательно осмотрел швы.

— Как он лежит, сестра? — спросил он.

— Крутится, — вздохнула сестра, избегая взгляда Серафима Яковлевича.

— Книжку ему надо дать, сестрица.

— А хоть бы и книжку! Перемолвиться словом не с кем. Слева немой, справа — и того хуже.

— Именно хуже, — сказал Борис Федорович и подошел к третьей кровати.

— Вот, вот, — продолжал Серафим Яковлевич, — мало того, что носом свистит, так еще по ночам светится. Подумать только! Будто у него в брюхе электросваркой кто занимается. Чудеса! Какой уж тут покой! Опять-таки медицина...

— Все медициной недовольны... А ведь ваше счастье, что пенициллин открыли...

— Это вы оставьте — насчет пенициллина. Все говорят: у вас рука искуснейшая, а как взглянете, так кровь затворяется.

Борис Федорович сделал такой жест, будто отогнал назойливую муху, и присел на табурет возле третьей койки.

— Как температура?

— Возьмите, Борис Федорович. — Сестра протянула температурный листок.

Борис Федорович встал:

— Пятьдесят градусов?! Непостижимо! Чем же вы мерили?

— Брала у биохимиков в лаборатории. На триста градусов термометр. Уж как они допытывались, зачем нам, в хирургическом, такой термометр понадобился! — улыбнулась сестра.

Борис Федорович ощупал тело больного, отдернул пальцы.

— Тяжелый шок, до сих пор не пришел в себя. Да у него, я вижу, и анатомические расхождения. Вот эта мышца... бицепс... А вот эту, на груди, вы знаете, сестра? И я не знаю! Три года работал ассистентом на кафедре анатомии — и не знаю!

— Отклонение от нормы? — робко спросила сестра.

— Какие там отклонения! Новые, совершенно новые мышцы! Следовательно, и кость должна быть другой! А почему, сестра, не раздели его, почему не сняли этот шутовской балахон?

— Снимали, разрезали, а он сразу восстановился. Мы еще раз разрезали, а он опять...

— А почему я ничего не знаю об этом?

— Вы, Борис Федорович, не поверили бы, накричали...

Борис Федорович смутился.

— Вот что, попросите сюда рентгенолога. Пусть поднимется... — Борис Федорович глубоко задумался.

— Григорий Матвеевич пришел, — сказала минут через пять сестра. Она тяжело дышала: рентгеновский кабинет помещался этажом ниже.

— Григорий Матвеевич, — обратился Борис Федорович к рентгенологу, — посмотрите-ка. Обратите внимание на общую «архитектуру» организма... И откуда он — неизвестно... Пришел ли со дна моря, сошел ли с каких-нибудь неизведанных ледников, но ясно одно: эволюция пошла в этом случае по совсем другому пути, это совсем другое решение...

Борис Федорович взял руку незнакомца, с минуту подержал ее, осторожно опустил.

— Это не пульс, — сказал он, — какая-то вибрация. ударов нет... Но он жив, он борется. Как ему сейчас нужен покой, полный покой! А у нас как раз в части здания ремонт, и, кажется, надолго... И потом, Григорий Матвеевич, вот возьмите температурный листок... Что скажете? Невиданный случай нарушения интерорецепторной регуляции организма, невиданный...

— Как, как? — переспросил Серафим Яковлевич. Он давно уже прислушивался к разговору.

— Нарушение интерорецепторной терморегуляции организма, — рассеянно сказал Борис Федорович, — интерорецепторной...

— Сплошное «р-р-ры» какое-то, — прошептал Серафим Яковлевич. — Должно быть... собачья болезнь?

— Гораздо проще... У нормальных людей температура всех частей тела примерно одинакова. А здесь она и разная и, в среднем, очень высока... Ничего он не говорил, больной -то, а, сестра?

— Нет, нет, Борис Федорович.

Они помолчали.

— Возьмем его вниз, — предложил Григорий Матвеевич. — Что вас будет интересовать в первую очередь?

— Череп, в первую очередь — череп, потом попробуйте снять таз... Сестра, вызовите санитаров. Больного — в рентгеновский кабинет... Да, Григорий Матвеевич, перед нами другое решение... И, боюсь настаивать, не лучше ли...

— А решил-то кто? Чье решение? — опять вмешался напряженно прислушивающийся Серафим

Яковлевич. (Борис Федорович не ответил.) — Человека нужно от смерти спасать, — вьедливо продолжал Серафим Яковлевич, — а не обсуждать божественные решения...

— Так то человека, — откликнулся Борис Федорович, и в палате стало тихо-тихо.

Замолк Серафим Яковлевич, замер у стены охотник.

— Как?! Так что же вы его здесь держите? Как это можно человека с нечеловеком в одной палате держать!..

* * *

В рентгеновском кабинете был сумрак. Санитары уложили Человека на твердый, покрытый линолеумом стол.

— Легкий какой! — удивился один из них. — Прямо весу в нем нет!

— Начнем, — сказал Григорий Матвеевич и щелкнул выключателем на пульте рентгеновского аппарата.

Светящаяся в темноте стрелка поползла вверх, и сразу же вокруг одного из концов горизонтально расположенной рентгеновской трубки появился свет. Григорий Матвеевич увеличил напряжение, и по пластмассовому цилиндру трубки с треском поползли синие искры. Григорий Матвеевич выключил установку и включил свет.

— Что-нибудь не в порядке? — спросил Борис Федорович.

— Нет, нет, дело не в аппарате, — ответил Григорий Матвеевич. — Миша, протрите, пожалуйста, трубку спиртом. Не жалейте, не жалейте: Борис Федорович нам еще выпишет! — сказал он лаборанту.

Трубка сохла минут пятнадцать. Борис Федорович подсел к столу и стал рассматривать рентгенограммы, накладывая их на ярко освещенное матовое стекло.

Вот он, охотник, — сказал Борис Федорович, рассматривая одну из рентгенограмм. — Вы как раз ушли в отпуск, когда к нам его на самолете доставили.

— Медведь, говорят? — спросил Григорий Матвеевич. — Да... Ружье осечку дало, медведь его и подмял. Снял скальп, а потом руку правую стал жевать. Пока жевал, наш-то левой рукой нож вынул и вспорол мишке брюхо снизу вверх. Убить — убил, а вылезть из-под него не смог: сил не хватило... Двое суток пролежал под ним один в тайге, пока не нашли.

— Рука как?

— Кисть отняли. И челюсть дьявол мохнатый прихватил. Вот рентгенограмма, видите?

— Отохотился... Ну, Борис Федорович, можно приступать.

Григорий Матвеевич включил аппарат, и снова корона искр окружила трубку.

— Миша, — сказал после некоторого раздумья Григорий Матвеевич, — отнесем-ка больного в сторону. Аппарат сразу стал работать нормально. — Есть, — сказал Григорий Матвеевич. — Работает... Теперь больного на место.

Миша и Борис Федорович поставили столик с Человеком на прежнее место. Григорий Матвеевич включил аппарат, и сразу же раздались частые хлопки разрядов, а внутри пульта управления включился аварийный звонок.

— Рентгенограмму этого больного получить нельзя! — уверенно сказал Григорий Матвеевич, вытаскивая из-под головы Человека кассету с пленкой. — Может быть, дело в его странной одежде, а может быть... — Он не договорил. (Человек медленно открыл глаза. В полутемном кабинете они светились двумя яркими зелеными огнями, далекими и загадочными.) — Э, нет, это в нем самом дело!

— Но что же происходит с установкой? — спросил Борис Федорович.

— Воздух становится электропроводящим, ионизируется, что ли, — в раздумье проговорил Григорий Матвеевич. — Боюсь, что ему не врач нужен, а хороший слесарь...

Борис Федорович резко повернулся и пошел к двери.

— А как же спирт? — спросил Григорий Матвеевич. Борис Федорович не ответил.

«ТАКОМУ ТАКИ ГОВОРИТЬ!»

Наконец наступил долгожданный день — день последнего экзамена. С утра настроение Коли было омрачено.

— Тетя Фиса, — спросил он, проснувшись, — а где все-таки мой камень, что под кроватью лежал?

— Какой? — ответила, гремя умывальником, Анфиса Тимофеевна. — Тот, красный?

— Ну да, красный.

— Вставай скорее, поздно уж! Ишь, разоспался! По воду бы сходил, а то все я да я.

— Вы его взяли, да?

— Ну взяла, подумашь! Будто твой камень денег стоит! Я тебе другой такой найду.

— Я из-за него, может, жизнью рисковал. Честное слово!

— Да разве я нарочно? Понимаешь, Коля, я им бочку парила...

— Бочку?

— Ну да, чтобы рыбий запах перебить. Раскалила и бросила в воду. Потом, когда ты стал его искать, посмотрела я туда-сюда, а камня и след простыл. Наверно, рассыпался или тот, зеленоглазый, забросил его куда-нибудь.

— Тетя Фиса, тетя Фиса, что вы наделали?!

— А сейчас что я могу сделать?... Я не думала...

Так и окончился ничем этот разговор, который Коле пришлось вспомнить при самых невероятных обстоятельствах.

Коля экзаменовался во второй подгруппе, с двенадцати часов дня. Экзамен был по химии — предмету, который в классе любили и знали. Все тревоги и опасения были связаны с ассистенткой, преподавательницей химии из другого класса, молодой, энергичной и решительной. Вопросы, которые она задавала, не были сложными, но в накаленной атмосфере экзамена они звучали, как выстрелы в пустой комнате.

Вторая подгруппа, которой стало известно, что «молодая химичка режет», долго рассаживалась за сдвинутыми в угол лабораторными столами.

— Ну, кто первый? — спросила «страшная» ассистентка. — Кто самый смелый?

— Можно мне? — тихо спросил Коля. Он подошел к столу, на котором были разложены маленькие квадратiki — билеты последнего экзамена.

— Пустых билетов нет, — сказал второй ассистент, преподаватель физики, повторяя древнюю, как мир, остроту.

Все заулыбались, а Коля, взглянув на билет с круглой школьной печатью, радостно сказал:

— Двадцать второй!

Этот билет Коля повторил последним и хорошо помнил его. Он вышел к доске и стал рисовать точки — ядра с бегущими вокруг них такими же точками — электронами. Бойко ответил и на все другие вопросы, краем уха услышал: «Можно поставить «четыре», и вышел. Это сказала его учительница по химии, у которой Коля был «четверочником», правда твердым, но «четверочником».

«Ну, «четыре» так «четыре», — подумал Коля. О медали не могло быть и речи: подводили другие

предметы, в основном за девятый класс.

Коля разыскал Виталия и вместе с ним вышел из школы. Под баскетбольным кольцом, раз за разом забрасывая мяч в кольцо, прыгал Борис Рыбаков — комсорг их класса. Они присоединились к игре, и не прошло двадцати минут, как экзамен стал далеким; кровь стучала в висках, все трое тяжело дышали. Утомившись, они отошли в сторонку и разлеглись на траве.

— Ты куда пойдешь? — спросил Виталий Рыбакова.

— Хочу в мореходное училище.

— В Одессу?

Рыбаков кивнул.

— У него фамилия морская — Рыбаков, — лениво сказал Коля, глядя в небо и кусая травинку.

— Туда, наверно, конкурс будет огромный, — вздохнул Рыбаков.

— А если не пройдешь?

— Не пройду — все равно не вернусь. Пойду во флот, год поплаваю кем угодно, опять рискну. А вы куда, ребята?

Виталий не ответил. Коля сказал, по-прежнему глядя в небо:

— В институт попробую. Мне вот жалко как-то... Учились вместе, дружили. Мы вот с Виталькой с первого класса вместе. Шутка ли, десять лет! А теперь расходимся...

— Подумаешь, — сказал Виталий, — сегодня — со мной, завтра — с кем-нибудь другим... Друзья всегда будут. Ты это говоришь, потому что страшно одному идти в жизнь. А чего бояться? Конечно, не все будет гладко, но мы тоже не лыком шиты. Верно, Борька?

Борис открыл было рот, чтобы ответить, но тут его позвали, и он, схватив мяч, убежал. И тогда Коля сказал:

— Виталий, дело есть... Идем ко мне.

Они спустились в овраг, подошли к дому, Анфиса Тимофеевна в этот день не работала и с утра возилась у плиты, которую в свое время собрал Коля из обрезков железа, старой чугунной плиты и водосточных труб. Плита была похожа на катер с высокой трубой. Из трубы валил дым, сыпались искры.

— Ну, Коля, — спросила Анфиса Тимофеевна, — как твои дела?

— Наверно, «четыре», — ответил Коля.

— Почему же «четыре»?

— А я у нее никогда «пятерок» не получал. Как будто все ответил...

— Ну, а ты, Виталий? Слыхала я, медаль получишь?

— Нет, не получу, да мне она и не нужна, — ответил Виталий. — Я все равно в любой институт сдам.

— Сдаст, — подтвердил Коля, и в его голосе, может быть, только любящее сердце Анфисы Тимофеевны уловило маленькую, совсем маленькую нотку зависти. — Виталий сдаст, — продолжал Коля, — он умеет отвечать. Я тоже иногда как будто и знаю, а ответить не умею. Виталька напористый... Я тоже напористый, но по мне это как-то не видно.

Ребята вошли в дом, а Анфиса Тимофеевна тяжело опустилась на скамейку у плиты. Все, о чем она мечтала, свершилось. Она, малограмотная женщина, поставила на ноги хорошего парня, и вот он, взрослый, о чем-то своим толкует с Виталием, которого она тоже знала мальчишкой. Она видела, что мешает им, но не обижалась на них; на сердце было как-то по-особенному спокойно. На мгновение мелькнуло: «А кто ты ему?.. Мать!» — уверенно ответила она сама себе.

С Виталием Коля делился всем и всегда, а Виталий, несмотря на самые убедительные доказательства, говорил только «может быть»... И это его неверие удерживало Колю от рассказа о незнакомце. Может быть, Коля так и не открыл бы Виталию свою тайну, если бы тот не предложил ему принести на выпускной вечер свой магнитофон.

— Мы здорово поем всем классом, вот ты и запишешь на память.

Коля принес магнитофон, поставил его на стол, и они, поминутно отнимая друг у друга отвертку, стали его просматривать. Коля впалял вырванное Человеком сопротивление, поправил свернутую набок головку записи-воспроизведения и включил магнитофон. Динамик спокойно гудел, лента перематывалась, но записи не было слышно. Потом раздался уже знакомый Коле гудок паровоза.

— Работает, — сказал Коля, протянув руку, чтобы выключить магнитофон.

И вдруг в динамике возник какой-то странный звук. Коля насторожился. Из динамика понеслись то гневные, то радостные звуки. Кто-то говорил на незнакомом языке. Эта гортанная, свистящая речь ничем не напоминала русскую. Вскоре она оборвалась.

Коля подождал, пока кончится пленка, потом перемотал ее и, заложив кусочком бумаги то место, с которого начиналась удивительная речь, поменял бобины местами. И снова непонятные звуки.

— Ну, я пойду, — сказал Виталий. — Понимаю, секрет-Коля догнал Виталия у шоссе.

— Ты пойми, Виталька, тут такое дело... В общем, был у нас один человек. Очень странный, такой странный, что, может быть, он из другого мира...

— Может быть, — сказал Виталий, и Коля, огорченно махнув рукой, побрел домой.

— Тетя Фиса, — сказал он, — Человек-то наш говорил! Я его записал!

— Да ведь ничего слышно не было!

— А вот послушайте. — Коля включил магнитофон и прогнал пленку справа налево и слева направо. И тетя Фиса, наморщив лоб, уверенно сказала:
— Он... Такому так и говорить!

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ МИХАНТЬЕВ

Коля уложил магнитофон в спортивный чемоданчик, надел приготовленный Анфисой Тимофеевной новый полотняный костюм и отправился на станцию. Новый костюм несколько стеснял Колю; казалось, все смотрят и говорят: «Ишь, бездельник, вырядился! Это в будний-то. день!» Костюм был сшит к выпускному вечеру, но сегодня Анфиса Тимофеевна сама предложила его надеть.

— К людям идешь, — сказала она.

Приехав в город, Коля зашел в ближайшую телефонную будку и набрал номер, который ему дал Михантьев. Трубку тотчас же сняли. Коля услышал чрезвычайно приятный женский смех, потом тот же голос спросил:

— Да-а?..

— Это Ростиков с вами говорит, — крикнул Коля в трубку. — Мне товарища Михантьева позвать нужно. Можно Михантьева позвать?

— Ах, Михантьева? Он, видите ли, в другом корпусе... А вам он очень нужен?

— Он дал мне этот номер и сказал...

— Михантьев дает этот номер всем. Всем!

— Но как же тогда?..

— Лучше всего приезжайте. Наш адрес вы знаете? Девятого Мая, семьдесят, вход с Малаховского.

С особенным чувством вошел Коля в здание научно-исследовательского института, в котором работал Михантьев. Он ведь и сам мечтал стать физиком, научным работником.

Здесь сыграли свою роль научно-фантастические романы, статьи в популярных журналах, рассказы школьных преподавателей. Сыграли свою роль и те изумительные творения науки и техники, которые со свистом и ревом проносились по утрам в его родном небе, бороздили дальние моря, раскалывали горы, меняли русла рек и производили массу другой интереснейшей и героической работы. Он жил возле станции, и каждая новинка железнодорожного транспорта влетала в его жизнь. Новый электровоз, синий, коренастый, без дыма и шума, огни электросварки, сиявшие на строящемся переходном мосту, ножовка с метровой ручкой для распиливания рельсов, имели не меньшее значение для Коли, чем фотографии замысловатых приборов, поднятых со дна Ледовитого океана. И вот он в институте, и перед ним какая-то, вероятно, очень ученая женщина.

— Я бы хотел видеть Михантьева, — робко сказал Коля, — Дмитрия Дмитриевича. Он мне велел позвонить... Вот... — Он достал из нагрудного кармана листок, который дал ему Михантьев.

Наталья Степановна, секретарь-машинистка, мельком взглянула на листок.

— Одну минутку...

Она подняла трубку внутреннего телефона и сказала номер.

— Дмитрий Дмитриевич? У меня сейчас сидит один юноша. Говорит, что вы его вызывали... Нет, нет, я с ним не беседовала. Семен Яковлевич? Семен Яковлевич болен... Да, симпатичный... Нет, не влюбилась, он еще маленький...

— Дмитрий Дмитриевич сейчас придет, — сказала Наталья Степановна, вешая трубку, — посидите немного. — Она выдвинула ящик стола и погрузилась в чтение какой-то книги.

Дверь широко распахнулась, и вошел Дмитрий Дмитриевич. Тогда, в лесу, Коля не успел рассмотреть его и, пожалуй, не узнал бы, встретившись с ним на улице. Худой, носатый, стремительный, он сразу понравился Коле.

— А, Николай Ростиков? Отмечай пропуск, и пойдем потолкуем.

Они прошли по коридору и оказались в небольшой пустой комнате. Сбоку была дверь в лабораторию. Через узенькую щель Коля успел заметить какой-то причудливо изогнутый прибор, покрашенный в серо-голубую краску. Слышалось какое-то журчание, запах горящего металла.

— Что там? — спросил Коля.

— Там? Лаборатория... А что, интересно?

— Очень...

— Как-нибудь в другой раз покажу. Ну?.. Принес? Показывай свой метеорит.

— Откуда вы знаете?.. Я потерял его, то есть я точно не могу сказать, что это был метеорит... Я нашел камень...

Волнуясь и путаясь в ворохе воспоминаний, Коля рассказал все. Дмитрий Дмитриевич долго молчал, затем сказал негромко:

— Не верить не хочу. Мне приятно тебе верить... Действительно, меня тебе обманывать нечего, незачем; Ведь так? Но мне кажется, что сейчас нужно отделить твою находку там, в лесу, от появления этого твоего незнакомца. Камень, пропавший камень! Что с ним, где он? Исчез, растворился в бочке, рассыпался? Ведь его я и искал... Яму, воронку твою, придется осмотреть с величайшей тщательностью. Может быть, сохранились осколки...

— Я виноват...

— В крайнем случае мы соберем землю перед твоим домом, там, где опрокинулась бочка, и, я думаю, сумеем отделить «небесное» от «земного». Это не просто, но можно. Давай свой адрес, я подъеду к тебе и...

— А незнакомец? Разве он вас не интересует?

— С Человеком твоим сложнее... Я не биофизик и, сказать по правде, не очень... А, Коля?

— Не верите?..

— Ты говоришь, что он горячий? А температуру измерял?

— Нет, но стоило только прикоснуться к нему...

— Этого мало! Если ты настаиваешь, я его, конечно, поищу, но найти его будет, пожалуй, трудновато: не говорит, не слышит и вдобавок горячий...

— Он говорит! Я, кажется, записал его на пленку.

— Записал? Но ты же мне сам...

— А все-таки записал, только не пойму, как это получилось. Я записывал его, и ничего не было слышно. А вчера вот включил, и там оказалась запись, Я принес ее. — Коля поставил магнитофон на стол.

— Это твой магнитофон? Сам сделал?

— Сам...

Коля включил магнитофон, и, когда грохочущая речь незнакомца наполнила комнату, дверь, ведущая в лабораторию, приоткрылась и показалась чья-то поцарапанная, с припухшими глазами физиономия.

— Иди сюда, Глеб, — позвал Дмитрий Дмитриевич. — Это по твоей части... Вот познакомься, Коля. Глеб также любитель звукозаписи, только с танцевально-музыкальным уклоном. — Дмитрий Дмитриевич усмехнулся.

Глеб прослушал запись и сказал:

— Так это же задом наперед!

— Да? Вы так думаете? Пожалуйста! — Коля поменял бобины местами и опять включил магнитофон.

— Ну-ка, дай мне, — попросил Глеб. Он отключил мотор и стал прокручивать бобину рукой, но звуки были по-прежнему неразборчивы.

— Чудеса! — сказал Глеб и бросился назад в лабораторию, где неожиданно замолкло жужжание какого-то прибора.

Михантьев посмотрел ему вслед и проговорил:

— Только в одном случае возможен этот эффект... Скажи, Коля, ты записывал при обычной скорости?

— Да, и ничего не получилось. Губами он все время двигал, все время... Потом я поставил на перемотку, а он поломал магнитофон, а когда пришел Виталий — это мой друг...

— Постой, постой, а какая у тебя в магнитофоне скорость перемотки?

— Два метра в секунду, но Виталий...

— Не перебивай! А воспроизводишь при какой скорости?

— Двадцать сантиметров в секунду, приблизительно.

— Так... Теперь слушай внимательно. Скажи, при перемотке могла быть включена кнопка записи? Твоя конструкция это допускает?

— У меня она все время включена. Я ведь перед записью все равно стираю.

— Знаешь, что ты записал? Ты записал ультразвук! Теперь все понятно! Я так, на слух, оцениваю самые низкие частоты в этих звуках, примерно, в тысячу колебаний в секунду, в тысячу герц... Не меньше. Но это при нормальной скорости воспроизведения. Следовательно, в его речи были частоты в десять раз больше. Странно, что ты его не слышал... Хотя бы свист?

Коля задумался.

— Был какой-то едва слышный писк, теперь я припоминаю... Мне только казалось, что это у меня в ушах звенит, я даже изобразить не могу, такой он был слабый и тонкий.

— Вот этот «писк» ты сейчас и слышишь. Не понимаешь? Ведь, когда тормозишь патефонную пластинку, все звуки становятся ниже.

— Да, да, я знаю! Поет певица, а если затормозить, то получится мужской голос...

— Правильно... Говорит твой Человек, только говорит ультразвуками, как это ни странно, и если только это все не фокус. А, Коля?..

— Что вы? Разве я обманщик какой? Я сам не понимал, почему записалась его речь... Но кто же он? Кто этот Человек?

— Еще один вопрос... Какие у тебя емкости между каскадами усилителя?

— Я их подбирал, взял даже меньше, чем нужно было по схеме. Разве легко найти подходящий конденсатор...

— Удачно подобрал. Ну ладно... Я займусь твоим Человеком. И если он жив, то...

— Он жив?! Он такой... такой на всех не похожий! Неужели вы думаете, вы думаете, что он...

— Будем надеяться... Ну, пошли.

В автобусе Дмитрий Дмитриевич спросил:

— Тебе от отца не влетит, если к обеду опоздаешь?

— У меня нет отца.

— Ас кем же ты живешь?

— У меня мачеха, но она хорошо, очень хорошо ко мне относится. Вот, костюм сшила... И вообще любит меня. Когда отец еще с нами жил, пил он сильно, а потом куда-то пропал. Письмо было одно, из Астрахани, а сейчас уже давно ничего нет... У нас дом в низине, коза есть, и лягушек видимо-невидимо...

Они подошли к огромному, с полквартала, зданию; прошли через двор к внутреннему корпусу и поднялись по темной лестнице на третий этаж.

Дмитрий Дмитриевич открыл английский замок, пропустил вперед Колю.

В кабинете Дмитрия Дмитриевича был беспорядок. На столе, возле телефона, лежал на боку осциллограф. Снятый с него корпус валялся в стороне и уже успел наполниться книгами и мотками проводов... Дмитрий Дмитриевич отыскал телефонную книгу и стал набирать номер за номером.

— К вам не привозили больного, чрезвычайно горячего, в такой странной круглоносой обуви?... Нет, нет, вас никто не дурачит. Я серьезно... Черт! Не хотят даже разговаривать!.. Простите, — звонил он в другую клинику, — простите, человек с зелеными глазами, человек без зрачков к вам не поступал?

— Повестьте, пожалуйста, трубочку! — услышал Коля громкий ответ.

— Я рассчитываю на то, — сказал Дмитрий Дмитриевич, просматривая телефонную книгу, — что если в клинику поступил такой странный человек, то вся клиника должна об этом знать.

— Как фамилия, имя, отчество больного? Возраст? Кем приходиться больному? — слышал Дмитрий Дмитриевич в ответ.

Он не мог ответить на эти вопросы, и в трубке слышались торопливые сигналы отбоя. Наконец, когда список клиник почти истощился, ему ответили:

— Несчастный случай на железной дороге?... Да, у нас...

— Нашли? — спросил Коля.

Дмитрий Дмитриевич кивнул.

— Просили не класть трубку, сейчас подойдет хирург, — шепотом сказал он.

— Нужно иметь нормальных родственников, а не печку? — послышалось в трубке. — Кто интересуется больным? Его знакомый? Приходите в клинику, спросите заведующего отделением Бориса Федоровича.

«Борис Федорович», — записал Дмитрий Дмитриевич на полях телефонной книги.

— Так, незнакомец твой жив, Коля, и вообще существует...

«НАДЕЕМСЯ, НАДЕЕМСЯ...»

Борис Федорович пользовался заслуженной врачебной славой. В свое время ему посчастливилось в выборе темы для диссертации, его научным руководителем долгие годы был один из виднейших наших хирургов, и двадцати восемью лет Борис Федорович стал доктором наук.

Все считали его незаурядным, а некоторые даже талантливым хирургом, но до сих пор ему нравилось вспоминать о том, что когда-то, в школе, он прекрасно успевал по математике. «Мне следовало бы стать инженером, — думал он, — я строил бы мосты-гиганты, глубочайшие шахты, длиннейшие туннели... Это мое истинное призвание». С каждым годом хирургия все меньше нравилась ему. Он пытался — и не без успеха — освежить свою область привлечением физических и химических методов исследования. Он ломал трубчатые кости на ударных копрах кафедры сопротивления материалов строительного института, фотографировал и описывал осколки; сдавливал черепа в гидравлическом прессе; измерял биотоки в открытых ранах; изучал модель головки бедренной кости, сделанной из органического стекла, в поляризованном свете. Его работы были опубликованы, обсуждены на научных сессиях, некоторые легли в основу диссертаций его учеников, но не было шумных поздравлений, фотографий в газетах, всемирно известных премий, не было «настоящей» славы...

— Хирургия себя изжила, — с горечью говорил Борис Федорович, — косная, консервативная специальность. Нужно искать, нужно открыть что-нибудь необыкновенное!..

Но время шло, а заветное открытие не приходило. Где-то рядом, казалось ему, пробивался родничок в какой-нибудь, пока далекой от медицины, области знаний... Увидеть, испытать, внедрить!

И вот в его палате появился этот необыкновенный больной. Надо было что-то предпринять, и немедленно, как можно скорее! Но что именно? Надежды, которые появились у Бориса Федоровича в связи с телефонным звонком и визитом кандидата наук Михантьева, не оправдались. Выяснилось, что ни Михантьев, ни сопровождавший его мальчишка ничего толком не знают. Борис Федорович выслушал сбивчивый рассказ о какой-то бочке, об ультразвуковой речи и выпроводил посетителей, так и не допустив их к больному. Это было в субботу вечером.

В воскресенье Борис Федорович отправился со своим сыном Алешей в политехнический музей. Алеша заболел «атомной болезнью» в острой форме. Он приставал к отцу, заставляя его рыться в специальной литературе, замучил своего преподавателя по физике вопросами, не укладывающимися в

программу. «Об этом тебе подробно расскажут в десятом классе, — уговаривал его преподаватель, — подожди немного, все узнаешь». В музей Алеша приходил уже несколько раз: ему нужно было сфотографировать макет атомной станции, но ему не позволяли, так как для этого нужно было какое-то специальное разрешение. За помощью Алеша обратился к отцу, предварительно обрисовав ему всю важность вопроса применения и использования атомной энергии в мирных целях.

— Ты постоишь возле меня, а когда кто-нибудь из служащих войдет, ты крикнешь: «Атас!» Я тебе покажу, кого нужно бояться.

— Атас? — переспросил Борис Федорович. — Странное слово.

— Да, атас. В твоё время кричали: «Шухер!»

Борис Федорович сдвинул брови, но тут же вспомнил: действительно, когда-то в юности он использовал что-то в этом роде, и дал согласие.

— Атас так атас, — сказал он.

Они поднялись на третий этаж музея, где в зале энергетики стоял макет атомной электростанции. Макет был выполнен учениками свердловской средней школы.

— И это нельзя снимать? — удивился Борис Федорович. — Да это же тема для «Вечерки»!

— Тихо, на нас смотрят, — прошептал Алеша. Внимание Бориса Федоровича привлекла модель паровоза. Проходившая мимо экскурсия оттеснила его, но он успел рассмотреть, что экскурсовод поворачивал какой-то кран за паровозом и паровоз начинал резво вращать колесами и через равные интервалы давал лихой милицейский свисток.

Когда экскурсанты прошли, Борис Федорович тоже открыл краник, но тут из своего уголка выбежал консультант и сказал, что «это возмутительно».

— Простите, но пар...

— Здесь нет никакого пара! Здесь сжатый воздух! И консультант, полузакрыв глаза, немедленно влез в такие технические дебри, что Борис Федорович с опаской отошел от него и поискал глазами Алешу. Но Алеша не было видно.

Борис Федорович прошел в соседний зал, где одновременно журчали голоса трех экскурсоводов, но Алеша не было и там.

— Вы моего мальчика не видели? — спросил Борис Федорович у консультанта.

— Того, что фотографировал макет? — обиженно сказал консультант. — Я все видел... Ваш мальчик... ваш мальчик там! На лекции! — Он указал на черный занавес, закрывавший вход, к которому вела широкая деревянная лестница.

Борис Федорович поднялся по лестнице и хотел было отдернуть занавес, но консультант его не пустил.

— Туда нельзя! Там лекция, лекция по ультразвуку! Вы, по-видимому, не следите за нашими афишами...

— По ультразвуку? — заинтересовался Борис Федорович; он неожиданно вспомнил разговор с недавними посетителями. — А кто читает?

— Профессор Кучерявый, Евгений Леонович! Нет-нет, вы не следите за нашими афишами.

Консультанта вызвали в другую комнату, и Борис Федорович раздвинул занавес и вошел в лекционный зал.

Он сразу увидел Алешу — тот стоял в проходе, уставившись на лектора.

Зал был заполнен самой разнообразной публикой; На задних рядах разместились молодые люди, скорее всего студенты. Всем своим обликом они хотели сказать каждому, кто на них ни взглянет, что все затронутые в лекции вопросы им давным-давно известны.

Середину зала занимали постоянные посетители, знакомые Борису Федоровичу и по его собственным лекциям. Это были пожилые люди, которым не нужно было по тем или иным причинам спешить куда-либо, весьма солидная публика с обостренным интересом к вопросам цветного телевидения, радиолокации, выращиванию лимонов в домашних условиях и лечению желудочных заболеваний в раннем детстве.

Впереди сидели ученики и друзья лектора, а также юноши и девушки, о чем-то тихо шептавшиеся друг с другом.

Лекция была интересной. Как понял Борис Федорович, речь шла о новейших применениях ультразвука. Лектор — человек небольшого роста, на лысой голове берет странной квадратной формы, отчего все вместе, и голова и берет, напоминали аккуратный кубик, — четко и ясно излагал материал. Он читал хорошо, правда почти не отрываясь от напечатанного текста. Время от времени он внушительно оповещал аудиторию, что «этот вопрос... м-м-м» или «а этот вопрос совершенно... м-м-м-м». И всем становилось ясно, что затронутый вопрос не может быть освещен из-за теоретической сложности или из-за еще более тонких соображений.

Евгений Леонович окончил лекцию. Ему стали задавать вопросы, но Евгений Леонович указал рукой на представителя музея, председательствовавшего за демонстрационным столом. Жест выполнил сразу несколько функций. С одной стороны, Евгений Леонович подчеркнул, что хорошо помнит, кто здесь хозяин, с другой — этот жест как бы говорил: вот видите, какой успех, какой успех, какой интерес у публики! Борис Федорович усмехнулся. «Хитер, ловок, но знает, отлично знает свою специальность», —

подумал он.

— Аудитория была предупреждена о том, что вопросы следует подавать только в письменном виде, — сказал председатель.

В зале зашуршали листками из записных книжек, старыми театральными программами, но в руках у Евгения Леоновича появились какие-то беленькие бумажки, и он, делая вид, что с трудом разбирает незнакомый почерк, прочел вопрос, быстро на него ответил и, добавив, что особенно интересующиеся могут к нему подойти после лекции, сошел с кафедры.

И этот трюк не прошел незамеченным. «Знающий и ловкий, очень знающий, но, кажется, слишком ловкий...» — раздумывал Борис Федорович, пробираясь с Алешей к выходу.

Алеша был в восторге:

— Понимаешь, папа, он говорил, что можно паять алюминий с помощью ультразвука! Как это для меня важно! Оказывается, алюминий потому не сплавляется, что сразу же покрывается тоненькой пленочкой окисла, а ультразвук эту пленочку разбивает как раз в момент пайки... Медную проволочку можно будет прямо к алюминиевому шасси припаять... Да ты понимаешь, папа, что это такое?!

Они отошли в сторону, пропуская мимо себя поток слушателей. Борис Федорович не без удивления заметил, что большинство аудитории вспоминало два применения ультразвука: пайку алюминия, так понравившуюся Алеше, и беззвучную бормашину для сверления зубов.

Евгений Леонович сошел вниз в окружении двух очень пожилых людей и одного мальчика лет двенадцати. Как понял Борис Федорович, все трое были изобретателями.

С наигранной серьезностью Евгений Леонович говорил:

— Всё письменно, прошу вас: всё изложите письменно. Так, на ходу, я не смогу разобраться. Ваши изобретения требуют внимания...

— Какие там изобретения, — заскромничали старички, а щеки мальчика вспыхнули.

— Евгений Леонович? — четко спросил Борис Федорович.

— Да? С кем имею честь?..

— Мне рассказывал о вас Герман Павлович. Мы как-то отдыхали с ним вместе... И вот я с сыном...

— Ах, так это ваш отрок? Очень приятно! Он с таким непосредственным интересом слушал сейчас мою лекцию, что я обратил на него внимание... Чем могу быть полезен?

— Я, видите ли, хирург, заведу отделением... Хотел бы с вами посоветоваться, Евгений Леонович... Ко мне в отделение два дня назад был доставлен очень странный человек... Признаться, что «человеком» я называю его с некоторым трудом. Он жив, но в очень тяжелом состоянии. Это совершенно необычный случай, поверьте мне... Евгений Леонович, я очень, очень прошу вас выслушать меня.

— Я весь внимание, — сказал Евгений Леонович. — Но мы, кажется, можем присесть. В ногах, знаете ли, правды нет.

Они прошли к столу консультанта, который с готовностью предложил им стулья. Сам консультант вскоре увлекся разговором с Алешей в другом конце комнаты.

— Да, так я не вижу, чем все-таки могу быть полезен...

— Понимаете ли, Евгений Леонович, этот больной был доставлен к нам с травмой, полученной на железной дороге. Он не говорит и не слышит, его кожа покрыта каким-то роговым слоем, не проницаемым для иглы шприца. Родных и близких у него никого нет, если не считать двух странных субъектов, которые настаивают на том, что человек этот говорит, но говорит ультразвуками. Сейчас все знакомые мне физики в отпуску, и, когда я случайно попал на вашу лекцию, мне невольно пришла в голову мысль, что вы сможете разрешить целый ряд моих сомнений.

— Говорит ультразвуками? Так утверждают ваши, как вы их называли, субъекты?.. Гоните их в шею! Послушайте меня, опытного в таких делах человека. Это шарлатаны, типичные шарлатаны!.. Известно несколько случаев, когда живые существа продуцируют ультразвуки. Некоторые виды кузнечиков и, конечно, летучая мышь — гвоздь популярных лекций, — которая действительно имеет нечто, напоминающее ультразвуковой локатор. Но человек?.. Ах, впрочем была одна певица, очаровательная, знаете ли, женщина, так она брала столь высокие ноты, что их можно было зафиксировать только осциллографическим методом. Но говорить?.. А кто они, эти ваши «специалисты»?

— Один из них представился кандидатом наук, физико-математических наук, а другой — мальчик, скорее всего, лаборант.

— А как фамилия этого кандидата? Ах, Михантьев? Дмитрий Дмитриевич? Это... — Евгений Леонович мгновение колебался. — Он кандидат, совершенно верно, но он не котируется. Нет, не котируется. Вечно у него некрасивая переписка с рецензентами!.. Да, вы сказали, что Дмитрий Дмитриевич, то есть этот Михантьев, что-то записал?

— Не знаю подробностей, но он так утверждает.

— Прекрасно! А другие странности вашего больного?

— Я провел несколько консилиумов, но безрезультатно. Одежду снять нельзя. Пульс невероятный. Кожа, как я вам уже говорил, подверглась ороговению, игла шприца ломается при попытке сделать укол...

— Я с удовольствием займусь этим, — сказал Евгений Леонович. — Будьте добры, ваш адресок.

Борис Федорович вырвал листок из своей записной книжки, записал адрес клиники и протянул

Евгению Леоновичу:

— Можете приступить завтра с утра.

— Да, да. Предупредите, что я приеду с помощником, двумя осциллографами и ста-би-ли-за-то-ром напряжения, — значительно проговорил Евгений Леонович. — Рад познакомиться. Милый у вас мальчик, очень милый! Физикой интересуется? Да, юношество принадлежит нам, нам — физикам. Как тебя зовут? Алеша? Мы еще обязательно побеседуем, обязательно...

На следующее утро Евгений Леонович появился в клинике в сопровождении трех помощников, которые несли оборудование и провода.

Борис Федорович встретил их у дверей палаты.

— Я вам мешать не намерен, но только помните, что больной еще слаб. Пока только проверьте, правду ли говорил Михантьев... А что это за приборы у вас? Я обязан знать во избежание разных нареканий.

— Вот катодный осциллограф, а это шлейфрвый. Катодный осциллограф позволит только просмотреть на экране форму колебаний, а в шлейфовом мы заставим колебаться маленькие зеркальца — их здесь восемь. *Зеркальца отклоняют* лучи света на фотопленку, и на ней после проявления мы увидим нужную нам кривую.

— Ах, так он сродни кардиографу?

— Да, тот же принцип. В остальных ящиках вспомогательное оборудование.

* * *

— Как будем записывать? — спросил Евгений Леонович у своего помощника, когда вновь обрел дар речи: Человек произвел на всех громадное впечатление.

— Сначала просмотрим на экране катодного осциллографа... Нужно, хотя бы на глаз, определить высокие частоты, если они вообще будут наблюдаться... Начнем?

В середине- молочно-белого экрана затеплилась зеленая точка, потом она стала ходить справа налево, справа налево, все быстрее и быстрее, пока ее след слился в сплошную линию.

Семен Константинович, помощник Евгения Леоновича, поднес микрофон ко рту больного.

На экране мелькнули и погасли изогнутые линии.

— Прикиньте частоту, — сказал Евгений Леонович. Бегущие по экрану синусоидальные кривые сменялись то частоколом высоких частот, то более плавными кривыми, и в эти мгновения слышался тонкий свист, исходящий от больного.

— Прикинуть?... — Семен Константинович стал на одно колено, близоруко всмотрелся в положение рукояток управления на передней панели осциллографа. — Развертка у нас десять тысяч колебаний в секунду, синхронизация отключена... Следовательно, от десяти до... да, до пятидесяти тысяч герц. Попробуем записать?

Евгений Леонович разволновался... Давно уже его слишком откровенное стяжательство, популярные брошюры, многочисленные лекции на темы, в которых он не был специалистом, бросали на него нежелательную тень. Один раз он услышал разговор: «Очень уж Евгений Леонович увлекается денежными делами... Последняя его брошюра ни по методу изложения, ни по содержанию не нова. К чему писать?...»

И вот сейчас «мелочи», лежащие на его пути в академию, могли быть «сняты», побеждены... Перед ним было настоящее, большое открытие. «Михантьев не дурак, нюх у него собачий!» — думал Евгений Леонович.

— Отключайте, Семен Константинович, все шлейфы, кроме одного, и давай те записывать, скорее записывать!.. И в журналы, и в журналы... В «Журнал экспериментальной и теоретической физики», в «Журнал физиологической акустики», в «Акустический журнал», в журнал «Биофизика»... — Евгений Леонович долго еще шепотом перечислял названия журналов, потирая руки.

— Ну как? — спросил неожиданно вошедший Борис Федорович. — Есть что-нибудь?

— Пока ничего, — грустно ответил Евгений Леонович, опустив глаза, — надемся, надемся...

ДЕВУШКА С КОРОВОЙ

В то время как в своей фотолaborатории Евгений Леонович нетерпеливо просматривал еще мокрую пленку с заснятыми кривыми, Дмитрий Дмитриевич и Коля стояли в вестибюле клиники. Их лица вытянулись от огорчения, когда санитарка сказала:

— Зря ходите. Насчет научных работ семнадцатая, палата уже обеспечена. Приказано никого не пускать.

— Как? Мне говорил Борис Федорович... У вас есть такой профессор?

— А я знать ничего не знаю! Там уже были с большими чемоданами. Побольше вашего. — Санитарка указала на магнитофон, который держал Коля. — Говорят, что больного просто замучили...

— С большими чемоданами? — спросил Дмитрий Дмитриевич. — Какого цвета?

— Черные. Один ящик на телевизор похож.

— А где экран? С какой стороны экран?

— Экран? Это окошечко?

— Да, да, окошечко, допустим. Где оно было?

— Вот тут. — Санитарка показала на Колином магнитофоне, где был экран.

— С торца! — сказал Дмитрий Дмитриевич. Он зажмурился, лицо его покрылось лучиками морщинок. — Это осциллограф!

— Так что, товарищи, идите добру-поздорову... Молодой человек! — обратилась санитарка к Коле. — Молодой человек! Ишь какой шустрый, прямо так и вперед! Не лезь, не лезь, и нехорошо так! И без халата совсем нельзя! А вас и с халатом нельзя!

— Послушайте... — начал Дмитрий Дмитриевич. — Он ведь нам сказал, чтобы мы еще раз пришли...

— Ой, ну что вы со мной говорите? Мне Борис Федорович наказал: кто бы ни приходил — не пускать. В другой раз придете, выздоровеет больной-то — и придете.

Санитарка ушла.

— Н-да, — сказал Дмитрий Дмитриевич и коротко рассмеялся.

— Чему вы смеетесь? — спросил Коля.

— Пока я тебе верил и не верил, сомневался, расспрашивал, кто-то уже начал работать... Да и мудрено ли? Все! Пойдем домой!

— Идите, я здесь еще побуду...

— Что здесь делать-то?.. А жаль! Я уже настроился, совсем настроился...

— А я не хочу прощаться. Я его хочу видеть, этого Человека, и увижу! Я хочу научиться говорить на его языке, расспросить его хочу. Он мой, этот Человек!

— Ну, ты совсем, Коля... Что ты, ультразвуком говорить думаешь? Пойдем... — Дмитрий Дмитриевич на минуту задумался. — Конечно, могли бы еще раз записать, но, видишь ли, более крупные, а главное — более черные ящики пошли в ход наше дело пятое. Прощай! Да, Коля, ты будешь поступать в институт... Может быть, тебе будет нужен мой совет — я тебе всегда рад. Да, еще ты радиотехникой занимаешься, так у меня есть много разрозненных деталей, может, тебе пригодятся...

Дмитрий Дмитриевич ушел. Коля поставил магнитофон на пол и сел на него, положив голову на руки. В вестибюле было прохладно, и Коля незаметно задремал. Ему казалось, что все звуки приходят откуда-то из бесконечной глубины.

— Вы, голубушка, из какой палаты? — услышал вдруг он.

— Я? Из семнадцатой. Спасибо вам за халат.

Коля встрепенулся. Высокая девушка протягивала халат санитарке. Колино внимание привлекла брошь в виде большой черной коровы. «Девушка с коровой!» — подумал Коля. Он подумал также, что, судя по броши, у этой девушки нет совершенно никакого вкуса, что хотя она и девушка, но гораздо крупнее его, Коли. Затем что-то, пока неосознанное, заставило его окончательно очнуться от дремоты. «Семнадцатая палата! В семнадцатой палате лежит мой Человек! Санитарка только что сказала: «Семнадцатая палата научной работой обеспечена!»

Коля был уже на ногах. Девушка приводила в порядок свои сумки с банками и свертки.

— Я помогу вам, — сказал Коля, дотрагиваясь до одной сумки.

— Спасибо, — ответила девушка. — Пожалуйста.

Коля схватил сумку за ручки. Девушка, мельком взглянув на него, собрала посуду и, поблагодарив, пошла к выходу.

— Послушайте, — крикнул Коля. Он подхватил магнитофон, бросился за ней. — Послушайте! Вы мне очень нужны...

Они вышли из клиники вместе.

— Так я слушаю вас, — сказала девушка. Коля хотел сказать правду, но так сразу, на ходу, было трудно объяснить. Он замялся...

— Мне... вы... нравитесь... — Коля почувствовал, что его уши вспыхнули, он был готов немедленно провалиться сквозь землю, и, самое ужасное, где-то в глубине души шевельнулось: «А ведь ты сказал правду».

Девушка повернулась, внимательно посмотрела на Колю. Коля совсем смешался и уставился на брошь: он неожиданно обнаружил, что черная корова имела белую морду.

— Ах вот как! — немного подумав, сказала девушка. — Тогда... тогда несите и эту сумку.

Коля покорно взял вторую сумку, и некоторое время они шли молча.

Идти было страшно неудобно: две сумки и магнитофон.

— А кто у вас там лежит?

— Дед.

— А что с ним?

— Несчастный случай. Поспорил с одним животным — Девушка улыбнулась — И поспорил. — добавила она, и Коля не понял, что было в ее словах, грусть или злораство

— А сейчас как он себя чувствует?

— Тоскует. Вообще хорошо себя чувствует, но тоскует. Поговорить ему не с кем. Меня увидел — замучил. Как дома, да как я, да.

Коля остановился, переложил магнитофон в правую руку, а сумки — в левую и вытер пот со лба, для

чего ему пришлось наклонить голову к плечу. Девушка насмешливо посмотрела на него, но сумки у него из рук не взяла

— Так почему он не разговаривает — пошел напролом Коля. — Он что, один лежит'

— Нет, там трое Но одного медведь порвал, все лицо забинтовано, а второй вообще..

— Что вообще?

— Дед говорит «Чудо-чудное, по ночам светится, носом свистит, говорить не говорит».

— Вот бы посмотреть на него — значительно сказал Коля Все шло как нельзя лучше

— Там приходят, изучают его Дед говорит- «Все кривые с него сняли». — Девушка неожиданно остановилась.

Коля проскочил вперед и тоже остановился

— А в ящичке, в чемоданчике, у тебя что? — твердо спросила девушка и посмотрела ему в глаза

— У меня? — Коля пожал плечами — Так, ничего..

— Ты тоже к нему? К «чуду-юду»?

— Да, — сказал Коля — Этого человека я

— Об этом ты и хотел со мной поговорить?

— Да то есть нет. Коля виновато потупился.

— Понимаю. Какая я несчастная, обманутая, осталась у разбитого корыта! — Девушка говорила серьезно, но Коля понимал, что она смеется над ним — Ну что ж, я не буду мстить! Не стану! Иди в палату к моему деду. Скажи, что племянник А деда зовут Серафим Яковлевич, Несветаев по фамилии.

Коля торопливо поставил свой чемоданчик, на него сумки с посудой и, прижимая все это коленом к стене дома, достал тетрадку.

— «Несветаев Серафим Яковлевич», — записал он — А как вас зовут'

— Меня зовут Лена, но этого записывать нельзя...

— Почему?

— Имена тех, кто тебе нравится, нужно помнить без тетрадки.

Коля проводил Лену до трамвая и решительно остановился.

— До свиданья, — сказала Лена, не замечая сумок,

которые протягивал ей Коля — Прощай! — Лена крепко схватила Колю за плечи, громко чмокнула его в лоб и, отбрав сумки, ушла

Коля, опешив, смотрел ей вслед.

— Вытрите лоб, вас мама ругать будет, — сказала мороженщица, которая все видела

«Еще губы накрасила! Вот черт! Придется платок **самому** стирать», — думал он, шагая по улице.

Утром Коля позвонил в институт.

— Михантьева? — переспросила Наталья Степановна. — Нет, его сегодня нет. У него академический день, он дома работает. Сейчас он скорее всего дома. Адрес знаете?

...Дверь открыл сам Дмитрий Дмитриевич. Он молча кивнул Коле, будто ожидал его прихода, и пропустил его вперед

— Вот смотрю журналы, ищу, — сказал Дмитрий Дмитриевич

— Так вы тоже считаете, что нужно продолжать? Дмитрий Дмитриевич, не нужно сдаваться, не нужно! Вот если бы придумать такую штуку, чтобы она уль тразвук в обычные звуки превратила'

Дмитрий Дмитриевич отбросил журнал в сторону

— Постой' — сказал он — Постой Я с подобным случаем имел дело . Есть такой способ' Как я мог забыть? Сам до всего, можно сказать, докапывался.

— И докопались?

— Да, да. Это было... Это было в сорок пятом году в Маньчжурии.

— И мы услышим этого человека? И без всяких больших ящиков?

— Ящики не нужны, никаких ящиков...

— А я проведу вас прямо в палату! И мы все проверим! — восторженно закричал Коля.

— Что ж, попробуем! — сказал Дмитрий Дмитриевич. — Попробуем без черных ящиков.

БЕЗ ЧЕРНЫХ ЯЩИКОВ

С помощью Коли Дмитрий Дмитриевич выдвинул на середину кухни стол, на стол поставил табурет и, встав на него, заглянул на антресоли. Когда-то здесь ютились приживалки и прислуга; сейчас антресоли были забиты всевозможным хламом, накопленным за десятки лет поколениями непрерывно сменявшихся жильцов. Дмитрий Дмитриевич выволок порванный пуховик, который немедленно наполнил кухню пухом и пылью, сломанный велосипед с двумя рамами и одним колесом, кипу судебных отчетов за 1903 год и туго надутую камеру для купания. Затем Дмитрий Дмитриевич осторожно ступил на угрожающе заскрипевший настил, что-то щелкнуло, и резкая боль пронизала пальцы его ноги. Он быстро выпрямился и с размаху стукнулся головой о потолок.

— Что случилось? — спросил Коля, задрав голову.

— Мышеловка, — коротко ответил Дмитрий Дмитриевич. — Он осмотрел хитроумное устройство из

дощечек и проволочек и восхищенно сказал: — Какая великолепная пружина! Столько лет сохранять внутренние напряжения, чудесная закалка! А теперь, Коля, держи, не роняй...

Он стал подавать Коле вещь за вещью, все дальше зарываясь в недра антресолей. Наконец он показался с громадным зеленовато-серым чемоданом.

— Держи, осторожней — тяжелый!

Но Коля не рассчитал своих сил, чемодан стащил его с табуретки, вырвался из рук и с грохотом ударился об пол.

— Я ж говорил, осторожней, — с досадой сказал Дмитрий Дмитриевич. Он спрыгнул вниз и открыл замок.

У Коли зарябило в глазах: красные, голубые, сиреневые сопротивления, серебристые конденсаторы, пачки монтажных проводов... Это было богатство!

— Здесь то, что после войны осталось, — говорил Дмитрий Дмитриевич. — Сопротивления, в основном, японские, есть немецкие, наши, конечно, немного американских.

Он разгреб руками «мелочь», и засверкали колбы генераторных ламп, алюминиевые корпуса немецких пентодов. Коля не мог говорить, он просто брал какую-нибудь деталь в руки, и Дмитрий Дмитриевич, поймав его взгляд, объяснял, для чего эта деталь служит, где применяется, как он ее нашел, что с нею связано. Он тоже увлекся.

— Это замечательное сопротивление! Если будут такие сопротивления — бери! Очень большая, прецизионная точность! Здесь, в одном из старых конденсаторов, должна быть одна вещичка. Выбирай все конденсаторы вот такого типа. Откладывай их сюда на стол, я потом посмотрю.

Дмитрий Дмитриевич брал конденсатор за конденсатором и пробовал сдвигать верхнюю пластмассовую панельку.

— Ага, кажется, здесь! — сказал он наконец. — Вот она! Сложи все остальное в чемодан...

Дмитрий Дмитриевич потряхнул содержимое конденсатора в раковину умывальника.

— Сейчас мы их отмоем, — говорил он, перебирая под струей воды бронзовые и стальные детали. — Никогда не думал, что эта штукovina мне понадобится. Взял просто так, по привычке... А сейчас вдруг вспомнил. Бери мыло, Коля, мойся...

Коля подошел к раковине, и они мыли руки, передавая друг другу кусочек мыла, и смотрели на грязную воду, стекавшую на детали. Потом Дмитрий Дмитриевич стал намыливать деталь за деталью, смывая пену сильной струей воды. Вот темная изогнутая трубка. Дмитрий Дмитриевич плотно прижал ее к крану, и из нее ударила тонкая струйка воды. Коля присмотрелся: щель в трубке была кольцевой.

Дмитрий Дмитриевич собрал все детали, отнес их в комнату и там на чистом листе бумаги быстро собрал их в П-образный прибор, напоминающий большой и сложный микрометр. На выступающий патрубок с редкой резьбой он насадил толстостенную каучуковую трубку, которую разыскал в ящике письменного стола.

— Вот и все, — сказал Дмитрий Дмитриевич и сильно подул в трубку.

В приборе забулькала вода, мелкие брызги застучали по бумаге. Дмитрий Дмитриевич все дул и дул, пока в комнате не раздался тонкий свист. Тогда Дмитрий Дмитриевич покрутил пальцем какое-то колесико, и свист стал похож на соловьиную трель: остатки воды придавали ему характерную переливчатость. Потом свист стал более ровным, тонким и, наконец, совсем затих. Коля открыл было рот, чтобы спросить, что все это означает, но Дмитрий Дмитриевич сделал глубокий вдох, зажал резиновый шланг в зубах и, взяв Колю за затылок, привлек к себе. Коля неожиданно почувствовал слабое давление в ухе, словно кто-то вставил в него тонкий и гибкий мизинец и давит, давит... Дмитрий Дмитриевич, тяжело дыша, повалился на диван.

— Что это было? — спросил Коля.

— Что именно? — ответил вопросом Дмитрий Дмитриевич.

— Сперва свист, потом звук становился выше, выше и потом исчез... А когда вы поднесли эту штуку к уху, что-то давило на барабанную перепонку.

— Это и есть ультразвук, — сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Ультразвук... — Коля был удивлен и немного разочарован. Он никак не ожидал, что таинственный и могущественный ультразвук, о котором он слышал столько интересного, можно получить так просто, подув в какую-то трубочку.

— Вот здесь, — Дмитрий Дмитриевич несколько раз повернул колесико, — вот здесь, посмотри, против кольцевой щели находится цилиндрическая выемка. Дно цилиндрика я могу поднимать и опускать винтом, а ты, вероятно, знаешь, что собственная частота цилиндрического резонатора зависит от высоты столба воздуха. Ну, если ты был когда-нибудь в Большом зале Консерватории, то видел орган с множеством длинных и коротких металлических трубок; он помещается в глубине сцены.

— Я в кино видел этот орган, — сказал Коля.

— В кино? Да, да, его часто снимают... Так вот, чем меньше частота звука, чем звук ниже, тем цилиндр должен быть больше, а для ультразвука нужен совсем маленький цилиндр, высотой в три-два миллиметра и меньше.

— Значит, когда вы поднимаете дно цилиндрика, высота его уменьшается, частота растет и звук становится тоньше?

— Правильно, а с некоторой высоты будет уже не звук, а ультразвук... И называется вся эта штука «газоструйный генератор ультразвука». Он не весь здесь, у него был и рефлектор наподобие автомобильной фары, специальный рожек, да нам можно обойтись и без них. Я сейчас все продумал. С помощью этой штуки мы услышим твоего Человека. Только бы добраться до него...

— А для чего этот самый генератор? Откуда он у вас? — с любопытством спросил Коля.

— Это старая история... В сорок пятом году, когда сдавалась Квантунская армия, я был в танковых частях. И вот мне предложили, как физику, заняться одной задачкой, несколько, правда, не сухопутного характера.

Захватывая японские бронекатера, наши моряки обратили внимание на то, что на всех командирских мостиках разрушено одно устройство: либо прострелено, либо разбито, но так или иначе уничтожено. Видимо, командиры катеров были предупреждены, что нельзя сдавать его победителям.

Вот мне и говорят: «Займись этим делом, посмотри, что за штука. Может быть, что-нибудь новенькое».

Стал я собирать все, что сохранилось от этого устройства. На одном катере рефлектор, на другом — какие-то погнутые трубочки, на третьем — совсем ничего не осталось. Вот этот-то катер, на котором ничего не осталось, и пригодился. То мне приносили детали, и я, как важная персона, перебирал их, а на этот катер сам приехал.

Прихожу на катер. Там, под присмотром наших моряков, японцы снимали оружие. Спрашиваю через переводчика: «Что здесь стояло?» — «Фонарь», — отвечают. Это было похоже на правду: рефлекторы мы находили.

Да и электрическая подводка шла к стойке с рефлектором. Но что за лампа? Судя по толщине проводов, очень уж маломощная, не мощнее мотоциклетной.

Тогда мы проследили проводку до генератора тока. Напряжение четырнадцать вольт, только-то. Спускаемся вниз, в машинное отделение, видим: идет от разрушенной на командирском мостике стойки тонкая, но толстостенная трубочка и уходит под обшивку. Сдираем обшивку. Катера у японцев быстроходные, но, как и у немцев, где можно, чепуховенько сделаны... Сказывалась нехватка материалов. Сдираем обшивку и видим, что трубочка идет вниз, а под машиной присоединяется к баллону, который соединен с компрессором. И так здорово все укрыто, что, когда катер на ходу, ни один человек из команды не догадывается, что внизу работает компрессор и гонит воздух в баллон, а оттуда на капитанский мостик. Причем, когда нужное давление достигнуто, компрессор отключается. Ну, тут я вспомнил, что у японцев были интереснейшие работы по физике ультразвука, подсчитал, прикинул и докладываю начальству, что, по моему мнению, здесь устройство для ультразвуковой сигнализации. Стоит командир катера на мостике, держит ручку на кране. Нужно просигнализировать — откроет кран и пустит в нужном направлении узкий пучок ультразвуковых волн. Моряки только переглянулись, плечами пожали и засмеялись: «Ну, тогда все в порядке. Мы уж бог знает что думали. А такие сигнализаторы у нас еще до войны испытывали. Так что, старший лейтенант, извини за беспокойство. Зря японцы секретничали»... Вот если взять два таких генератора, то можно превращать обычный звук в ультразвук и обратно. Понял?

— Да и мы...

— И мы поднесем ко рту нашего Человека этот свисток-генератор, подберем частоту и будем слышать его голос. Ведь ультразвуки, которыми он говорит, превратятся в слышимый звук! — Дмитрий Дмитриевич помолчал. — Вот только не ручаюсь, что мы поймем его речь...

— Это не так важно! Мы покажем ему разные предметы и будем их называть... Но он нас не услышит...

— Вероятно. Впрочем, может быть, он сам будет называть...

— И мы поймем его речь и будем знать, кто он и откуда! — Коля радостно засмеялся, потом вдруг встревоженно взглянул на часы. — Пора, Дмитрий Дмитриевич. Берите все, что нужно, и к нему! Я проведу, ручаюсь, что проведу. Как это здорово, без всяких черных ящиков!

Дмитрий Дмитриевич переоделся, вытащил из своего старенького велосипеда насос.

— Это чтобы дуть? — спросил Коля. — Да я ртом! Вот вы говорили, Дмитрий Дмитриевич, что у японцев был специальный баллон. Нам бы такой...

— И у нас будет, — ответил Дмитрий Дмитриевич. — Сейчас зайдём в магазин и купим.

— — Баллон?

— Да, камеру для мяча, вот что мы купим. Надуем, и будет вместо баллона.

Они зашли в магазин спорттоваров, и Дмитрий Дмитриевич купил камеру для баскетбольного мяча.

— Проведем эксперимент, и будет тебе лишняя камера, — сказал он.

— Дмитрий Дмитриевич, а как же соединить всё вместе? Насос, камеру и генератор? — спросил Коля. — И потом, для чего японцам нужен был ультразвук? Разве им мало было радио или светового телеграфа?

— Ты всегда задаешь по десять вопросов сразу? Коля смутился.

— Нет... Просто мне очень хочется узнать. Все узнать... Простите, пожалуйста.

— - Прощаю, Коля, охотно прощаю, — улыбнулся Дмитрий Дмитриевич. — Для соединения я взял вот что, — он вынул из кармана тройник — две пластмассовые трубочки, соединенные в виде буквы «Т». Видишь, к этому патрубку присоединим камеру, сюда — насос, а вот сюда — наш генератор ультразвука.

— Это ясно. А как... то есть зачем японцы...

— Да, с японцами... — Дмитрий Дмитриевич остановился и разрезал перочинным ножом каучуковую трубочку надвое. — Япония — страна островная и, кажется, стоит на первом месте по длине береговой линии. Кроме того, там часты туманы из-за встречных теплых и холодных воздушных течений. Так что вопрос сигнализации в тумане для японских военных и невоенных моряков очень важен. На войне светом сигнализировать нельзя, он может выдать расположение катера.

— Ага, ясно. — Коле очень хотелось спросить еще кое о чем, но он постеснялся.

Остаток пути они прошли молча.

Возле клиники Коля оставил Дмитрия Дмитриевича и отправился на разведку. Он вернулся тотчас же и сказал, что все будет в порядке.

— Будет ли? — с сомнением спросил Дмитрий Дмитриевич.

— Мы пройдем к Серафиму Яковлевичу Несветаеву, ясно?

— Ничего не ясно.

— А Серафим Яковлевич... это мой дядя!

— Ах так... А если увидят?

— Кто?

— Главный врач, сестра...

— Ну и что же?... Да не беспокойтесь так, Дмитрий Дмитриевич! Только не сдаваться — это самое

главное! Правда? Верно я говорю?

«ЕШЬ, КРОКОДИЛ...»

В клинике был час «пик». Множество людей толпилось в вестибюле, халатов не хватало.

— То, что нужно, — сказал Коля и занял очередь.

— Вы к одному больному? — спросила гардеробщица, когда подошла их очередь.

— Да, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — К одному.

— Тогда я вам дам один халат на двоих: сначала один пройдет, потом другой.

— Мы к разным, — быстро сказал Коля. — К разным.

— Да, да, — подтвердил Дмитрий Дмитриевич. — Мы к разным больным.

Гардеробщица подозрительно на них посмотрела, но халаты выдала обоим.

Они быстро поднялись по лестнице, осторожно обогнули какую-то, величественную фигуру в белоснежном халате и, разыскав семнадцатую палату, открыли дверь.

— Вот он, — тихо сказал Коля, — смотрите...

Весь жизненный опыт Дмитрия Дмитриевича подготовил его к тому, что Колин Человек окажется выдумкой. Но то, что он увидел...

Коля бросился было к своему старому знакомому, но, вспомнив свой «план», подошел к средней кровати.

— Серафим Яковлевич, я к вам, — сказал он.

— Ко мне? — удивился Серафим Яковлевич. — А кто же вы такой будете?

— Я вчера говорил с Леной. У вас есть такая внучка? И она прислала вам вот это. — Коля поставил на тумбочку банку с вареньем.

— А в пиджаке у тебя что? — подозрительно взглянув на Колю, спросил Серафим Яковлевич. — Доставай, доставай!

— Это насос, просто насос. Велосипедный. — Что же ты мне голову морочишь? Моя Ленка да чтобы с тобой разговаривала? Нужен ты ей очень!

— Ничего, — ответил Коля, покосившись на Дмитрия

Дмитриевича. (Михантьев не сводил изумленного взгляда с фарфорового лица незнакомца.) — Мы с ней... тоге... хорошо знакомы.

— Что-то не верится. — Серафим Яковлевич насмешливо прищурился. — А ведь ты, парень, не ко мне пришел.. Ты что, меня своим насосом надуть хочешь? Меня не надуешь! Знаешь, какая у нас палата? Специальная палата! Иди отсюда, не то санитаров позову!

— Я к нему, — признался Коля, показывая на третью койку. Он вспомнил, что Серафим Яковлевич охотник поболтать. — Я первый его открыл, а нас не пускают. и — Что, и второй к нему?

— Да, мы к нему...

— К нему уже ходят. Профессор Кучерявый с лаборантом! Такой важный профессор, что даже говорить со мной не хочет. Я ему стал было советовать по ходу дела — тоже не первый день на свете живу, а он как окрылится! Нанес полную палату всяких ящиков и проводов, как клещук, в этого беднягу впился. А нам покой нужен... Не допущу вас к больному. То хоть профессор приходил; а ты кто? Сестра!.. А сестра! — вполголоса позвал Серафим Яковлевич.

— Мы тоже, мы тоже! Не нужно звать, Серафим Яковлевич, ну прошу вас, — торопливо зашептал Коля. — Мы тоже ученые. Вот Дмитрий Дмитриевич, так он кандидат наук, физико-математических...

— Не знаю... — в раздумье проговорил Серафим Яковлевич. — Уж не знаю... Разрешить вам или не разрешить? Разрешаю! — твердо сказал он. — У вас тоже разные ящики?

— Нет, — сказал Коля. — У нас дело похитрее, но попроще!

— Доставай, доставай! Ишь что придумали! — Серафим Яковлевич с интересом стал наблюдать, как Дмитрий Дмитриевич и Коля вытаскивают из карманов составные части своего устройства.

В дверь заглянула сестра, и Дмитрий Дмитриевич, искоса на нее взглянув, бросился к Серафиму Яковлевичу и быстро сказал:

— Спасибо, спасибо, все здоровы, и жена и дети. Сестра ушла, а Серафим Яковлевич успокоил:

— Ладно, работайте... Только объясните, что к чему.

— Понимаете, этот Человек говорит, только никто не слышит его. А его нужно услышать, понять. Может быть, он знает, какое ему лекарство нужно. Понимаете?

— А ему не нужно никаких лекарств. Он сам себя лечит. Вот ночью — сон меня не берет — так что тут делается! Как начнет метаться, весь, как в огне, светится; а нынче ночью даже походил немного — на четвереньках. Легко-легко ногами и руками перебирал, словно большой таракан, прости господи. Если бы я сам не проснулся, не услышал бы, наверно. Потом лег и притих. Конечно, хорошо его голос послушать. А то я один тут говорящий.

Дмитрий Дмитриевич собрал устройство, и Коля с остервенением стал накачивать камеру.

— Спокойней, Коля, спокойней, устанешь быстро, — говорил Дмитрий Дмитриевич.

Коля стал качать медленнее, палата наполнилась тонким свистом. Камера раздулась, и он поднес свисток ко рту незнакомца, который лежал с закрытыми глазами и никак не реагировал на возню возле себя. Видимо, он понял, что его никто не слышит, и молчал.

Коля и Дмитрий Дмитриевич переговаривались шепотом, поглядывая на дверь, однако первым Борис Федорович заметил Серафим Яковлевич. Он громко кашлянул, но было уже поздно. Дмитрий Дмитриевич, покраснев как кумач, выпрямился. Коля продолжал держать свисток возле рта незнакомца.

— Что? — сказал Борис Федорович, обращаясь к Серафиму Яковлевичу. — Что? Атак кричишь?

Серафим Яковлевич виновато отвел глаза. Но Борис Федорович был уже возле Коли.

— А ты что тут делаешь, крокодил? — спросил он и протянул руку к насосу.

Борис Федорович хотел еще что-то добавить, но в этот момент в комнате ясно прозвучал голос такого необыкновенного тембра, что все вздрогнули. Даже охотник приподнялся на локте.

— Ешь, крокодил, ешь, крокодил, — дважды повторил голос и замолк.

В руках у Коли была пустая камера.

— Заговорил? — закричал Борис Федорович. — Он? Это он заговорил? Но как вы это сделали?

— Я сам не понимаю, — сказал Коля и посмотрел на Дмитрия Дмитриевича.

— А как все просто... — немного разочарованно протянул Борис Федорович. — Простая футбольная камера... Но позвольте, что вы, сами не ожидали?

— Ждать ждали, да не того, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — Получилось большее, гораздо большее. Мы думали услышать его голос, знали, что язык его нам не знаком, а он, по-видимому, знает русский язык... Не могу понять.

— Поймешь, поймешь! Молодцы, что и говорить — молодцы! — торжествуя, закричал Серафим Яковлевич.

— Что же вас смущает? — сказал Борис Федорович. — Раз он знает наш язык, то мы имеем дело не с пришельцем из другого мира — признайтесь, ведь и у вас мелькала подобная мысль, — а с человеком земным, нашим, но почему-то не похожим на других людей.

Серафим Яковлевич перебил:

— А вы заметили, что Борис Федорович сказал: «Что ты тут делаешь, крокодил?» А он, больной...

— Так он просто повторил! — восторженно глядя на старика, воскликнул Коля. — Он только повторил конец фразы! Да, да! Борис Федорович сказал мне: «Что ты тут ДЕЛАЕШЬ, КРОКОДИЛ», а он и повторил!

— Значит, не мы его, а он нас услышал! — сказки Дмитрий Дмитриевич, и по его улыбке Коля догадался, что все стало на свое место.

— С ним нужно общаться, спрашивать, говорить с ним, — проговорил Борис Федорович. — Правда, он еще очень слаб...

— Слаб! — негодуя закричал Серафим Яковлевич. — Слаб! Вон, видите, на спинке кровати краска сошла. Это он под утро силу пробовал. Согнул спинку, а я головой покачал: что это ты делаешь, мол. А он понял и назад выправил, только вот краска сошла.

— Ну, пойдемте ко мне в кабинет, — предложил Борис Федорович. — Только почему вам не все понятно? У вас все так просто, даже я могу разобраться... Камера, насос и какая-то штучка с ручкой.

— Молодцы, что и говорить — молодцы! — вызывающе и как будто не к месту заговорил вдруг Серафим Яковлевич, глядя на дверь.

Все обернулись: на пороге стоял Евгений Леонович. Евгений Леонович окинул взглядом всю комнату и вначале ничего не понял, потом понял и рассердился, очень рассердился, так как увидел в руках Коли технические приспособления.

— Дмитрий Дмитриевич! — кипя от злости, сказал Евгений Леонович. — Я рад, оч-ч-чень рад...

— Я тоже, — ответил Дмитрий Дмитриевич.

— Так вам уже официально разрешено здесь работать?

— Пока нет...

— Ах, вы «диким» образом! А какое оригинальное приспособление... — Евгений Леонович шагнул к кровати, но Коля быстро сунул свисток в карман.

— Да у вас, я вижу, свисток браконьера?! Прекрасная мысль, прекрасная! Вы просто хотите, чтобы он вас услышал? Замечательно! Но, вероятно, безрезультатно?

— Какой свисток? Как вы сказали — браконьера? — удивленно спросил Коля.

— Да, ультразвуковой свисток, уважаемый юноша. И не делайте удивленного лица.

Евгений Леонович повернулся к Борису Федоровичу.

— А вашей, Борис Федорович, безопасности я поражаюсь: вы доверяете такую тонкую работу мальчишке. Дмитрий Дмитриевич не в счет!.. — Голос Евгения Леоновича стал срываться. — Не в счет! Он, надеюсь, достаточно щепетил... Я первый был приглашен для решения этой задачи! Помните, Борис Федорович, после моей публичной лекции? Я почти получил согласие академии! И у меня успех! Полный успех! Я все решил! Все!

— Простите, вы, кажется, говорили Борису Федоровичу: «Надеемся, надеемся»? Я слышал... А тут уж и решили? — неожиданно сказал Серафим Яковлевич.

— Вы больной! — взорвался Евгений Леонович. — Борис Федорович, в таких условиях нельзя заниматься наукой! Какие-то дети, какие-то старики вмешиваются не в свои дела! Отпускают замечания, применяют на сложнейшем объекте допотопные приспособления! Чуть ли не Пятнадцатого века!

— Пойдем, Коля, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — Что, опять бежать?

— Нет, нет, просто пойдем ко мне, я тебе кое-что объясню. До свидания, Борис Федорович. — Эй, зятек-паренек, — сказал Серафим Яковлевич, — подойди сюда. Ты правду скажи, Ленка что? Я выйду, задам ей!

— Задайте ей, задайте! — быстро сказал Коля, вспомнив свое глупое положение возле трамвайной остановки.

Дмитрий Дмитриевич и Коля вышли в коридор. Коля, оглянувшись, увидел, как Евгений Леонович охватил Бориса Федоровича за талию и, вытянув шею, что-то ему втолковывает.

— Не оглядывайся, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — И идем сейчас ко мне. Я очень хочу есть.

Они посторонились, пропуская мимо себя сестру с тарелкой горячего супа в руках, и оба проглотили слюну.

Дома у Дмитрия Дмитриевича Коля принялся за чистку картошки с прорезывающимися глазками, а Дмитрий Дмитриевич неожиданно ловко очистил селедку, нарезал ее, полил подсолнечным маслом, достал две рюмки и наполнил их какой-то жидкостью красного цвета.

— Я это не буду, — сказал Коля.

— Сегодня можно, — ответил Дмитрий Дмитриевич. Коля протянул руку к рюмке, но Дмитрий Дмитриевич остановил его:

— Не спеши...

А в это время Борис Федорович, полузакрыв глаза, слушал медоточивое журчание Евгения Леоновича. Борис Федорович изредка вздрагивал при каждом намеке на его, Бориса Федоровича, отсталость и непорядочность.

— Нет, нет, Борис Федорович, на вашем месте я не связывался бы с этим Михантьевым... Он вечно доказывает, что черное — это белое... А вы... Притом нами уже решена основная задача! — Евгений Леонович развернул и быстро свернул черную фотопленку с заснятыми кривыми. — На одной из наших кривых совершенно ясно проявилась частота в тридцать тысяч герц! А вот на этой пленке — смесь частот... Смесь! Вы меня, Борис Федорович, простите, мы еще не производили гармонического анализа, не выделили составляющие частоты, но мы обязательно его проведем. Не сомневайтесь. Совершенно ясно, что мы имеем дело с почти периодическим явлением, хотя есть участки, явно не повторяющиеся по форме. Вот почему работа, которую я направляю в печать, будет озаглавлена: «Биологический источник почти периодических акустических колебаний» или «К вопросу о верхнем пределе частот, произносимых человеком». Эти статьи я подпишу один, — вкрадчиво, но твердо произнес Евгений Леонович. Он как будто производил эксперимент над выдержкой Бориса Федоровича. — А вот статью, которую можно будет направить в «Архив хирургии», можно будет назвать...

— А эту статью подпишу один я, — сказал Борис Федорович.

— Нет, нет, что вы, ведь вы будете оперировать моими данными, моими ос-цил-ло-грам-ма-ми, ведь медик для физика, а не наоборот! Физики — слишком большая ценность... Ну, вы сможете подписать первым, а я вторым. С этим можно будет согласиться. И потом, эти разговоры об авторстве просто смешны. Ведь истинным автором всего является природа... Вы так же, как и я, естествоиспытатель и возражать не будете. Ну, посмотрим же, как засняты эти кривые! Большое искусство проявил мой лаборант, Семен Константинович! Как самостоятельный работник?

— Нуль, круглый нуль... Но под руководством, чувствуя направление, работает великолепно.

Борис Федорович просмотрел кривые и, возвращая пленку, сказал:

— У меня приятель есть, токами мозга увлекается.

Записывает их на фотопленку, так же, как и вы, использует усилитель и так же все это проделявает в огромных количествах: нумерует кривые, анализирует их по Бернштейну и, кажется, по Фурье...

Евгений Леонович кивал головой, но смотрел на Бориса Федоровича с опасением.

— И так же, как и вы, профессор Кучерявый ничего не понимает. Этих кривых можно снять миллионы. Согласен, что и к ним можно найти ключ, но через тысячу лет... Нужна новая методика и моему приятелю и вам... Борис Федорович сунул руку в карман и нащупал клочок бумаги, на котором был записан телефон Михантьева.

Дмитрий Дмитриевич, стараясь не смотреть на стол, Говорил Коле:

— Крепись, скоро начнем наше пиршество!

— Так как же мы его услышали, Дмитрий Дмитриевич, и почему наш Человек про крокодила сказал? — спросил Коля.

— Все дело в страхе, Коля. Мы ведь говорили шепотом, все время боялись, что кто-то войдет. А вот Борис Федорович вошел и рявкнул... Да еще над свистком наклонился. Человек и услышал. Услышал и повторил.

— Но ведь сказал-то он ультразвуком! Как же мы его услышали?

— А перед его ртом был свисток...

— И мы слышали разностную частоту! Услышали то, что сказал Борис Федорович! Так нам совсем не нужно будет расшифровывать его речь, мы его научим говорить по-русски. А что это тот, в беретике, про какой-то свисток браконьера говорил? Он что, тоже все понял?

— Все? Вряд ли...

— Браконьер — это тот, кто дичь ворует. При чем он тут?

— Да, профессия малопочтенная, это верно, но в средние века ею многие занимались. А за охоту, скажем, на королевских оленей рубили руку или голову, забирали имущество, так что браконьер шел на большой риск. Другом же его могла быть только собака, как и у всякого охотника. Стреляли браконьеры из луков или самострелов даже тогда, когда были изобретены ружья, чтобы лесник не услышал. Так вот, пошлет браконьер собаку за дичью, а назад подзвать не может...

— Нужно свистнуть...

— Свистнуть? А лесник? Вот кто-то из браконьеров и придумал свисток, который собака слышит, а человек не может услышать.

— Мой Джек тоже нашего Человека слышал, а я не слышал. Но выходит, что эти браконьеры были большими учеными для своего времени, конечно?

— Нет, просто нужда заставила... Видимо, кто-нибудь из них делал себе свисток как можно более высокого тона и случайно обратил внимание на то, что плохой, им забракованный, свисток он не слышит, а собака слышит, поднимает уши, подбегает... Ну, уж это моя фантазия... Может быть, все и по-другому было.

Зазвонил телефон. Дмитрий Дмитриевич и Коля бросились к нему.

— Да? — сказал Дмитрий Дмитриевич. — Да... Хорошо, хорошо, мы согласны... Приступим в девять часов утра... До свидания, Борис Федорович.

Дмитрий Дмитриевич положил трубку и, посмотрев на Колю, добавил:

— Вот и еще двух браконьеров свисток выручил.

ПОБЕГ ИЗ КЛИНИКИ

Коля уже не мог больше объяснять — сегодня он говорил до хрипоты. Коробки с диапозитивами, которые удалось достать в магазине наглядных пособий, были раскрыты, диапозитивы просмотрены, и на больничной простыне, служившей экраном, двойные звезды сменялись берегами Франции, леса Африки — реками Урала, Людовик XV и разбитые полчища гитлеровцев чередовались с формулами алгебры и физики. Проекционный аппарат нагрелся, обжигал ладони, страницы книг желтели от тепла и света...

Там, где всходило солнце, сверкала на уже поглубевшем небе яркая звезда. Коля открыл окно и, вдыхая прохладный воздух, смотрел на нее, а Человек встал с кровати, смелым движением выдернул вилку проекционного фонаря и, подкачав в камеру воздух, подошел к Коле.

— Это? — спросил он, показывая на звезду.

— Венера, утренняя звезда, — ответил Коля.

— Не звезда, сам говорил. Венера — планета.

— Да, Венера — планета... Вот видите, она не мерцает. Звезды то погаснут, то вспыхнут, а Венера видна все время ясной и блестящей точкой. Там, наверху, во внешних слоях атмосферы, непрерывные потоки воздушных масс разной плотности, поэтому далекая от нас светящаяся точка — звезда — мерцает... А Венера намного

ближе к нам и видна как маленький диск, как маленький кружочек.

— Венера — диск? Она сейчас как месяц! — Человек согнул свои костлявые пальцы, Чтобы показать, какой он видит Венеру.

— Вы что, простым глазом видите фазы Венеры? — удивился Коля. — Вот не думал!

— Есть много ошибок в твоих рассуждениях. Цифры не точны все... Из двенадцати теорий, гипотез, предположений, догадок, рассказанных тобой сегодня, одиннадцать неверных... Рассказываешь хорошо, Коля хороший, мне нужный...

— Что я? Вот вы... Вы все помните, все! Все имена и названия, все формулы и события... Только этот противный свисток, как он мне надоел! — Коля устало подкачивал насосом воздух в камеру.

— Этого Борис Федорович не должен знать, — сказал Человек, низко наклонившись к свистку.

— Что? Что не должен знать? — встревоженно спросил Коля.

Человек не ответил. Он отсоединил свисток от камеры и насоса и, открыв рот, быстро проглотил его. Все было сделано так внезапно, так неожиданно, что Коля вскрикнул:

— Зачем вы? Подавитесь! Сейчас же выплюньте!

— Не подавлюсь, — ответил Человек, его голос стал громче, резче. — Мои, как вы их называете, «легкие» не слабее твоего насоса! — Из его рта шел сильный и ровный поток горячего воздуха. — Ты принес мне одежду? Где она? И говори теперь со мной просто, без напряжения в голосе. Здесь, — Человек провел рукой по краю своего уха, — здесь я также все переделал... Ну, давай одежду!

— Она у вас в головах. — Коля вытащил заветный сверток, в котором была старая отцовская гимнастерка, брюки Дмитрия Дмитриевича и пояс.

Человек с помощью Коли торопливо оделся.

— А сейчас пойдем, Коля, — сказал он. — От тебя я много узнал. Пойдем, я покажу тебе мир, о котором ты мне столько рассказывал и о котором ты так мало знаешь.

— Куда вы? — испуганно спросила сестра, когда они спустились вниз. — Куда вы? Сейчас же возвращайтесь в палату! Коля! Так ты и не уходил с самого вечера? Сейчас же назад!

— Нам же разрешил Борис Федорович немного выходить на улицу.

— Я никуда вас не пушу, никуда! Сейчас же позову санитаров! — Она бросилась вверх по лестнице. Человек схватил Колю за рукав и потащил его к двери.

— Иди с большой скоростью, Коля!» — сказал он. Они выбежали на улицу.

— Нужно выйти за город, — бросил на ходу Человек. — Оттуда ближе к звездам.

— К каким звездам? — спросил Коля, но Человек не ответил.

Бегом они пересекли площадь. Было очень рано, и на них не обращали внимания. Только какая-то женщина, сойдя с тротуара, сказала:

— Пьяные какие-то!

И действительно, Коля с помятым от бессонной ночи лицом. Человек в своей необыкновенной обуви и расстегнутой гимнастерке выглядели довольно странно.

Коля повел Человека к трамвайной остановке. Они сели в вагон и ехали долго, а потом, когда большие дома сменились маленькими одноэтажными домиками. Человек заволновался и стал пробираться к выходу. За окнами трамвая показались широкие, с низкими берегами пруд, потом потянулись деревья парка; трамвай остановился, и они соскочили на землю.

В парке никого не было. Человек остановился на одной из лужаек, внимательно огляделся, потом вошел в кусты и, отвернувшись от Коли, распахнул на груди гимнастерку. Локти его были растопырены, и Коле показалось, что Человек что-то достает как бы из самого себя, из своей груди, достает и тотчас же складывает, свинчивает, присоединяет.

Потом Человек обернулся и протянул Коле какое-то странное сооружение. Оно было похоже на рыцарский шлем с надвинутым забралом и тонким сверкающим шпилем наверху. По бокам шлема на толстых гибких шнурах висели покрытые чешуйками перчатки; ниже, на еще более толстых шнурах, болтались сандалии какой-то необыкновенной формы.

— Надевай! — повелительно сказал Человек.

Коля надел сандалии, они легко растянулись; надел перчатки. Шлем повис у пояса, но Человек не дал его рассмотреть. Он взял его за шпиль и нахлобучил на голову Коли.

Несколько мгновений перед Колиными глазами светился какой-то темно-зеленый экран, потом он погас. Роща, Человек, солнечный, ясный земной день — все это исчезло. Наступила необыкновенная тишина, и то, что произошло потом, показалось Коле нелепым, фантастическим сном.

КРЫЛАТЫЕ ЛЮДИ

У Коли было такое ощущение, что он стиснут, сжат, заполнил своим телом сосуд неправильной формы. Нос уткнулся в гиб руки, ноги подвернулись. Ныло колено, в него упирался подбородок.

Коля попытался выпрямиться, но это ему не удалось. В тот же момент ему показалось, что он растет, растет, несмотря на то что силы, сжимающие его, тоже увеличиваются. Это продолжалось долго, очень долго... Потом так же внезапно он почувствовал, что может шевельнуть рукой, развернуть плечи. Ноги его выпрямились, но он еще не мог шевелить ими. Сквозь закрытые веки Коля уловил слабый свет. Он открыл глаза, и необыкновенная, волшебной яркая картина раскрылась перед ним.

Он стоял во весь рост, по грудью в земле, с прижатыми к бокам руками. Высокий ноздреватый камень опирался на его плечо. Коля посмотрел вверх, на небо, и, хотя ясно понимал, что смотрит вверх, что он поднял голову, картина перед его глазами оставалась все той же. И опять прошло несколько минут ожидания и растерянности, прежде чем показалось небо.

Небо?! То, что он увидел, было похоже скорее на горы, перевернутые вершинами вниз, с сумрачными иссиня-черными вершинами, постепенно переходящими в белоснежные основания.

Коля согнул руку в локте и толкнул ноздреватый камень. Он не почувствовал толчка — камень не сдвинулся. Только через несколько минут появилось напряжение в мышцах руки, и он увидел, что камень катится вниз по склону. Руки выполняли его желания с задержкой, но выполняли. Он вылез наружу, и комки влажной, прелой листвы посыпались с шумом вниз. Коля поднес руки к глазам. Он понимал, что сейчас увидит свои руки, руки Коли Ростикова, он чувствовал, что это его руки, что каждый палец повинется ему, но вот они появились перед глазами... Это были чужие руки, руки с длинными, тонкими пальцами, с синими шишками суставов, с короткими, словно металлическими ногтями. «Да это же руки Человека!» — пришла в голову мысль.

Коля стоял на склоне холма, возвышающегося над серо-зеленой равниной, по которой пробегали какие-то волны. Горы над его головой изменили свои очертания. Да это же облака! Какие-то чужие облака!.. Это не Земля!..

— Удивляешься? — услышал он голос Человека. Но не успел ответить: порыв сильного ветра повалил Колю на землю, а когда он лежа приподнял голову, то не узнал долину. По ней ходили волны; казалось, что это тысячи рук, изломанных, изуродованных рук...

— Это лес! — крикнул Коля. — Это ветви деревьев! Он встал и подошел ближе; было больно смотреть на огромные стволы, так безжалостно Скомканные и скрученные какой-то неведомой силой.

— Где мы? — спросил Коля; — Где же вы, Человек? Я вас не вижу. Это не Земля...

— Нет разницы, — сказал Человек. Он отвечал, как и обычно, повременив, но его не было рядом с Колей. — Здесь есть небо, есть земля, лес и солнце, вода и ветер... Я покажу тебе и другие миры. Миры, где солнце греет меньше, чем ваша луна.

Завеса облаков разорвалась, и над Колей вспыхнуло непривычно большое светило. Долина сразу ожила. Вдруг Колина нога соскользнула вниз, и он оказался сидящим верхом на изогнутой ветви одного из деревьев, ствол которого разворачивался по спирали и нес его вверх, к окну в облаках, сквозь которое лился солнечный свет. Свернутые в трубочку листья на глазах раскрывались.

Деревья походили на голодных животных, нетерпеливо отталкивающих друг друга, но вот порыв ветра сомкнул тучи, и деревья стали медленно опадать, как-то нехотя, будто ожидали, что вот-вот еще раз распахнется просвет в облаках.

— Этого нет на Земле, — заметил Человек.

— Есть, — ответил Коля, стараясь высвободить ногу из сжавших ее ветвей. — Есть... У нас есть растения, которые могут ловить мух.

— Ты обиделся за свою Землю? Она не лучшая из планет Вселенной.

Дождь, полумрак, вся эта непривычная картина наполнила Колино сердце грустью. Но вот он поднял глаза, и невольный крик вырвался из его груди: на него шел грязно-желтый столб, верх которого упирался в облака.

— Смерч идет! — испуганно крикнул Коля,

И в тот же миг он был оторван от ветвей, втянут в колочий вихрь и поднят высоко над лесом.

Последнее, что он успел увидеть, было какое-то бурое животное, которое, оттолкнувшись от скалистой вершины холма и раскинув широкие крылья, рванулось навстречу вихрю. И, когда смерч поглотил Колю, это животное схватило его за руку длинными цепкими пальцами. Сквозь пелену песка и листьев Коля увидел узкий человеческий глаз.

Что было потом, Коля ясно не помнил. Он очнулся у входа в глубокую пещеру. Яркий свет костра ослепил его. Языки пламени поднимались высоко вверх и терялись в широкой расселине. Коля подполз к костру...

Сверху кто-то бросил в костер сухую ветку, огонь вспыхнул еще ярче, осветив всю пещеру. Стало видно, что стены ее унизаны черными блестящими шариками, и Коля понял, что это глаза. Сотни, тысячи глаз.

— Люди, люди вокруг, — прошептал Коля, — целое племя... Кто они? Как я сюда попал?

Он вернулся к выходу из пещеры, но там была непроглядная ночь; кто-то тонко, жалобно визжал пощеничь, затем донесся яростный рев... Тогда Коля подполз к костру, поднял ветвь, срезанную каким-то острым орудием, и бросил ее в огонь. Какое-то шуршание пробежало по стенам пещеры. «Поняли, поняли, что я тоже умею обращаться с огнем», — подумал Коля.

Над костром висели туши. Языки пламени то и дело лизали их; острый пряный запах шекотал ноздри, капли жира падали на горячие ветки и вспыхивали сильно и ярко. Коля встал на ноги, и сразу же вся масса жавшихся к стенам существ обрушилась вниз. Колю схватили, закружили вокруг костра; его рука погрузилась в теплую шерсть, замелькали причудливо сморщенные ушные раковины, приплюснутые носы; кто-то взметнулся над костром и, распластав крылья, стал сбрасывать вниз, в огонь, обожженные туши; их подхватывали, и пещера наполнилась таким хрустом и чавканьем, что у Коли екнуло сердце.

Его окружали люди, в этом не было сомнения, но люди особенные. У них были крылья, вернее, тонкие перепонки, натянутые между необыкновенно длинными пальцами рук и ступнями ног. Иногда крыло заслоняло свет костра, и Коля видел тонкую сеть кровеносных сосудов, пронизывающих полупрозрачную, поросшую рыжей шерстью перепонку. Буйный ветер планеты позволял им летать планируя, и, как догадывался Коля, летать далеко и быстро.

Все были настолько увлечены едой, что, казалось, не обращали на Колю внимания; только чья-то рука вложила в его руку кусок волокнистого мяса. Коля незаметно выбросил «угощение». Никем не замеченный, Коля пробрался к выходу, но тут раздался крик, резкий и повелительный, и его оттащили назад к костру. Он вздрогнул, подумав: «Прокоптят и слопают, не иначе». От туш остались лишь тонкие полые кости.

Кто-то грузный упал на камни перед костром и, тяжело дыша, поднялся. Шерсть на его крыльях поседела, перепонки потеряли эластичность и вялыми складками свисали по бокам. Внимательно и недружелюбно смотрели глубоко запавшие, совсем человеческие глаза.

— Все примитивно! Низкая ступень развития. Вы, люди Земли, лучше .. — услышал Коля голос Человека

Голос доносился откуда-то сбоку, но Человека рядом по-прежнему не было, сколько Коля ни осматривался .. Он повернулся в другую сторону и неожиданно потерял контроль над своими движениями. Руки перестали повиноваться. Он ясно видел, чувствовал, что в его руках появилась свернутая змеей блестящая металлическая трубка, что он, Коля, ввинчивает в нее рифленую рукоять. Он сделал шаг в сторону, но не сдвинулся с места, против своей воли он поднял необычайное оружие к потолку пещеры, тонкий сияющий луч выскользнул из хоботка-дула, и сверху с треском посыпались камни.

Колю охватило предчувствие, что сейчас он совершит что-то неотвратимо-ужасное, ненужное, жестокое. И в то же время он каждой клеточкой своего тела сознавал свое бессилие ..

С криком ужаса бросилось племя летающих людей к выходу; старик повелительно закричал им что-то, и все остановилось, прислушиваясь к его словам, но сверху обрушился огромный камень, с грохотом разбился на десятки кусков, и бурая масса крыльев, испуганно повернутых голов, широко раскрытых глаз забилась у выхода.

Вождь шагнул вперед. Аппарат в руках Коли наклонился, синий луч вонзился в мохнатую грудь старика. Что-то щелкнуло над Колиной головой, и наступила темнота.

«В ЦИФРАХ ТАИТСЯ МНОГОЕ»

Коле казалось, что жизнь оставила его — так тихо и темно было вокруг. Но вот пришло ощущение необыкновенной легкости. Он выпрямился, в этом не было сомнения .. Коля раскрыл глаза, но все было

по-прежнему погружено в темноту. Он не мог сказать, сколько прошло времени. И вдруг его глаза наполнил свет тысяч звезд, сияющих на фоне необыкновенно черного, бездонного неба.

Небо было похоже на черный ковер, расшитый нигде не повторяющимся узором. Звезды плавно неслись над его головой, безостановочно, спокойно, торжественно. Млечный Путь казался сверкающим поясом, разделившим на две равные части всю Вселенную.

Вот показалось Солнце — совсем маленькое, в несколько раз меньше, чем над Землей; оно возшло и скрылось под ногами, и вновь возшло, и вновь скрылось.

Коля посмотрел вниз; он ясно ощущал, что голова выполнила его волю, что она наклонена, но опять прошло много времени, пока он увидел то, что находилось у его ног.

Горизонта не было. Под ногами Коли был причудливый осколок скалы, излом казался свежим. Широким потоком выбегали из-под его ног звезды. Коля поднял голову — картина оставалась прежней, теперь он терпеливо ждал появления необъятного неба. И снова поток звезд заскользил перед его глазами. Камень вращается, — мелькнула догадка. — Камень, на котором я стою, вращается!»

Внимание его привлекли осколки скал, похожие на тот, на котором он стоял. Они плыли среди звезд впереди него и за спиной.

Вот впереди осколок-гигант неправильной формы, еще дальше — почти круглый, рядом — вытянутый и заостренный, с рваными краями. Осколки плавно поворачивались, подставляя сверкающие грани блестящей горошине — Солнцу.

Теперь Коля обратил внимание на огромный диск, в котором он узнал Юпитер. Марс походил на маленькую запятую; вот проплыл земной шар — маленький зеленоватый комочек.

— Ты не догадываешься, где мы были? — услышал он голос Человека.

— Нет, — ответил Коля и качнул головой.

— Мы были на Венере.. А сейчас?. Ты ведь сам мне рассказывал об астероидах, малых планетах, что несутся полосой в пространстве между Марсом и Юпитером.

— Вы сказали- «Мы были..» Но я вас там не видел.. Не вижу и сейчас.

Человек ничего не ответил.

— Но если это астероид, то чем же я дышу?

— Воздухом...

— Но здесь нет воздуха! Вон как ярко горят звезды, и тихо — ни ветерка... Не понимаю...

— Ты дышишь полноценным воздухом.

— А вы? Чем вы дышите? Да где же вы сейчас? В этот момент звезды резко рванулись все -вместе в сторону, потом вернулись назад и опять спокойно понеслись вокруг Коли.

— Это что? А... это я сам мотнул головой, когда сказал «нет», и только сейчас это пришло... Пришло?!

— Смотри, слушай, думай! — заговорил Человек. — Вся ваша солнечная система — как на ладони... Мне не мешай. Я ведь специально забросил сюда на астероид одного из моих.. — . Человек надолго замолчал, потом добавил: — Тебя, да, Коля, тебя... Смотри, Юпитер как детский мяч, а вокруг — сейчас они почти на одной линии — видны его спутники... Мне очень важно знать, как возникла ваша система. В моем мире центральные светила планетных систем имеют несколько иной" характер...

— Вот и верь цифрам, — задумчиво сказал Коля. То, что он пережил на Венере, необыкновенно отчетливо всплыло в его памяти. — Вот и верь... А у нас считают Венеру молодой Землей...

— При чем здесь цифры? — ответил Человек.

— А как же? Масса, объем, плотность у Венеры такие же, как и у Земли.

— В цифрах таится многое, — ответил Человек. — В цифрах — разгадка тайн любой солнечной системы. Я видел цифры на последней странице твоего учебника астрономии, а для меня увидеть...

— Это значит запомнить.

— Не только. Эти цифры сейчас важны для меня...

— Но мы так мало знаем! — проговорил Коля. — Так мало... Вон Меркурий. Нам только известно, что он всегда повернут к Солнцу одной и той же стороной... Как и Луна по отношению к Земле. Но нам трудно его рассмотреть. Иногда Солнце заслоняет Меркурий, иногда Меркурий черной точкой проходит по диску Солнца. С той стороны, что обращена к Солнцу, он горяч, с другой стороны холод... Это очень интересная планета, растущую со скоростью взрыва. С двух противоположных ее концов солнечное вещество уплотняется, уплотняется при температурах в сотни миллионов градусов... по вашей шкале температур. Ядра водорода и гелия, лития и бора соединяются вместе, превращаясь в более тяжелые ядра железа и кремния, урана и золота, свинца, ртути... Эти-то уплотнения и есть зародыши планет. Они выбрасываются с разных сторон Солнца с такой скоростью, что не могут вернуться обратно, как это делают протуберанцы. Вихрь, возникший в стенках пузыря, придает планетам вращение вокруг осей... Ядерные превращения в глубинах планет долго не могут прекратиться и приводят к выбросу — теперь уже планетами — спутников... Юпитер или Сатурн были рождены раньше Земли или Марса. Солнце в момент их появления имело меньшую плотность и большую массу, вот почему они так велики по сравнению с Землей, вот почему у них столько спутников, вот почему у них плотность близка к плотности воды.

— Но как же с солнечными пятнами? Ведь их иногда становится то больше, то меньше...

— Но совсем они никогда не исчезают... Слишком глубоки разрушения внутренней структуры Солнца. Пятна иногда закрываются и с поверхности, но на время... — Человек умолк, потом неожиданно добавил: — И, зная почти все, вы, люди, боитесь делать выводы, заключения...

— Мы не боимся... Просто еще не пришло время. Разве мало у нас, на Земле, смелых и умных людей?

— Их должно быть больше, гораздо больше, только тогда оправдается мой выбор...

— Ваш выбор? Вот увидите, когда наступит коммунизм...

Коля почувствовал, что кто-то притронулся к его голове, что-то тихо шелкнуло над ним, и знакомый

туман темноты и молчания закрыл от него сверкающую Вселенную.

НЕФТЯНОЙ ОКЕАН

Знакомое ощущение охватило Колю. Он снова был сжат и стиснут... Но сейчас его пробуждение было особенно тяжелым. Силы, сжимающие его, были настолько велики, что собственное тело казалось свинцовым. Не видя и не слыша ничего, он чувствовал, что растет. Вот освободились руки, ноги больше не сжаты... Коля раскрыл глаза. Вокруг было темно. Струйки какой-то жидкости непрерывно лились по его лицу, касались кистей рук, ступней ног. Он почувствовал, что всплывает из глубины необыкновенного вязкого моря, что он несется вверх все быстрее и быстрее... Много времени длился этот подъем» прежде чем слабый свет заиграл на многочисленных пузырьках каких-то газов, несущихся вместе с ним вверх. Но вот пузырьки вспыхнули красноватыми огоньками; еще мгновение — и Коля всплыл на поверхность какого-то моря. Прямо перед ним возвышалась окруженная пеной скала. Коля вскарабкался по ее крутому склону, с треском ломая остроконечные блестящие кристаллы, и оглянулся...

Теперь то, на что он смотрел, появлялось перед ним с еще большим запозданием, и Коля несколько раз повернул голову влево и вправо, поднял и опустил глаза, уверенный в том, что вот-вот он увидит картину какого-то нового неведомого мира.

И вот перед глазами Коли появилась невероятная, фантастическая картина.

Он находился внутри огромного шара, поверхность которого, казалось, начиналась на уровне его глаз и вначале отлого, потом все круче загибалась вверх. Над ним было удивительное небо, похожее на круглую крышку, стянувшую срезанный верх гигантской сферы. Булавочными проколами в черной бумаге сияли звезды, несколько лун на глазах меняли очертания; одна из них была ослепительно яркой, и ее отражение в волнах тяжело плещущего моря взбиралось вверх по внутренней поверхности сферы.

И Коля понял, что он находится не внутри какой-то полости, что он видит необычайные просторы, что смутная граница между небом и стенками шара и есть горизонт, только поднятый непривычно высоко, согласно законам этого странного, чужого мира.

Прямо перед ним пульсировали огнедышащие кратеры, они располагались поясом, за ним шли цепью еще более далекие вулканы, их становилось все больше и больше; сверкающими ожерельями они взбирались все выше и выше... Вулканы были видны как бы сверху, была видна бурлившая в них лава, темные ленты дымных облаков срывались с их вершин, соединяясь в параллельные черные гряды туч. Сверкали молнии, озаряющие все вокруг мерцающим оранжевым светом. Черные тучи были такими же необычайными, как и все, что окружало Колю. Они тянулись от края и до края, стягиваясь у горизонта в темные узлы. Грохот, рожденный молниями, сливался в сплошной рев. Это не был обычный гром, это было само неистовство, бешенство. Прямые, как стрелы, молнии не исчезали мгновенно, они бесконечно ветвились, боковыми ветвями объединяясь в одну сеть, в ячейках которой возникали пятна шаровых разрядов.

Ослепительное светило, привлечшее внимание Коли, успело переместиться; оно поднималось в зенит, и Коля не отрываясь следил за ним.

— Солнце! — громко сказал Человек. — Это ваше Солнце!

— Какое маленькое... Оно совсем не греет.

— Здесь много своего тепла. Слишком много. Юпитер — старик...

— Я на Юпитере? Но где мы? Я так далеко вижу...

— Это я помог тебе видеть далеко.

— Мы на вершине горы?

— Нет, в низине.

— Но почему?

— Очень большая плотность атмосферы, и плотность эта очень быстро убывает с высотой. На моей родной планете этот эффект также наблюдается. Здесь очень сильно изгибается луч света... Вот сейчас ты смотришь на вулкан, он кажется тебе расположенным на боку. — Человек будто следил за положением Колиных глаз. — Но он гораздо ниже, просто ты привык продолжать все линии по прямому, и все сместилось вверх... Отсюда видно на сотни тысяч километров, видно то, что находится на другом полушарии планеты.

— Так если бы над Землей была такая же плотная атмосфера, то я из Москвы видел бы дома Урала?

— А в зимние ночи — берега Антарктиды... Но только моими глазами.

— Но астрономам было бы трудно изучать небо, оно такое маленькое...

— Зато ты сразу видишь все звезды, все, какие только видны с Юпитера. Они никогда не заходят, как никогда не заходит над этой планетой и Солнце. Оно только прикоснется к горизонту и тотчас же появится с другой стороны.

Раздался страшный удар, он заглушил и гудение вулканов и треск молний. Столб кроваво-красной жидкости вырос перед Колей; у его основания забурилась пена, кругами разбежались тяжелые маслянистые волны, а через мгновение раздался еще один удар; какое-то раскаленное тело рухнуло на утес, на котором стоял Коля, и рассыпалось на тысячи сверкающих обломков.

— Так рождаются здесь кометы, — сказал Человек. — Посмотри на любой вулкан. Видишь, над

кратерами мечутся черные точки. Это выброшенные глыбы, мешавшие выходить лаве и раскаленным газам. Вулканы Юпитера не так покладисты, как на Земле, они забрасывают эти каменные бомбы так далеко, что некоторые из них не возвращаются назад.

— Что же с ними происходит?

— Одни вращаются как спутники вокруг Юпитера, другие, с большей скоростью, уходят в дальнюю дорогу вокруг Солнца. За ними иногда тянется хвост газов и пыли, и тогда с Земли они видны как кометы. Самые маленькие блуждают по просторам Вселенной и, попадая в атмосферу Земли, сгорают...

— Метеоры?

— Да... Я и сам немного им сродни... Да, Юпитер еще полон сил, его огромная масса не дала угаснуть огненной буре в его недрах. Он выбросил два десятка спутников — двенадцать из них вы увидели с Земли, — наполнил кометами всю Солнечную систему и, как видишь, все бурлит, вечно молодой, вечно могучий... Вырвавшись из глубин Солнца, он унес часть его атмосферы. Азот и углерод соединились в метан, азот и водород — в аммиак. Это море перед нами... Это океан вашей нефти, над которой раскинулся газовый покров из аммиака и метана. А был бы над Юпитером земной воздух, содержащий кислород, все море вспыхнуло бы, подожженное молниями. Да, я был прав...

— Вы ученый, дар — спросил Коля. — Вы великий ученый?

— Ученый? Нет, но я великий... Посмотри на небо, на звезды. Миллионы звезд принадлежат к тому же типу, что и ваше Солнце, и в моих руках ключ к ним. Вокруг каждого такого солнца несутся планеты, не похожие друг на друга, но на них — жизнь, люди. Вот что я искал!.. Быть звездой, подобной Солнцу, и не иметь планет — нельзя, невозможно!.. Когда-нибудь я расскажу тебе свою историю...

— Расскажите, как бы не так! Вы даже имени своего мне не сказали. Имени! Я вас так и зову — Человек... А здесь мне совсем не нравится. Камни как бомбы, вот, вот опять всплеск! Ого! Целая гора плюхнулась в море! Нет, даже на Венере было спокойней. Даже там был воздух, была жизнь... Пусть дикая, но жизнь...

Говоря это, Коля нагнулся и, протянув свои невидимые руки, поднял широкий блестящий осколок кристалла.

Он поднес его к лицу и ждал. Прошло какое-то время, потом появились руки, протянувшиеся за осколком, вот осколок повис перед лицом, и Коля вскрикнул:

— Что вы сделали? Что вы со мной сделали?! Я вижу свое отражение? Это не я... Это вы, это ваше лицо, ваши руки!

— Ты спешишь, Коля! — ответил Человек. Тяжелая рука легла на Колину голову, раздался знакомый щелчок, и свет земного солнца залил глаза. Коля стоял на лужайке парка, а перед ним стоял Человек и торопливо прятал на странно распахнутой груди сверкающий шлем.

НА КЛАДБИЩЕ

Над Колей снова было земное небо, родное и близкое. Он стоял на той же самой поляне, шагах в тридцати от прежнего места. Было тихо, лучи вечернего солнца пробивались сквозь листву.

— Идем, — сказал Человек.

Он пошел вперед, с шумом раздвигая ветви, и они хлестали его по лицу и груди. Коля поспешил за ним. Тысячи вопросов вертелись у него на языке, но какая-то робость связывала его.

Внезапно Человек остановился, словно к чему-то прислушиваясь; руки его поднялись и упали, рот раскрылся. Коля с изумлением и страхом смотрел на него. Словно слепой, Человек пошел напрямик через кусты, наткнулся на дерево, отшатнулся, обошел его и двинулся дальше, странно волоча ноги.

— Что с вами? — вполголоса спросил Коля. Человек не ответил. Так они шли довольно долго. Впереди Человек, словно во сне, раскачиваясь и задевая плечами деревья, за ним — Коля, встревоженный, недоумевающий. Лес расступился. Высокий полуразрушенный каменный забор преградил им путь. За ним виднелась роща. Стройные липы стояли вдоль забора и, казалось, о чем-то думали.

И тут Человек словно очнулся. Походка его мгновенно изменилась, стала упругой и ровной, локти рук прижались к бокам.

— ...и астероиды, и Юпитер, и Сатурн, — неожиданно громко, словно прямо с середины фразы, произнес он. — Теперь ты знаешь все. Пройдем сюда.

Коля вздрогнул от неожиданности, а Человек уже пробирался через пролом в стене. Коля занес ногу, чтобы последовать за ним, как вдруг в листве кустарника заметил крест, выкрашенный синей краской, потом еще один и еще.

— Да это же кладбище! — вскрикнул Коля. — Куда вы идете?

Человек не обернулся и продолжал идти вперед.

Они шли по дорожке, заросшей травой. Направо и налево стояли покосившиеся деревянные кресты, потом тропинка посветлела; было видно, что ее недавно посыпали песком. Стали попадаться более свежие холмики; вместо насквозь проржавевших, рассыпавшихся железных венков лежали темные груды когда-то живых цветов, перевитых широкими лентами. Потом пошли чугунные ограды вокруг однообразных колонн с осыпавшейся позолотой надписей. Колонны были срезаны сверху, за некоторыми оградами таких колонн было уже по пяти-шести штук.

Человек взял Колю за руку и шел рядом с ним. Вероятно, на него тоже действовали тишина и спокойствие, царившие здесь.

Они пересекли широкую аллею и углубились в сторону, где были совсем забытые могилы, без крестов, сравнявшиеся с землей.

Коля опустился на пенек, к которому, видимо, когда-то была прибита скамейка, а Человек лег на траву, вытянулся во весь рост и стал смотреть вверх, на медленно плывущие облака.

— Кладбище? Что такое кладбище? — спросил он.

— То место, где хоронят людей. Закапывают в землю.

— Зачем?

— Ну... как зачем? Человек умирает, тело его нужно спрятать, вот и закапывают. — Коля поднял голову.

К ним приближалась женщина с белым узелком в руке, маленькая девочка догоняла ее. Женщина подошла к ним, кажется, хотела что-то спросить у Коли, но, заметив лежащего на земле Человека, сказала:

— Вы встаньте...

Человек с недоумением взглянул на нее, встал, а женщина прошла еще несколько шагов и, положив на заросшую травой могилку свой узелок, развернула его. В платке лежали влажные, с темной землей на корнях кустики рассады...

Человек поднял палец и застыл, прислушиваясь. Запоздалый соловей заканчивал коленце: «Ро-ро-ро-ро-пью...»

— Это красиво, хорошо, прекрасно, — сказал Человек. — Кто это?

— Соловей, — ответил Коля. — Птичка такая. Пойдемте посмотрим.

Они подошли к забору, а соловей, сидевший на молоденькой липке, глянул на приближавшихся Колю и Человека и раскатился, защелкал, раздувая зобик. Человек восторженно смотрел на него, поглаживая покосившийся крест.

— Осторожно, — сказал Коля, — не стойте так на могиле, а то провалитесь вниз, к покойнику! Вы что, не понимаете? К человеку, который не живет.

— Человек... не живет? Что же с ним произошло? Несчастный случай, падение метеорита?

— Да мало ли что? Просто в кровати умирают, и всё. От старости, болезней...

— И все умирают?

— Ну конечно же!

— И ты? И Дмитрий Дмитриевич?

— Конечно... Есть люди, которые долго живут, некоторые до ста пятидесяти лет. Подумать только — они сто пятьдесят раз обошли вокруг Солнца!

— Только сто пятьдесят?

— Такие люди большей частью в горах живут. Там у них воздух чистый, и они простоквашу едят.

— Так вы не вечны?

— А... как же иначе?

Человек смотрел на маленькую девочку, которая, сидя на корточках, набирала воду в бидон из маленького, полусасыпанного землей фонтана.

— И она умрет? — спросил он Колю. Коля пожал плечами.

— Могу предположить применение оружия, взрыв, подавление непокорных... Но вы ведь так много знаете! Ведь вы открыли тайну атома! И так просто умереть, дома, от какой-то старости...

— Зачем вы так говорите? Будто вы сами...

— Нет, я не могу умереть. Я... — Он пошевелил губами, подыскивая нужное сочетание слов. — Я не имею смерти...

ЗАЯВКА НА БЕССМЕРТИЕ

Торопливо жуя бутерброды с повидлом (только теперь он почувствовал, как зверски проголодался), Коля рассказал о путешествии на другие миры и о странном разговоре, который произошел на кладбище. Дмитрий Дмитриевич задумался.

— Это надо описать, — сказал Коля, — и пусть напечатают.

— Вряд ли кого заинтересует твое путешествие. — Дмитрий Дмитриевич покачал головой. — В нем какой-то фокус... За несколько часов побывать на Венере, астероиде и Юпитере невозможно! Во всей этой истории явное нарушение реальности. Науки же здесь нет ни на грош.

— Вот это и есть вся ваша наука? — спросил Человек и указал на полки с книгами.

— Нет, это только капля в море. Людьми написаны миллионы книг, мы построили сотни колоссальных зданий, где они хранятся.

— Сотни зданий! — воскликнул Человек. — Для этих ваших книг?

— Не следует смеяться над тем, в чем вы не разбираетесь, — резко заметил Дмитрий Дмитриевич. — Без книги нет современного человека. В книгах — знание, наше прошлое и будущее, радость и кровь поколений борцов...

— Я не против книг, — сказал Человек. — Меня удивляет ваша жизнь. У вас есть очень глубокие

проблемски, интересные и верные мысли, но к чему вам жить? К чему искать, думать, бороться? Разве покойнику не безразлично?

Коля, который, раскрыв рот, слушал этот разговор, неожиданно вмешался:

— И я об этом думаю. Иногда, конечно, но думаю. Ведь мне будет все равно, когда я уже умру.

— Ты, кажется, комсомолец, — сказал Дмитрий Дмитриевич, прищурившись, — а комсомолец...

— Не должен об этом думать?! Это я знаю, но как можно не думать, когда думается? И чем больше не хочешь об этом думать, тем чаще думается! Да, да! И я...и мне совсем не хочется умирать. Ведь так интересно жить! И дальше, наверное, будет все интересней и интересней. Только научишься чему-нибудь, окончишь школу, может быть, институт, двадцать, тридцать лет проработаешь, и все!.. Нет, я не могу об этом не думать.

— Я не об этом, — поморщился Дмитрий Дмитриевич. — Совсем не об этом... Разве прожитыми годами измеряется жизнь? Что отдаешь ты человеческому обществу — вот чем измеряется жизнь. Отдашь ли свой труд, сердце, всю свою жизнь без остатка или спрячешься, увильнешь...

— Но это же совсем не трудно — отдать жизнь! Видишь вражеский самолет — раз! Врезался ему в хвост, и все!

— Тебя послушать, так это совсем просто. Взял да и выписал на отдельные карточки все известные элементы, расположил их в порядке возрастания атомных весов — и готово: периодическая таблица элементов! А человечество всегда будет благодарно Менделееву за его беспримерный научный подвиг... Нет мальчишки, который не мастерил бы себе самокат или радиоприемник, телефон или ветряную мельницу, но разве это можно сравнить с открытием колеса, радиоволны или пропеллера?.. И я не зря говорю об открытиях и изобретениях как о героических подвигах. Совершить подвиг трудно, но еще труднее его увидеть, увидеть возможность совершения подвига... Это не менее трудно, чем сделать открытие, и требует не меньшей человеческой культуры, знаний, мастерства, душевной красоты. Всю свою жизнь и всей своей жизнью человек готовится к подвигу... Если он, конечно, человек, — добавил Дмитрий Дмитриевич, немного помолчав.

— Тем обидней, что жизнь так коротка! Ведь я все люблю, и мне все нужно знать! И почему светят звезды, и почему поют птицы. А может быть, их так можно научить петь, как весь Союз композиторов не придумает...

— Все эти «почему» и «для чего» пришли к тебе нерешенными, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — может быть, и не тебе и не твоим товарищам их решать до конца. Но решение придет, и с ним придут новые вопросы, они уже стучатся в дверь. Нельзя ли летать выше и дальше, растить пшеницу с более крупным зерном, увидеть, что творится на Марсе, заставить Солнце блистать ярче? Да, да да! Можно и нужно! Нужно тебе, нужно и тем, кто придет после тебя. Ты же берешь преспокойно закон Столетова или формулу Ньютона... А какой ты крик поднял бы, если бы тебе сказали: не дадим ни закона, ни формулы, о тебе ничего Ньютон не знал, никакого Коллю Ростикова и в глаза не видел, пусть Коля Ростиков сам до всего додумывается. Так и ты оставь после себя новый станок или поднятое поле, открой новый закон природы — желаю тебе от души — или научи ребятшек грамоте. А твой вопрос о жизни или смерти... Вопрос важный, конечно, но это просто один из вопросов, который человечество разрешит, обязательно разрешит, как не могло оно не открыть огонь или сталь.

— Я должен все это продумать, — сказал Коля.

— Думай, сделай милость, и немедленно ступай домой. Мать, наверно, голову потеряла, философ.

А когда Коля ушел, Дмитрий Дмитриевич достал лист чистой бумаги и сказал Человеку:

— Давайте по толкуем...

Они проговорили всю ночь. Долгое время не могли отыскать понятное и простое для Дмитрия Дмитриевича выражение сути дела.

Пришлось составить длинный список понятий, относительно которых не было общих взглядов, а иногда просто нужных слов.

— Я почти убежден, — сказал в заключение Дмитрий Дмитриевич, — что вы правы. И я не прочь попробовать. Конечно, все это необычайно, фантастично. Но ведь и вы сами... Простите... Ладно, об этом после. Итак, может быть, мы и потерпим поражение, скорее всего, так и будет, но у нас такое время, когда каждая лаборатория может прийти к самым невероятным открытиям и выводам. Нас могут поддержать... Теперь второй вопрос: как, какими путями идти? Журнальная статья? Вряд ли пропустят. Заявка? Одну минутку... Давайте напишем авторскую заявку, как на изобретение. Сразу отказать, не принять к рассмотрению никто не сможет, тем более что первичное рассмотрение происходит в общих чертах... Проскочим! А потом дадим бой!

— Вы лучше меня знаете дороги в вашем мире, — сказал Человек, — а в долголетьи некоторого количества людей я также заинтересован. Мне нужны бессмертные люди.

Дмитрий Дмитриевич с любопытством взглянул на него.

— Вот как? Ну, тем более. Теперь вот что. Вы и сами не автор открытия, у вас оно известно давным-давно. Так я вас понял? Поэтому я включу и себя и Коллю. Получится коллективная заявка. Если в качестве авторов указать только вас или только меня, то могут подумать, что заявка подана сумасшедшим. Допустить, что три человека одновременно сошли с ума, можно, но, что у всех троих общая причина помешательства, покажется маловероятным... Кроме того, весьма возможно, что заявка

будет разбираться в нашем институте, в том, в котором я работаю, и, если я не буду включен, мне нельзя будет вмешаться.

К девяти часам утра заявка была готова. Вот она:

«ЗАЯВКА

от Человека, Д. Д. Михантьева и Н. П. Ростикова

Настоящим мы, нижеподписавшиеся, Человек, Д. Д. Михантьев и Н. П. Ростиков, просим выдать на наше имя авторское свидетельство на предполагаемое, сделанное нами самостоятельно и нигде не заимствованное изобретение под условным названием: «Способ создания физического бессмертия человека».

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

Общеизвестно, что каждый представитель человеческого рода умирает. Авторы сразу же оговариваются, что речь идет о создании весьма значительного долголетия, при условии исключения насильственной смерти, смерти от увечья и т. п., то есть речь идет об устранении естественной смерти — смерти от старости.

Известно также, что смерти предшествует перерождение тканей человеческого организма.

Настоящая заявка ставит своей целью устранение **всех** проявлений старости.

Авторы основываются на том, что жизнедеятельность организма связана с непрерывным обменом веществ. Питательные вещества, попадающие в организм, впитываются стенками желудка и кишечника и разносятся кровью, которая осуществляет и газовый обмен в организме. Открытие метода меченых атомов позволило установить, что элементы, вводящие в состав тканей организма, непрерывно обновляются за счет элементов, попадающих в организм во время питания.

Долгое время считалось, что два атома, имеющие в ядре одинаковое количество нейтронов и протонов, являются совершенно одинаковыми. Однако в некоторых химических реакциях наблюдается отличие в поведении даже таких атомов, ядра которых построены из одинакового количества нейтронов и протонов. Это различие связывают с ядерной изометрией, то есть с различным расположением частиц в ядре

Молекулы питательных веществ, поступающие в организм, ведут себя по-разному, в зависимости от активности ядерных изомеров, из которых построена та или иная молекула. Молекулы с более активными ядерными изомерами быстрее распадаются и выводятся из организма. Атомы, представляющие собой пассивные ядерные изомеры, накапливаются в организме, а с некоторого момента вызывают его старение.

Активные ядерные изомеры образуются благодаря облучению растений мягкой рентгеновской радиацией Солнца, как ни мала ее интенсивность у поверхности Земли. Проникновение кванта рентгеновского излучения в ядро влечет за собой перегруппировку ядерных частиц, а следовательно — появление новых ядерных изомеров.

На основании вышеизложенного мы объясняем появление признаков старости накоплением в тканях человеческого организма инертных атомов, обладающих неблагоприятным расположением частиц в ядре. Однако введение в организм ряда веществ, приготовление которых подробно поясняется приложением к заявке, обеспечивает удаление этих атомов из организма и тем самым не только предохраняет его от старости и естественной смерти, но и возвращает молодость уже одряхлевшему организму».

Дмитрий Дмитриевич поставил от руки формулы в приложении к заявке и подписал все три экземпляра. Человек поставил против своей фамилии какую-то закорючку, замысловатую и мелкую.

— А теперь, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — я очень хотел бы услышать от вас, кто вы, откуда вы пришли к нам... И главное — зачем вы пришли к нам.

Человек с минуту молчал, глядя куда-то поверх головы Дмитрия Дмитриевича, словно присматриваясь к чему-то.

— Это по том, — сказал он. — Это после. Пора спать.

ОЖИДАНИЕ

Аккуратно опечатанный отказ в выдаче авторского свидетельства пришел быстро. Кто-то, хорошо понимающий психологию изобретателя, снабдил бланки отказа и согласия широкой полосой соответственно синего и красного цвета. Таким образом изобретателю не приходилось томиться, судорожно просматривая сливающиеся строчки машинописи. Едва конверт вскрыт, мелькнувшая красная полоса сразу же говорит: «Да! Изобретение принято!» Изобретатель больше ничего разобрать не может; пугая почтальона, кричит громовое «ура»; в прихожую сбегается вся семья, и все в восторге шупают плотный лист бумаги с красной полосой.

Зато приметив зловещий синий цвет, изобретатель чувствует мгновенное головокружение. У него подгибаются колени, словно его крепко стукнули поленом по темени. Затем он, приторно улыбаясь почтальону, расписывается в книге заказных писем и, забывая вернуть карандаш, на цыпочках идет к

себе. Оставшуюся часть дня он «спит», то есть просто лежит вытянувшись, с напряженными мышцами.

Но, получив несколько синих полос, изобретатель перестает волноваться. Он сразу же вливается в текст, стремясь уяснить себе причину отказа. Отказ «по новизне» — страшный отказ. Он всегда серьезно обоснован, иногда присылаются снимки патентов, ссылки на журнальные статьи... В первый момент изобретателя охватывает чувство стыда: что он скажет матери, жене, любимой девушке, товарищам, наконец, машинистке, печатавшей заявку в неурочное время? Ведь они обязательно спросят... Сказать, что твое изобретение уже кем-то сделано, что ты, пусть не зная этого, претендовал на чужую мысль?.. Но где-то внутри шевелится: «А-а! Ты все-таки думал верно! Пусть сегодня тебе испортили настроение инженеры фирмы «Кодак», завтра испорченное настроение будет у них!»

Другое дело отказ «по полезности». Возмущению изобретателя нет предела. «Нам, производственникам, виднее, полезно это или нет!» — говорит он.

Дмитрию Дмитриевичу отказывали «по новизне», ему также отказывали «по полезности», ему отказывали даже просто так, не разобравшись в его предложении. Имея, по его собственному утверждению, природную антипатию к юридическим наукам, он тем не менее выучил буквально наизусть соответствующие параграфы из авторского права и был неперенным советчиком у товарищей по работе в вопросах переписки с экспертами. Теперь синяя полоса не нарушала его спокойствия. Но Человек был задет гораздо сильнее

— Они не могут понять! — сказал он.

— Не переживайте, — ответил Дмитрий Дмитриевич — Ну-ка прочтем еще раз, теперь совсем спокойно.

«Рассмотрев заявку «Способ создания физического бессмертия человека» и все относящиеся к ней материалы, Отдел изобретательства и рационализации установил »...

— Здесь излагается наша заявка, почти слово в слово. Так, дальше:

«Отдел изобретательства и рационализации считает, что авторы проявили физическую и философскую, биофизическую и биохимическую неграмотность. Процессы и реакции, содержащиеся в приложении под номерами 1, 3, 7, 8, 11, неосуществимы, под номерами 2, 4, 5, 9, 10 — основаны на неверных физических представлениях. На основании изложенного Отдел изобретательства и рационализации решил отказать Человеку, Д. Д. Михантьеву и Н. П. Ростикову в выдаче авторского свидетельства на «Способ создания физического бессмертия человека»

Зам начальника отдела С. Дранников».

Человек взял из рук Дмитрия Дмитриевича листки отказа и внимательно всмотрелся в маленькие буквы, напечатанные на краю листка

— А здесь, — сказал Дмитрий Дмитриевич (он очень хорошо знал эту утешительную для всех изобретателей приписку), — здесь написано что в месячный срок мы можем опротестовать. И давайте воспользуемся этим правом

— Цель?

— Пошлют на вторичное заключение, вероятно, другим специалистам. И написать нужно в стиле этого отказа

Дмитрий Дмитриевич сел за машинку и быстро застучал согнутым указательным пальцем

«Ознакомившись с решением Отдела по изобретательству и рационализации, выражаем свое несогласие с ним по следующим причинам. »

Письмо было написано и немедленно отослано.

Время тянулось медленно. Дмитрий Дмитриевич нервничал. Человек так ничего и не рассказал о себе и от навязчивых вопросов увиливал с необычайным искусством. Коля тоже волновался, но совсем по другой причине — он сдавал вступительные экзамены в институт. Все же он забежал «посидеть на минутку», перекинуться словечком с Дмитрием Дмитриевичем, полюбоваться Человеком. Человек сутки напролет лежал на железной койке, поставленной для него в комнате Дмитрия Дмитриевича, и читал он все без разбору — БСЭ, правила уличного движения, стихи и романы. Дважды — оба раза вечером — у него наступали своеобразные приступы. Тогда он бессмысленно расхаживал по комнате, натываясь на стены и мебель, не отвечая на вопросы, бормоча непонятные слова. Проходило около часа, и он снова становился бодрым и энергичным. Дмитрий Дмитриевич не спускал с него глаз, думал до боли в висках, пожимал плечами. А однажды Человек исчез. Именно исчез — не ушел, не сбежал, а исчез, словно провалился сквозь землю. Дмитрий Дмитриевич был совершенно уверен, что Человек не выходил из кухни, и просто не знал, что подумать. Он уже хотел обратиться в милицию — у него волосы становились дыбом при мысли, что может случиться с этим чудачком из неведомого мира на улицах большого города, — но Человек появился так же внезапно, как и исчез. Он вошел в кабинет из кухни и спросил как ни в чем не бывало

— Ответ есть?

Дмитрий Дмитриевич обратил внимание на то, что измятая гимнастерка на Человеке вся облеплена знакомым пухом, и тут же вспомнил, что все эти четыре дня что-то странно скрипело и потрескивало на антресолях. Но мысль связать одно с другим показалась ему тогда абсурдной. Он резко спросил:

— Где вы были?

— Я готовил вещество. Таблетки бессмертия. И Человек протянул Дмитрию Дмитриевичу раскрытую

ладонь На ладони лежали зеленоватые прозрачные конусы величиной с наперсток.

Когда Коля после консультации зашел «посидеть на минутку» к Дмитрию Дмитриевичу, тот молча протянул ему повестку. Изобретателям предлагалось явиться в институт, в котором работал Дмитрий Дмитриевич, и принять участие в заседании ученого совета, на котором будет рассмотрено их предложение.

— Это хорошо? — спросил Коля.

— Трудно сказать... Может быть, что-нибудь и получится, но у нас такой директор!.. Я как знал, что заявка попадет к нему, — прямо предчувствие было...

ПШЕНИЧНЫЙ

В институте, где работал Дмитрий Дмитриевич, сложилось очень трудное положение. Фактически вся полнота власти попала в руки Павла Александровича Пшеничного, исполняющего обязанности директора, человека загадочного даже для тех, кто проработал с ним не один год.

Пшеничный много лет назад был направлен в аспирантуру. Промышленность снабдила его блестящими характеристиками, которые, как это вскоре выяснилось, были составлены с коварной целью — навсегда избавиться от Пшеничного.

Настоящий директор института, заслуженный ученый, академик, неоднократно пытался расстаться с Пшеничным. Он не хотел слушать никаких рассуждений о том, что Пшеничного «некуда деть» и что на него уже затрачена уйма денег, но, будучи очень занятым человеком, он чувствовал, что не имеет права растрачивать свою энергию и волю на борьбу с цепким и ловким приспособленцем. В конце концов директор, махнув рукой на «научную продукцию» Пшеничного и действуя по принципу «с паршивой овцы хоть шерсти клок», стал загружать его многочисленными поручениями, не требовавшими специальных знаний. Пшеничный переписывал и составлял требования на оборудование, кого-то замещал, что-то проталкивал, что-то согласовывал, куда-то ездил (и преохотно). Постепенно он стал казаться человеком незаменимым, в нужную минуту оказался тут как тут и стал исполнять обязанности директора института.

С первого дня своего нового положения в институте Павел Александрович Пшеничный начал осваивать «большую науку». Начал он с физики. Пшеничный вызвал в свой кабинет библиотекаршу с ящичком каталога книг по физике, отобрал наугад ряд книг и велел никого не принимать. Вначале он пытался проникнуть в смысл формул и даже стал переписывать их на маленькие листочки блокнота-шестидневки, но это не помогло... К слову сказать, Пшеничный вовсе не был человеком малоспособным или неумным, но сказались годы, проведенные в бесконечных телефонных разговорах и «согласовываниях», да и сама физика резко шагнула вперед с того времени, как он в последний раз прикасался к институтскому учебнику.

Итак, дело не ладилось. После этого Пшеничный перешел непосредственно к тексту и... все понял! Это открытие привело его в восторг. Действительно, он разобрал всё, фразу за фразой: «Формула выведена в предположении, что...», «отсюда следует «... где...», «после сложения получим...», «авторы пользуются приятным долгом поблагодарить академика Е. И. Тутта за дискуссию результатов и постоянное внимание к работе». Все было понятно! Физика была ясна, как пареная репа... А формулы?! Я не уверен, что формулы нужны, во всяком случае, так уж обязательны», — сказал Пшеничный самому себе. Вот уже скоро год директор института безвыездно проживал на даче, а Павел Александрович Пшеничный, оберегая его покой, являлся к нему не чаще одного раза в месяц. «Старик», как называли в институте настоящего директора, подписывал отчеты института, рассказывал Павлу Александровичу о своей поездке по Швейцарии в 1896 году и погружался в дремоту, из которой Павел Александрович не считал тактичным его выводить. Однако, когда возникала необходимость принимать дискуссионное решение, Павел Александрович говорил, что его нужно согласовать с директором института академиком Коршуновым. Впрочем, в таких решениях все меньше и меньше ощущалась нужда. Павел Александрович взял курс на систематическое сворачивание экспериментальных отделов института, и к началу описываемых событий определить профиль института уже просто не было возможности. В комнатах, еще отдававших запахом Химических реактивов и трансформаторного масла, появились какие-то задумчивые люди специальностей редчайших и служебного поведения отменного. Чем они занимались, сам Павел Александрович толком не знал, но с ними было легко, гораздо легче, чем с «принципиальными» физиками и техниками, еще недавно осаждавшими его ворохом предложений и заявок.

Такова была обстановка в институте, когда был созван ученый совет для разбора заявки на «Способ создания физического бессмертия человека» и всех относящихся к ней материалов.

Вначале все шло, как обычно. Одиннадцать часов утра... Сотрудники толпятся в коридоре, курят, разговаривают о своих делах, о возможных вариантах решения совета. Еще пятнадцать минут — и, мягко ступая на носки, появится заместитель директора по хозяйственной части и, тяжело усевшись за стол президиума, пошлет секретаря в коридор.

— Просят заходить, — скажет Наталья Степановна, — уже пора...

Пора! Пора! Сотрудники, перекидываясь друг с другом приветствиями, рассаживаются, и наконец наступает молчание... Проходит несколько минут, прежде чем появляется Павел Александрович. О, это расчет, тактический расчет, а вовсе не опоздание. Павел Александрович уже минут пять топтался у дверей своего кабинета, поглаживая всегда защелкнутый английский замок, поглядывая на свои по-военному точные часы. Внутренним оком своим видел он зал заседаний, чувствовал эту минуту молчания и вот теперь вышел из кабинета и, ни на кого не глядя, прошел к своему креслу за столом президиума.

Он внимательно, придерживая рукой очки, просмотрел повестку, которую знал на память, так как составлял ее сам, и все сотрудники также посмотрели на свои повестки. Потом поднялся, широким жестом отнял от глаз очки и сурово заговорил:

— Сегодня мы собрались здесь для проведения очень важных мероприятий. В открытом заседании ученого совета будет разбираться авторская заявка... Мне не хотелось бы уточнять, но наш план научно-исследовательских работ настолько перегружен, что еще одна тема... Вы должны понять... Тем более, что речь идет о физическом бессмертии человека. Авторы подняли шум, но нам нужно быть твердыми. Авторы трое... Первый автор... Человек? Это, вероятно, псевдоним. Второй — Д. Д. Михантьев... Михантьев?! — Пшеничный, не веря своим глазам, надел очки; по многолетней привычке, он обратил внимание только на первого автора...

— Наш Дмитрий Дмитриевич? — донеслось с клеенчатого дивана, где обычно сидели «буйно-принципиальные» сотрудники, как их называл про себя Пшеничный.

— Наталья Степановна, позовите, пожалуйста, авторов, они, вероятно, ждут, — сказал Пшеничный.

Когда вошел Человек, на него не обратили внимания. Но вот появился Дмитрий Дмитриевич, и в зале зашумели, но Пшеничный закричал:

— Товарищи, не отвлекайтесь!

Авторов усадили в первом ряду. Коля с благоговением, Человек с интересом разглядывали развешанные по стенам зала графики и фотографии, приготовленные для следующего вопроса повестки дня. Дмитрий Дмитриевич смотрел прямо перед собой — в просвет между пиджаком директора и зеленой шторой за ним. Внешне Дмитрий Дмитриевич был спокоен. Но если бы прислушаться к его сердцу! Сердце его сокращалось в ритме старого марша... Да, если бы вы прислушались, то ясно услышали бы: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор...» А с этим маршем нельзя не победить — это уже проверено.

— Сейчас, — сказал Пшеничный, — мы ознакомимся с содержанием заявки.

Дмитрий Дмитриевич быстро встал, но Пшеничный остановил его властным движением руки.

— Я думаю, — сказал он, — что вам излагать что-либо не придется. Официальных материалов, которыми располагает институт, вполне достаточно.

— Но я хочу дополнить, разъяснить...

— Дополнить, разъяснить? Всякое дополнение и разъяснение есть уже новое изобретение, а мы рассматриваем ваше старое изобретение, то, по которому идет переписка и по которому мы должны дать обстоятельный ответ. И потом, к чему это, товарищ Михантьев, ваше «я хочу». Я хочу, мы хотим, они хотят... Если потребуется, вы будете обязаны дополнять и разъяснять.

Пшеничный прочел ученому совету вводную часть заявки.

— Вот, собственно, и все, — сказал он, — а «научообразное» приложение к заявке вряд ли заслуживает внимания совета. Я сам созвонился с весьма крупными специалистами, и они о большинстве реакций даже не слышали. Итак, я призываю совет к максимальной активности. Прошу помнить, что нужно говорить не о мелочах, а о главном, чтобы суть дела не утонула в каких-нибудь формулах.

Начались выступления, они закончились в час дня.

— Я прошу слова, — сказал Дмитрий Дмитриевич. Пшеничный внимательно взглянул на свои часы и, захлопнув серебряную крышечку, сказал:

— Уже обед, товарищи, можете отдыхать.

ПИЛЮЛИ БЕССМЕРТИЯ

Дмитрий Дмитриевич вошел в столовую, оставив Колю и Человека у входа. Все столики были заняты.

— Дмитрий Дмитриевич, идите к нам, — донеслось с одного из дальних столиков, за которым расположилось человек шесть сотрудников Института.

Для Дмитрия Дмитриевича, Коли и Человека достали стулья; между первым и вторым блюдами завязался разговор.

— Всего мы ожидали, Дмитрий Дмитриевич! Мы были уверены, что ты что-нибудь изобретешь, напишешь какую-нибудь теоретическую работу, но что ты предлагаешь? — сказал Андрей Петрович

Рябцев, заведующий одной из лабораторий, вытирая усы. — Не обижайся на нас, но ты предлагаешь какую-то беспомощную вещь, берешь в соавторы мальчика...

— Что тебе нужно? — спросил Дмитрий Дмитриевич другой сотрудник, из категории «буйно-принципиальных». — Слава глупая, что ты первый сформулировал условия бессмертия? Ты бы уж нам на совете поподробнее все рассказал, а то наш Пшеничный нам ни формул, ни выкладок не покажет.

— Все гораздо интересней, чем вы думаете, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — мысль о бессмертии — не моя мысль...

— Не твоя? Ты же был сама щепетильность! — возбужденно сказал Андрей Петрович. — И ты воспользовался чужой мыслью?!

— Вы не так поняли... Это действительно новое, новое на Земле, в этом буква закона удовлетворена полностью, но это не у нас открыто... Вот наш первый автор — Человек.

— Псевдоним?

— Нет, мы просто не знаем его имени. Он житель не нашей планеты...

— Откуда же он? — засмеялись за столом. — Откуда он прилетел? С Марса или, может быть, с Венеры?

— Нет, — сказал Коля, — нет, на Венере люди с крыльями.

За столом переглянулись, покачали головами.

— Слушай, Дмитрий Дмитриевич, — сказал Андрей Петрович, — не сбежали ли твои авторы с какой-нибудь Канатчиковой дачи? Все это пахнет добротным сумасшествием.

— Да, даже вам трудно объяснить... Человек летел к нам века и не долетел бы, если бы не был бессмертным. Он принес нам многое из того, что нам все равно пришлось бы открывать. Можем ли мы отказаться от нового и нужного? Пока вопрос о бессмертии, потом еще что-нибудь...

— А сам метод вами подготовлен?

— Да, Человек сделал несколько таблеток... Человек осторожно поставил на пустую тарелочку из-под хлеба шесть небольших зеленых конусов, каждый из них мог поместиться в чайной ложке.

— А что с ними делать? — спросил Андрей Петрович. — Чи до борщу, чи на ничь? Человек удивленно прислушался.

— Это по-украински, — пояснил Дмитрий Дмитриевич. — Когда, спрашивает он, их глотать можно? С едой или перед сном?

— Безразлично, — ответил Человек.

— Так нужно, проверить, — сказали за столом. — А что после такой таблетки произойдет?

— Одной таблетки достаточно, чтобы ребенок навсегда остался ребенком... Старик превратится в человека зрелых лет...

— Простите, Дмитрий Дмитриевич, а сами вы уже бессмертны?

— Знаете что? — сказал неожиданно Коля. — Знаете что? Возьмите меня для опыта! Да, меня... Я это съем. — Он указал на зеленые таблетки. — А через год, если я не буду меняться, вы все убедитесь...

— А это идея, — сказал кто-то. — Но только опасно...

— Нет, нет, — торопливо заговорил Коля. — Я очень быстро меняюсь. Вы только подумайте, прошлый год я был на четыре сантиметра ниже...

— Год ждать, — проговорил Дмитрий Дмитриевич. — И потом, ты же хотел, кажется, еще вырасти?

— Не нужно мне больше расти, — сказал Коля, — если не нужно расти, то я и не буду расти... — Он протянул руку, взял одну из таблеток и, прежде чем кому-нибудь пришло в голову его остановить, отправил ее в рот. У него мгновенно закружилась голова, зеленая пена выступила на губах.

— Воды! Скорее воды! — закричали за столом. Дмитрий Дмитриевич ринулся на кухню, где ему набрали прямо из крана стакан теплой воды, и побежал назад. Коля лежал на сдвинутых стульях, зрачки в его глазах дрожали у переносицы. Все стояли притихшие, испуганные...

— Что там? Что там случилось? — спрашивали за соседними столиками.

— От духоты, наверно?

Коля медленно стал приходить в себя. Его запястье крепко стиснул Человек, и по его сосредоточенному лицу было видно, что он считает пульс...

Через несколько минут Коля поднялся. Сотрудники заторопились на ученый совет. Колин поступок произвел на них впечатление. Все притихли, каждый углубился в свои мысли. Коля собрал оставшиеся зеленые конусы с тарелочки, задумчиво на них посмотрел и сунул в карман куртки...

КОНЕЦ КАРЬЕРЫ ПШЕНИЧНОГО

Совет еще не начался. Наталья Степановна возилась с высоким черным креслом, стараясь подвинуть его поближе к столу президиума. Пшеничный торопливо отдавал какие-то приказания.

— Что произошло? — спросил Андрей Петрович. — Что случилось?

— Ах, Андрей Петрович, — бросилась к нему Наталья Степановна, — вы уж оставьте ваши колкости, резкости, только на сегодня оставьте! Ужас какой, какой ужас!

— Но все-таки в чем дело?

— Старик едет! Наш... академик Коршунов. Вот что! Нам сейчас позвонили, что он никаких врачей слушать не хочет, ему подали машину, и он к нам едет... Он, оказывается, прочел повестку, а там про это

бессмертие. Он прочел и заволновался, говорит: «Что бы там ни говорили, а этого я пропустить не могу: я, кажется, у них все-таки директор»...

Пшеничный вошел в зал, быстро прошел к своему столу.

— Рассаживайтесь, товарищи, скорее рассаживайтесь, нам нужно срочно, совершенно срочно принять выработанную нами резолюцию...

— Как так? — тихо сказал Андрей Петрович и смутился.

— Продолжайте, — потребовал Пшеничный, устремив на Андрея Петровича пронизывающий взгляд.

— И скажу. — В голове Андрея Петровича, где-то пол лобной костью, разлилась боль, занял глаз. Эта боль посещала его в минуты волнения с детства, и сейчас он ей обрадовался и еще больше испугался. — И скажу! Все скажу. — Потом, потом! — замахал руками Пшеничный.

В зал мелкими медленными шагами входил маленький высохший старичок. Его белая как лунь голова непрерывно кивала. «Старика» подвели к креслу и усадили.

— Наталья Степановна, — вполголоса сказал Пшеничный, — вот вам ключ, там у меня в столе коробочка с его леденцами лежит...

— Не беспокойтесь, — дребезжащим голосом сказал «Старик», — не нужно беспокоиться.

Леденцы были принесены на голубом стеклянном подносе от графина с водой.

— Прошу вас, продолжайте совет, — сказал «Старику».

— Я прошу слова, — сказал Андрей Петрович и подчинился.

— Совет принял следующее решение, — не обращая внимания на Андрея Петровича, сказал Пшеничный. — Мы отвергаем предложение группы авторов. Нам, товарищи, не нужно это бессмертие, которое...

— У вас же просят слова, — едва слышно сказал «Старик», и Пшеничный, не окончив фразу, нервно пододвинул «Старику» поднос с горкой леденцов и запинаясь сказал:

— Кушайте, пожалуйста, кушайте...

— Я, — сказал «Старик», — очень заинтересовался первым вопросом повестки дня... Наконец-то, наконец-то в поле зрения нашего института попадают действительно большие, можно сказать, грандиозные вопросы. — «Старик» замолчал, пососал леденец и твердо указал на Андрея Петровича сморщенной рукой. — Даю вам слово, уважаемый, даю.

— Нам принесли интересную мысль, и все не так просто, как изображает здесь Павел Александрович. Давайте разберем эту мысль по существу... Пусть она неверна, но за одну только необычность ее нельзя отклонять! Я уверен, что, если бы принести проект охотничьего ружья пещерным людям, они подняли бы его на смех...

— Согласен, хе-хе-хе, — засмеялся «Старик», отправляя в рот очередной леденец. — Пещерные люди ужасно смеялись бы, ужасно...

— Мы не должны отвлекаться, не должны. — Пшеничный звонко постукивал карандашом по подносу с леденцами. — Не должны... Почему вы, — обратился он к Коле, — тянете руку вверх? Вы просите слова?

— Да, — сказал Коля, — прошу.

— Дайте ему слово, дайте, мы хотим выслушать авторов! — зашумели сотрудники.

— Говорите, — выдал из себя Пшеничный.

— Мы ничего плохого не хотим, мы просто хотим, чтобы все люди были бессмертными, всегда сильными, всегда молодыми. Так много нужно сделать... Мы хотим, чтобы весь мир стал другим, лучшим... Вот эти таблетки, — Коля раскрыл ладонь: на ней лежали полурастаявшие от человеческого тепла зеленые конусы, — вот они. Человек говорит, что одной таблетки хватит на всю жизнь, навсегда. Вот... — Коля подошел к столу президиума и положил на поднос один из конусов.

— Мы благодарим вас за ваше содержательное выступление, — едва приметно улыбнулся Пшеничный. — Для вашего возраста очень, очень дельно... Мы объективные люди и во избежание кривотолков попросим выступить первого автора... — Директор посмотрел в повестку. — Человека... Здесь, простите, не опечатка? Может быть, Человекова?

Человек вскочил на ноги и заговорил; заговорил негромко, опустив голову. Все повернулись к нему с любопытством. Его голос, нарастая в силе, казалось, шел со всех сторон; было похоже, что заговорили столы и стулья, тонко зазвенело, запело стекло в окне. Сотрудники переглянулись — в шуме столовой они не обратили внимания на его голос.

— В мире, откуда я, в моем мире такие заседания, записанные в ампулах, хранятся в специальных музеях, их изучают, показывают детям, как вы изучаете наконечники каменных стрел. — Человек расстегнул ворот гимнастерки; теперь его голос гремел, как могучий поток, как лавина камней. — Я хочу, чтобы вы жили вечно! Мне говорил Коля, что вы стараетесь не думать о смерти, что здесь ничем не поможешь, что всегда так было и так будет... Но разве вы всегда умели стрелять и печатать книги, строить дома и рыть шахты? Что было бы с вами, если бы все люди говорили так, как вы? «Не было, но будет!» Потому что вы сами этого хотите, потому что этого хочу и я, мне это нужно. А вам я сокращу на пять веков путь исканий, потерь и заблуждений, каждому из вас и всем вместе...

— Вы сказали, что в мире, откуда вы? — Павел Александрович поискал глазами начальника отдела кадров, и тот, выбравшись из дальнего угла и спотыкаясь о ноги сидящих на клеенчатом диване,

остановился в дверях. — Да, да, я не ослышался! Вы сказали о мире, откуда вы пришли! А откуда вы пришли? Откуда вы явились? Кто вы? Иностранец? Англичанин? Француз? Или, может быть, вы бедуин? — последнее слово Пшеничный произнес с каким-то особенным оттенком. Он сам, стесняясь кого-нибудь спросить, пересмотрел массу географических карт в поисках страны бедуинов, которая, естественно, должна была называться «Бедуиния», и, не обнаружив ее на карте, взял эту национальность под сомнение. — И потом, раз вы из другого мира, может быть, там разбираемое изобретение давно уже известно? Прекратите, Дмитрий Дмитриевич, жестикуляцию!

— Да, в моем мире это всем известно. У нас все живут столько, сколько хотят...

— Так вы не являетесь истинным автором изобретения?! Ваш паспорт! — резко сказал Пшеничный.

— У него... — начал было объяснять Дмитрий Дмитриевич.

Но Пшеничный отмахнулся:

— Не с вами, не с вами разговаривают! Как его пропустили в институт?

— Его вписали в мой пропуск, — сказал Коля. — У него нет паспорта.

— Вообще нет паспорта? Это очень интересно... — Пшеничный кивнул начальнику отдела кадров, и тот быстро выбежал в коридор. — Вы забыли, Дмитрий Дмитриевич, забыли, что авторские свидетельства выдаются только гражданам Советского Союза, что иностранцу выдается патент, а патенты мы не обсуждаем.

— Не вижу разницы, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — не вижу!

— Нет, это ужасно, — сказал Пшеничный, — ужасно! Мы делились своими высококвалифицированными заключениями черт знает с кем! Это моя оплошность, моя вина, я объявляю выговор начальнику отдела кадров. Вам, товарищ Михантьев, тоже выговор, третий по счету, если мне не изменяет память. Я должен быть требовательным к себе, должен! Совет окончен! Решения мы не примем!

В наступившей тишине явственно раздался голос заместителя директора по хозяйственной части:

— Но, Павел Александрович, мы... мы сами могли бы стать бессмертными...

Заместитель директора остановился, глаза, его уставились на дверь: там стоял смущенный милиционер в полной форме; из-за его плеча выглядывал начальник отдела кадров,

— Вот этот гражданин, — начальник отдела кадров пальцем указал на Человека, — совсем без паспорта.

Милиционер удивленно спросил Человека:

— У вас действительно совсем нет паспорта?

Дмитрий Дмитриевич и Коля стали наперебой объяснять милиционеру сложившуюся ситуацию, и они втроем вышли в коридор.

Милиционер сказал:

— Пройдемте, — и вышел из института первым.

Авторы поплелись за ним. Сотрудники, прильнув к стеклам, наблюдали их бесславный уход.

— Да ведь мы сами, сами могли бы стать бессмертными! Как это нам в голову не пришло?

— Мы? — сказал Пшеничный и в задумчивости так сильно укусил оправу очков, что лязгнули зубы.

— Хе-хе-хе, — вдруг рассмеялся «Старик». — Круты вы, батенька, не помню вашу фамилию...

— Пшеничный, — подсказал Павел Александрович. — Вот, вот, Пшеничный, круты вы... Ученый совет нужно проводить без милиционера... Да, да... Получается несозвучие, диссонанс, диссонанс получается... между возможностями института и тем направлением, которое придает ученому совету товарищ... не помню вашу фамилию...

— Пшеничный! — в один голос сказали сотрудники.

— Да, да, Пшеничный... Это напоминает одну рыбу, забыл как ее название... а, рыбу слон...

Зал задрожал от смеха, даже Пшеничный сдержанно засмеялся негромким, сухим смешком.

У «Старика» в уголке глаза сверкнула маленькая слезка.

— Я оговорился, — сказал он, — только оговорился... Я хотел сказать: рыба... рыба сом. Да, и вы все похожи на этого сома. У него могучие мускулы, а плавников почти нет, и лежит он себе в тине всю свою жизнь...

«Старик» протянул руку к подносу с леденцами, нащупал зеленый конус, который положил Коля, и поднес его к глазам.

— Мне, — сказал он, — хе-хе... уже терять нечего... Слабеет память. Я его съем, съем его... — И с этими словами «Старик» отправил в рот конус Человека.

Зал застыл, все с любопытством следили за тем, как «Старик» старательно разжевывает пилюлю.

— Очень приятное ощущение, — сказал «Старик», — вы можете мне позавидовать... И если бы разобрались в сути дела, то все, все могли бы получить по такому угощению, хе-хе-хе...

И здесь произошло совершенно неожиданное. Смех «Старика», слабый, еле слышный, постепенно креп, голос его становился все звучнее, насыщеннее, громче. И через секунду «Старик» хохотал совсем «молодым» смехом.

— Что с ним?! — закричали сотрудники. — Смотрите! Что с ним происходит?

Густой румянец прилил к щекам «Старика»; казалось, что его морщины разгладились, а когда по его белоснежной бороде побежала от корней волос черная полоса, сомнения исчезли: конус был не

выдумкой. «Старик» на глазах становился молодым! Вот он стал на ноги и осторожно попробовал их выпрямить... И ноги выпрямились! «Старик» уставился на свои руки, на которых вместо ссохшейся, морщинистой кожи теперь была молодая, чуть розовая кожа... А лицо! Вздых пронесся по залу. Это было не его лицо — это было лицо молодого человека; ему можно было дать не больше тридцати лет, если бы его не старила густая борода, теперь уже почти целиком черная, только на самом конце клинышка бородки белел островок седины.

— Зеркало! — громко и властно сказал «Старик», и только сейчас сотрудники вспомнили, что он не «Старик», а академик Коршунов, смелый ученый и энергичный организатор, веселый и. напористый человек.

Наталья Степановна вытащила из своей сумки маленькое зеркальце и протянула его «Старику».

— Я молод! — закричал он. — Молод! Слышите?! Друзья! Я не могу прийти в себя от счастья... Это драгоценные листики, — сказал он, отбирая у Пшеничного заявку Человека, — драгоценные. И наш институт непременно займется этим вопросом.

— Но мне кажется, что... — начал было Пшеничный. Но академик Коршунов его прервал:

— А мне кажется, товарищ Пшеничный, что в этом институте все-таки я директор. И с сегодняшнего дня считайте, что я вернулся из отпуска..

— Э, нет! — воскликнул Пшеничный, быстрым, как молния, движением вырвав заявку Человека из рук академика. — Нет, нет! Еще нужно доказать, все доказать! Вам нужно уйти на покой. По старости, по старости...

— Но я молод... Черт возьми, я ужасно, ужасно хочу есть, не просто есть, а ужасно... Я молод, великолепно себя чувствую. Мы еще поработаем, товарищи...

— А ваши документы! — Теперь Павел Александрович уже кричал. — А ваши документы, ведь вам за девяносто, за девяносто! За девяносто!

— Да, моим документам за девяносто, а мне, мне двадцать пять!

Зал разразился громом аплодисментов. Разгневанный Пшеничный выбежал из зала заседания.

Долго еще шумели сотрудники, а потом допоздна горел свет в зале, и Наталья Степановна все носила и носила папки с делами и отчетами за прошлые годы... Академик Коршунов время от времени хватался за голову и говорил:

— Вот проходимец, вот проходимец этот Пшеничный!.. А вы, Наталья Степановна, завтра же разыщите этих авторов. Завтра же, слышите?

КУБИК

Есть между утренним и вечерним приемами час, когда в отделении милиции все затихает. Исчезают прописывающиеся, выписывающиеся и взволнованные подростки с новенькими паспортами; разбегаются хохотуны-комендантши с пухлыми, похожими на старинные рукописи домовыми книгами; медленно и важно проходят по коридору ответственные дворники; метеором проносится санитарный врач — женщина огромного роста с твердым взглядом и мужским голосом, — заглянет в каждый кабинет и что-то быстро-быстро скажет про акт или штраф, про мусор и копоть... И наступает тишина.

Именно в такой час Коля, Человек и Дмитрий Дмитриевич появились в дверях отделения милиции. Милиционер ввел их в большую комнату, остановился перед дверью с надписью: «Начальник отделения», сказал:

— Сюда, граждане, — и, поправив пояс, негромко постучал.

— Войдите! — послышалось из-за двери. Они вошли.

— Товарищ начальник, ваше приказание выполнено! — доложил милиционер. — Вот эти граждане...

— Можете идти, Авдеев, — сказал начальник отделения. Он внимательно оглядел всех троих, задержав на мгновение взгляд на лице Человека. — Садитесь, товарищи... Вы извините меня, но мне звонили из института, и я не мог не вмешаться... Так кто из вас без паспорта?

— Вот он, Человек, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — а мы с ним...

— Где же ваш паспорт? Потеряли?

— Он не потерял паспорт, — сказал Коля.

— Не терял? Значит, украли?

— Он не знает, что такое паспорт.

— Я не совсем понимаю... На вид этому гражданину, — он кивнул в сторону Человека, — лет тридцать пять, сорок...

Все заулыбались.

— Я namного ошибся? — осведомился начальник.

— Во много раз, — улыбнулся Дмитрий Дмитриевич.

— Допустим... Как вы сказали? Во много раз?! — Начальник отделения взглянул на Дмитрия Дмитриевича. — Ну хорошо, во всяком случае, ему больше шестнадцати, а в нашем государстве паспорт дают с шестнадцати лет.

— Вы ему покажите и объясните, что такое паспорт, — сказал Коля. — Он понятливый.

— Покажите — пойму, — рявкнул Человек. Начальник отделения вздрогнул.

— А почему у вас голос такой? — спросил он.

— Это не мое изобретение. Я не говорю в вашем диапазоне частот.

— В диапазоне... А что такое паспорт — не знаете, — заметил начальник отделения, вглядываясь в его лицо.

— Он не с нашей планеты, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — Он не земной.

Наступило продолжительное молчание. Затем начальник попросил не морочить ему голову.

Тогда Коля и Дмитрий Дмитриевич рассказали все: о появлении Человека, о его столкновении с электричкой, о больнице, о заявке на «Способ физического бессмертия» и о сегодняшнем ученом совете.

Начальник отделения качал головой недоверчиво, насмешливо улыбался, но каждый раз, когда глаза его встречались с зелеными, без зрачков, глазами Человека, улыбка его исчезала, и он принимался усиленно тереть лоб.

— Понимаю, — сказал наконец он. — Все теперь понятно. Ну и ну! Никогда в жизни не поверил бы...

Он достал из стола чей-то паспорт, показал его Человеку и пустился было в объяснения, но Человек

перебил его.

— Понимаю, — сказал Человек, — понимаю... Они у нас были в то время, когда появились первые атомные двигатели, как раз накануне открытия способов полета в воздухе.

— Как поздно! — удивился начальник отделения. — Что же вы так опоздали с воздухоплаванием? У нас атомные двигатели только сейчас, а летаем давно.

— Не совсем так, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — Радиоактивность была открыта в тысяча восемьсот девяносто шестом году, то есть тогда, когда еще летали только первые модели самолетов.

— Нам было сложно подняться в воздух. Наша планета в пять раз массивнее вашей, оторваться от нее было труднее. Только в недавнее время, за сотню тысяч лет до моего... отлета мы совершили первый прыжок над планетой. Вот тогда у нас были книги. Были книги, высеченные на камнях, стенах древних городов, были и тетрадки, тот уровень, на котором вы сейчас находитесь.

— Но разве потом исчезли писатели? Разве необходимость в писании... ну, скажем...

— Протоколом, — подсказал Дмитрий Дмитриевич, и начальник отделения рассмеялся.

— Вы, люди Земли, пользуетесь спичками. Добывали огонь трением, так мне сказал Коля. От огня не отказались — спички удобней. Мы отказались от написанного, напечатанного слова, но не от слова вообще. И ничего из созданного не было упущено. У нас есть азбука, и у нас должен пройти некоторый промежуток времени, прежде чем тот, кто не умел читать, научится читать.

— Но ведь книга, — сказал Коля, — это так удобно! Взял под мышку и пошел.

— В ваших библиотеках уже хранятся миллионы томов. Попробуй их взять...

— А зачем? Все равно всего не прочтешь. Если читать непрерывно, по книге в день, и то за год только триста шестьдесят пять книг. За тысячу лет — триста шестьдесят пять тысяч книг, до половины миллиона не дотянешь.. — сказал Коля.

— Да, — вмешался начальник отделения, — и потом, у нас же тысячу лет никто не живет.

— Будут, — сказал Коля.

— Вот из-за этой тысячи лет мы к вам и попали, — заметил Дмитрий Дмитриевич.

— Я не жалею, — сказал начальник отделения, — все это неслышанно, но любопытно... Так что у вас, — обратился он к Человеку, — заменяет книгу?

— Вот это. — Человек вытащил из своих пугающе бездонных карманов плоский, похожий на удлиненную коробочку предмет и поставил его на стол.

Поверх коробочки у всех на глазах вырос студенистый, совсем прозрачный кубик. Внутри его переливались какие-то фигурки, треугольники и квадраты, переплетались змеиными хвостами какие-то значки, по-видимому, математические. Комок знаний неведомого мира дрожал внутри кубика и сверкал неожиданными сочетаниями цветов.

Начальник отделения нагнулся всматриваясь, и Коля и Дмитрий Дмитриевич также почувствовали, что не могут оторвать глаз от хаотической жизни внутри кубика.

— В нем, — Человек указал на кубик, — все, что мы знаем. Все, что знаю я. Все, что было написано, высечено, нарисовано до меня; потом сюда вошло все то, что было сделано уже на моей памяти.

— Здесь ничего нельзя разобрать, — сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Это не читается глазами.

— Что-нибудь вроде звукозаписи? — спросил начальник отделения.

— Нет. Звуковые книги у нас были. Но звуки нами воспринимаются слишком медленно.

— Да, я обращал внимание, — сказал начальник отделения. — Глазами читаешь быстрее. Но это.» — Он протянул руку к кубику, — Вы сказали, что это не читается глазами?

— А жаль, — заметил Дмитрий Дмитриевич, — жаль! Пропадают схемы, диаграммы...

— Здесь есть проекционная часть. Она легче, чем ваши проекционные фонари. Ужасно уродливые сооружения.

— А вы говорили, что вам интересно, — обиделся Коля.

— Интересно то, что ты показывал, а те то, чем ты показывал. Все может быть сделано и проще и, конечно, сложнее... Мне трудно, ваш язык недостаточно гибок.

Дмитрий Дмитриевич улыбнулся.

— Почему? Это понятно. Все новое требует новых открытий, новых законов, но затем приходит и простота. Я понял вас. Разве уход за керосиновой лампой или за древним светильником не требует больших навыков, большего внимания, чем использование электрической лампочки, в которой светится одна только нить? Но сколько нужно было сделать, чтобы открыть и законы тока и необходимость создания пустоты в баллоне, изучить свойства тугоплавких металлов и научиться сваривать металл со стеклом! Конечно, и вам пришлось пройти немало трудностей...

— Мы шли другими путями. На моей планете атомная энергия была доступней, чем у вас уголь. Это сказалось и на нашей истории.

— Доступней, чем уголь? — Начальник отделения недоверчиво взглянул на Человека. — Почему? Фу-у, черт, как во сне...

— Да, гораздо доступней, и все заключалось вот в этом растении...

Человек коснулся основания кубика. Все замерло, вглядываясь. В центре кубика появились широкие ветки какого-то растения, желтый цветок протянулся к Колиному лицу, а через секунду кабинета не

стало: широкая равнина, обрамленная горами, расстилалась вокруг, и всюду тянулись заросли таких же деревьев, как и те, чьи ветви нависли над столом.

Начальник отделения огляделся и протер глаза. — Всё в этих деревьях, — продолжал Человек. — Как видите, они не высокие, у вас, на Земле, есть и покрасивей и повыше... Но в них таилась загадка, которую мы смогли разгадать, сравнительно недавно... Верхняя кора моей планеты насыщена радиоактивными рудами. В их состав входили элементы, еще не открытые вами. Вы присвоите им номера от сто двадцать первого до сто двадцать пятого. Как ни странно, но они довольно устойчивы — во всяком случае, некоторые их изотопы — и обладают значительно. менее ярко выраженной радиоактивностью, чем актиний или радий. Может быть, и мы занялись бы их свойствами гораздо позже, если бы не эти заросли. То, что вы проделываете на Земле с урановыми рудами — стараетесь при помощи своих установок обогатить один изотоп урана за счет другого, ибо в этом, насколько я знаю, и состоит, смысл приготовления ядерного горючего, — у нас издавна происходило естественным путем. Соли радиоактивных элементов поднимались по стволам этих деревьев вместе с другими минеральными солями, но деревья оказались особенно чувствительными к различиям между изотопами. В этом сказалось и особое свойство очень тяжелых ядер, с которым вы еще столкнетесь на Земле... Вы, правда, уже знаете, что тяжелый водород гораздо более резко отличается от своего изотопа, обычного водорода, чем изотопы железа или кадмия. Чем ближе к концу системы элементов, тем менее резкими будут эти отличия, но все же они проявляют себя даже в химической активности. Так вот, в волокнах этих деревьев происходит отбор солей, и одни изотопы продвигаются -быстрее других; Радиоактивные элементы накапливаются в плодах; вот, видите, красные шары на деревьях. Наше ядерное горючее не нуждалось в заводах. Наши предки срывали эти плоды, сушили их при свете нашего Солнца и, сложив на полу пещеры, грелись возле них, пока безумец, имени которого не сохранил народ, не научился взрывать скалы золой от этих плодов... Но пусть картинки — -вы, кажется, их лучше понимаете — расскажут остальное.

Человек толкнул кубик пальцем, и красный луч про-» тянулся через всю комнату. Все -оглянулись туда, куда попал этот луч; неровный красноватый блик медленно округлился. Теперь это было солнце. Темно-красное, сильно сплюсненное, необычайно большое, повисло оно над горизонтом, а вместо потолка раскинулось нежно-зеленое небо. Горы, плавно меняя очертания, ушли куда-то вдаль, а вместо деревьев заволновалась степь. Какие-то тени заплясали вокруг, обретая объем и цвет; древние, причудливо изогнутые мечи на длинных рукоятках, почти земные копы с наконечниками, сияющими позолотой, высокие шлемы, многоугольные щиты... Вокруг шел бой. И перед глазами поплыли десятки лиц, искаженных ненавистью, болью, страданием. Но вот сменились костюмы, и на шлемах воинов появились хвосты каких-то животных. Вот промчалась конница, но не кони под всадниками, а молодые слоны, худые, подвижные, с тонкой золотистой кожей, под которой играли литые мышцы.

— Звук! — тихо сказал Дмитрий Дмитриевич. — Звук! Так наши мальчишки кричат.

— Это обрывки, куски... — медленно заговорил Человек. — Обрывки нашей истории... Вон, видите маленького человека верхом на слоне? На левой руке у него железная перчатка, и он мнет ухо слону...

Словно повинаясь желанию тех, кто сидел в комнате, слон повернулся к ним. Теперь всадник стал виден яснее. Он, что-то крича, не комкал — рвал потемневшее от крови треугольное ухо своего слона, и было видно, что человек это терпел и зол, рот его кривился под сбитым набок носом...

Вдали катилась армия. Люди бежали, держась за веревки, протянутые от слонов. Сочная трава, сбитая их телами, окутывала все сверкающими каплями сока и росы; в облаках брызг осколками цветных колес засияли радуги.

Теперь все, кто сидел в комнате, почувствовали, что и их захватило это движение и они тоже неслись вперед вместе со всей армией, туда, куда указывал маленький полководец...

Река преградила путь, и сразу же — здесь была вид. на уверенная рука вождя — в воду посыпались раздутые шкуры животных со скрюченными лапами, и облепленные воинами поплыли слоны, а на другом берегу по горло в воде стояли зеленоволосые люди. Они стояли ряд за рядом; над ними застыли копья тех, кто стоял на берегу. Загорелые, стройные, обнаженные до пояса, они ждали врага...

Бой начался перед берегом. Зеленоволосые ныряли в прозрачную воду и наносили удары слонам снизу. Закипели покрасневшие волны, но уже несколько слоновьих туш прибило к отмелям, а по ним, сметая все на своем пути, взбирались воины...

Человек провел рукой над кубиком, и прорвалась плотина звуков. Вой и рев озверевших воинов, стоны раненых слонов, свист копий, лязг металла наполнили все вокруг.

Все вперед и вперед шло войско, пока не остановилось перед крепостными стенами. Показались похожие на щит гигантской черепахи ворота крепости.

Во всю высоту комнаты выросло лицо рыжего полководца; негромко, но резко произнес он несколько слов, и побежали к крепости воины в меховых серебристых куртках. При темно-вишневом свете заходящего чужого солнца было видно, как они, цепко хватаясь за неровности кладки,

поднимаются вверх. Напряженно следил за ними рыжий полководец, будто ведя счет проникшим в крепость; его рука нервно ударяла по покатому черепу слона.

Появился осажденный город; заброшенная базарная площадь, усеянная обрывками разноцветного тряпья, ломтями каких-то изумрудных овощей. Забытый кем-то слоненок рвется на привязи, стараясь освободиться. Вот узкая расселина между домами. На корточках сидит уже знакомый нам воин, его блестящая меховая куртка снята и лежит рядом, а перед ним стоит чаша, напоминающая желтую скорлупу большого ореха. Синий огонек пляшет на ее дне. Откуда-то сверху спускается еще один воин;

из складок одежды он извлекает точно такую же чашу. Вот он наклоняется и ссыпает на дно лежащей на земле чаши горсть своего пламени. Потом появляется третий воин, четвертый, они проделывают то же самое. Теперь на дне чаши бушует пламя, освещая лица воинов трепещущим лиловым светом.

Дмитрий Дмитриевич встал из-за стола и подошел ближе к огню. Изображение одного из воинов закрыло его, и Дмитрий Дмитриевич пробормотал:

— Это не огонь, это холодное свечение.

— Смертники, — громко сказал Человек.

Но вот в расселину вбежал пятый воин, он тяжело дышал, за ним гнались зеленоволосые, вооруженные копьями. Воины встали, выпрямились во весь рост.

— Лица! Посмотрите! — закричал Коля.

Лица воинов в блестящих шкурах, тех, что принесли чаши с синим огнем, были страшны. Вначале они показались выкрашенными, татуированными, но уже через мгновение стали видны жуткие раны, рубцы, белые следы уже заживших язв.

Четверо воинов обхватили друг друга за плечи, шагнули вперед навстречу копьям, а тот, кто пришел последним, накрыл своей чашей синее пламя. И все вспыхнуло ослепительным светом. Звук не было слышно; было только такое ощущение, будто кто-то схватил за уши и медленно выкручивает, вырывает их.. Бело-синий свет перешел в желтый, затем — в малиновый и погас, а перед глазами открылись раскаленные развалины; только вдали виднелись остатки стен. И без конца лились войска, огибая разрушенный город.

Коля закрыл лицо руками.

— Да, — сказал начальник отделения, — где уж тут с копьём против атомной бомбы!

Человек усмехнулся и снова тронул кубик. Заросли высокой травы поднялись вокруг. Бесшумно ступая, пробираются зеленоволосые. Их трудно узнать, так как теперь волосы их коротко острижены и завязаны впереди двумя пучками-рожками. Они поднимаются на плоскогорье; теперь вокруг низкий кустарник, и зеленоволосые уже идут пригнувшись, затем ложатся. Они ползут, извиваясь всем телом, как огромные змеи...

— Мсть! — сказал Человек.

Он встал, хотел сказать еще что-то, но снова сел рядом с Колей.

Вверх, по руслу высохшей реки, ползут зеленоволосые. Какая-то темно-синяя трава растет по берегам, а берега все выше и выше; теперь это уже скалистые утесы. Еще немного — и впереди все белеет от рыхлого глубокого снега. Крупные снежинки слежались, они похожи скорее на белые лепестки каких-то цветов... Теперь зеленоволосые идут уверенней. За грядой гор видны столбы дыма.

С хребта открылся вид на широкую долину. Сотни костров пылают под черными котлами; тысячи людей рубят высушенные красные плоды сверкающими ножами, бросают крошево в котлы, где оно, чадая, сгорает. А недалеко ждет группа воинов с желтыми чашами. Позади нетерпеливо переминаются на утоптанном снегу продрогшие слоны.

Странные лица у работающих. Старые и молодые, но одинаково изможденные и озлобленные, с нелепо закрученными волосами... Спины их изрублены плетью. Вот один из надсмотрщиков обходит костры в сопровождении высокого худого воина. Рабы бросают в желтую чашу: крупинки светящейся массы из чанов. Воин брезгливо, с опаской отворачивается, держит чашу на вытянутых руках, как будто боится обжечься.

Но бросились вперед зеленоволосые, и забурлила долина. Кто-то перевернул котел, и он, прочертив извилистую линию на снегу, покати́лся к откосу и, гремя по камням, полетел вниз. Несколько прокопченных жилистых рук схватили надсмотрщика, вырвали у него из рук плетку и швырнули его в костер. Воины вскочили на слонов и врезались в толпу рабочих. Кто-то, погрузив в кипящий котел руки, захватил горсть синей жидкости и плеснул в глаза слону, и теперь ослепленный слон неся к обрыву вместе с воином, а рабочий, погрузив руки по плечи в сугроб, дико кричал от боли и счастья.

Все больше зеленоволосых рубится в долине, и воины охраны начинают отступать. Вот горящим факелом бежит по склону вырвавшийся из рук рабочих надсмотрщик. За ним бросаются вдогонку, но слишком силен страх, и расстояние между ним и преследователями все увеличивается. А там, вдали, на красном как кровь утесе, дрожат в желтых скорлупках синие огоньки, все то, что было сделано раньше и хранилось для армии.

Руки надсмотрщика стремительно протянулись к чашам, торопливо соединили их вместе, прибавили еще горсть и еще — и вновь взрыв!.. На вершине горы вырос желтый гриб... Сумрачное лицо рыжего полководца заслонило все. Потом появились его жилистые руки с короткими пальцами, он сжал их в кулаке, будто хотел удержать власть, славу, победу. Его взгляд был, растерян, глаза бессмысленны.

Взрывы и вопли, кровь и напряженные в последней схватке руки сменил мир. Тишина... Море, сверкающее в закатных лучах зеленым и синим огнем, застыло вокруг. Шумели высокие деревья у берега, и множество людей бродило между ними, шестами сбивая красные плоды. Мир царил кругом, и на берегу моря, медленно перебирая струны искалеченными пальцами, сидел человек с зеленовато-седой шапкой волос; рыжий мальчонка, раскрыв рот, слушал певца, а певец то пел, то говорил — то грозное и тревожное, то веселое и удалое, и, казалось, смотрел куда-то вдаль невидящими глазами.

Человек прикоснулся к кубику, и как бы нехотя растворились очертания моря и береговых скал, уступив место нехитрой обстановке кабинета начальника милиции.

ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Некоторое время в кабинете было тихо: все сидели неподвижно и молчали.

— Ладно, — сказал начальник отделения и подошел к сейфу. Он достал бланк временного удостоверения; с минуту поколебался. — Ладно... Сейчас заполним этот бланк, фотокарточку кто-нибудь из вас принесет завтра. Принесите, пожалуйста, вы. (Дмитрий Дмитриевич кивнул.) Кстати, мне нужно будет с вами поговорить. Удостоверение будет действительно на один месяц.

Начальник отделения аккуратно обмакнул перо в высокую бутылочку с черными чернилами, посмотрел на Человека и спросил:

— Фамилия? Ваша фамилия, имя, отчество? .

— У меня нет имени, — ответил Человек.

— Мы называем его «Человек», — быстро сказал Коля, — и он откликается.

— Так и запишем, — начальник отделения четко написал на бланке: «Человек». — Когда вы родились? Человек ответил уверенно:

— Это невозможно определить.

— А мы попробуем. Если вы укажете год своего рождения, то мы прибавим время, которое вы летели к нам, и получим ваш возраст.

— У нас совсем другой принцип летосчисления. Наиболее современная система считает периоды времени с того дня, когда мы изменили наклон оси вращения своей планеты. Меня изгнали через...

— Вас изгнали? — быстро спросил Дмитрий Дмитриевич.

— Изгнали, послали в полет... к вам. Ваша речь имеет слишком много оттенков.

Начальник отделения хмыкнул.

— Ну хорошо. Так в каком году произошло это ваше... то есть когда вы вылетели?

— Мне лучше написать. — Человек взял карандаш и написал на обложке желтой брошюры: «27 857». Он выписывал цифру за цифрой не торопясь, что-то обдумывая. — У нас в основе лежит не десять, а ваше шестьдесят, мне пришлось переводить... Но в нашем году пятьсот шестьдесят один день... Кроме того, у нас иной ход времени...

— А летели вы сколько времени?

— Не знаю... Вначале я видел только Юпитер, потом появился Сатурн. Сравнительно недавно, за восемь тысяч оборотов вашей Земли вокруг Солнца, я смог рассмотреть Плутон. Потом стали приходить первые картины с поверхности Земли. И я был так увлечен, что перестал считать ее обороты вокруг Солнца. Теперь я знаю значение многих вещей, но тогда все было загадкой. Вместе с вашими воинами я учился драться, вместе с вашими женщинами — печь хлеб...

Человек говорил громко, взволнованно. Начальник отделения отложил перо. Дмитрий Дмитриевич и Коля затаив дыхание жадно слушали, стараясь не пропустить ни одного слова.

— Я хорошо помню, с чего все началось... Я увидел поле, пустынное, выжженное лучами вашего светила. Высокие, стройные люди в желтых доспехах гнали перед собой толпу. Лица воинов ничего не выражали, кроме усталости, и с тем большим интересом всматривался я в лица пленников. Они шли по выложенной каменными плитами дороге. Ветер пригибал к земле низкий кустарник. Я хорошо видел всё — день в этом месте вашей планеты только подходил к концу. Мне было... у меня было, как вы любите говорить, дурное настроение. Я летел уже тысячи лет, считая даже моими годами, а вокруг только звезды... До этого ко мне приходили то картины бескрайнего леса, то тихие озера с играющими на поверхности белокожими рыбами, то волк, прижатый к земле несколькими копьями... Но эта группа людей на дороге вывела меня из оцепенения, и с этого момента я смотрел уже не отрываясь, смотрел до боли в глазах.

Вдоль дороги стояли высокие столбы с прибитыми к ним под прямым углом досками. Воины хватали пленников одного за другим и, подтянув веревкой к перекладине, вбивали черные от крови гвозди в ступни ног, а потом... В общем, это было почти знакомым... Потом длинная тень протянулась через дорогу — это шел человек. Из ран его — а их было много — сочилась кровь. Он подошел к одному из столбов и, обхватив его руками, что-то говорил казненному товарищу, и светлый меч дрожал в его руке...

А спустя два оборота вашей планеты я увидел городи толпы голодных, полуодетых людей, встречающих криками радости какого-то важного полководца. Множество воинов окружало его. И сотни связанных людей шли за его свитой, и каждый из городской толпы старался попасть камнем в такого же

оборванного, как и он сам, пленника или ударить его... Да, вы были очень похожи на нас. Много я видел картин, но эти, первые, не могу забыть...

— Забыть? — прошептал Коля. — Но ведь вы ничего не забываете!

— Я могу забыть, но вспомнить могу все, все, что видели эти глаза. — Человек прикоснулся руками к своим глазам.

— Это была расправа с каким-то восстанием рабов... — задумчиво проговорил Дмитрий Дмитриевич. — Может быть, рабов Спартака...

— Я тоже подумал об этом, — сказал начальник милиции. — Но что же было дальше?

— Я видел, как на ваших площадях зажигались костры и как всходили на них люди, еще живые люди, с лицами, то искаженными страхом или безумием, то застывшими, покорными, безразличными. Другие, одетые в черное, подбрасывали ветки в костер и деловито подносили к губам сжигаемых металлические кресты...

Потом я видел человека, привезенного в клетке — Его вывели на квадратный деревянный помост, и он что-то кричал в притихшую толпу. И видел палача, который через минуту показывал его мертвую голову... Короткие, отрывистые видения сменялись непрерывными картинами: я подлетел к Земле. Теперь я мог видеть и то, что творилось у вас ночью, а ночами ваша Земля пылала в сотнях мест. В свете огней сверкали вилы, косы, сабли...

А войны! Костры солдатских лагерей, засады в зеленых рощах и кони, топчущие поля, и вот — совсем недавно — развалины на месте городов, стада стальных машин, мчащихся по обугленной земле, занесенные снегом окоченевшие трупы вокруг какого-то разбитого здания. А когда засверкали взрывы атомных бомб, я понял, что вы на пороге открытий, которые уже перевернули жизнь на моей планете, сделали ее такой могучей и такой сложной, я ронял, что вы догоняете нас, и я решил спешить, иначе... иначе я вам уже не был бы нужен. Мое место здесь, с вами. Я ушел от своих, от своего мира, и принес вам знание, которого у вас еще нет...

Человек замолчал. Начальник отделения тщательно вписал в графу «Год рождения» большое латинское «2» и поднял голову.

— Простите, еще один вопрос, — сказал он. — Но мыто что вам дадим? Что ищете вы у нас? — Дом... — ответил Человек.

РЕНТГЕНОВСКАЯ ПЛЕНКА

Когда Коля, Дмитрий Дмитриевич и Человек вышли из отделения милиции, уже совсем стемнело. Асфальт был мокрым после дождя.

Впереди шел какой-то человек с ружьем за плечами. Все с любопытством оборачивались и оглядывались, а когда Коля поравнялся и также с любопытством взглянул на ружье и патронташ, человек этот издал радостное восклицание:

— Вот это да! Вот так встреча!

— Это же Серафим Яковлевич! — обрадованно закричал Коля. — Ну как вы не помните? Он с Человеком в одной палате лежал.

— Узнаю, — сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Ко мне, сейчас же ко мне! — решительно заговорил Серафим Яковлевич. — Я ведь тоже неподалеку живу. Это дело отметить нужно, а как же — с выздоровлением! И охотник как раз сегодня обещал зайти попрощаться. Охотника-то помнишь, а, человечина? — Серафим Яковлевич хлопнул Человека по плечу.

Ярко вспыхнули уличные фонари.

— А Борис Федорович ругался, ужас как ругался, — продолжал Серафим Яковлевич. — Больного прямо из-под носа утащили!

— Борис Федорович меня ругал? — Дмитрий Дмитриевич остановился. — Как я раньше не подумал, это ужасно! Нужно к нему немедленно сходить...

— Идемте, идемте, — сказал Серафим Яковлевич. — Подумаешь, дело великое! Да он потом и вовсе успокоился. Я один раз ему напомнил, так он как закричит: «Не напоминай мне про дурацкие фокусы Дмитрия Дмитриевича!» Я и стал помалкивать.

— Как неприятно! — сказал Дмитрий Дмитриевич. — Нужно позвонить... нет, зайти, только самому зайти и все объяснить. Коля, приведешь Человека ко мне, я уже, наверное, буду дома...

Всю дорогу Дмитрий Дмитриевич мысленно оправдывался перед Борисом Федоровичем. ^

— Борис Федорович сейчас на операции, его срочно вызвали, — сказала сестра.

— Когда он освободится, вы передайте ему, что его ждет Михантьев. По вопросу о Человеке.

— Хорошо. Подождите здесь. Как только окончится операция, я ему скажу.

Минут через двадцать появился Борис Федорович.

— А, крокодилище! Здорово, здорово! — раздался его бодрый голос. — Я уже все знаю, все знаю...

Они прошли под невысоким сводчатым потолком к выкрашенной белой краской скамейке, стоявшей у открытого окна.

— Знаете, Борис Федорович, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — я зашел извиниться...

— А, пустяки! Да я все знаю. Эх, голова горячая, да разве так дело делается?! Нужно быть тактиком, Дмитрий Дмитриевич... Тактиком! Никогда не нужно просить слишком много сразу и уж, во всяком случае, не обещать! Хотя последнее не так уж страшно.

— О чем вы? — удивился Дмитрий Дмитриевич. — Ну как же, слухом земля полнится. А ты здорово подшутил! Говорят, ваш Пшеничный из любой идеи отбивную котлету делал. Вот что, Дмитрий Дмитриевич, переходи ко мне, мы с тобой таких дел наделаем!

— Но ведь я физик!

— Голубчик, у меня комплексные исследования... У- меня уже есть биохимик, он, правда, по образованию врач, но специализировался на биохимических анализах, есть инженер-конструктор, мы с ним кое-что по инструментарию делаем. Да я немедленно организую биофизическую лабораторию, немедленно! Иди ко мне, Дмитрий Дмитриевич, да мы с тобой... Но раньше времени ни-ни... Дипломат из тебя никакой!..

— Дипломат?

— Ну разве можно говорить о бессмертии? Пятьдесят, сто лет сверх средней нормы...

— А если пятьсот? — едва приметно улыбнулся Дмитрий Дмитриевич. — Не сто, а пятьсот лет сверх средней нормы...

— Ну нельзя же быть ребенком, Дмитрий Дмитриевич! Разве это ваше бессмертие — не прием, не шутка? Вы что-то нашли в отношении борьбы со старостью, что-то нашли и решили взять быка за рога... Но не отбивайте хлеб у религии, оставьте ей эти «вечные» вопросы.

— Что ж, тем хуже для религии, да ей и не привыкать. Наука давно растворила бога-творца в своих пробирках, дотла сожгла его в огне электрической дуги, а человек только выиграл.

Борис Федорович задумался. Было видно, что он все-таки утомлен операцией. С наслаждением вдыхая влажный, прохладный воздух, пахнувший из открытого окна, он заговорил спокойно и задумчиво:

— Я ведь сам иногда размышляю, Дмитрий Дмитриевич... Медик ведь атеист по самой сущности своей профессии. Вырвать у костлявой жизнь человека, вмешаться в его судьбу, сказать: «Будешь жить!» — тогда, когда еще так недавно был бессилен что-либо сделать, — это все несовместимо с религией... Но иногда появляется что-то напоминающее... Трудно подыскать слово... Напоминающее какую-то веру, но научную. Вы понимаете, что я хочу сказать? Иной раз задумываешься над каким-то явлением, казалось бы, лишним, ненужным, а на деле потом, иногда через десятки лет, после новых исследований и открытий все проясняется... Так вот, оказывается, для чего природа снабдила человеческий организм, казалось бы, совсем ненужной группой клеток, так вот зачем человеку тот или иной механизм, та или иная реакция!.. Это не мистика, но нет-нет да и придет в голову, до чего же все целесообразно устроено... Ведь должна же быть какая-то вера, черт возьми!

— Так, значит, имеют смысл и свое назначение и смерть, и войны, и голод, и...

— Что вы, что вы! Все в одну кучу валите!

— А как же иначе? Если все является необходимым, предопределенным, записанным в какую-то книгу судеб, то смиришься, гордый человек?! Да? Я вас разочарую: книги судеб нет!

— Вы так разгорячились, Дмитрий Дмитриевич, что я подозреваю наличие веры во что-то у вас самого, и веры фанатичной...

— У меня не вера, у меня уверенность...

— Уверенность?

— Уверенность в том, что природа не знает ни своих сил, ни сил человечества, уверенность в том, что любой вопрос, который волнует человечество, будет решен, и за ним придут сотни новых задач и вопросов и они также будут обязательно решены.

— Простите, Дмитрий Дмитриевич, но в это верит любой пионер. Да, да... Мой сын, во всяком случае.

— А это уже победа, Борис Федорович, и как бы было хорошо нынешним пионерам пронести эту уверенность через всю жизнь! Мы сами строим ежечасно, ежесекундно судьбу человечества, судьбу Вселенной... И когда я столкнулся с Человеком, поверил...

— С человеком?

— Да, я забыл перед вами извиниться... Тот больной, который был у вас, вы, конечно, имели из-за него, кучу неприятностей...

— Больной! — В голосе Бориса Федоровича зазвучали непонятные нотки. — Я не хочу об этом говорить. Я врач, медик; мой удел — живое. Будем говорить о живом.

— О живом?

— Ах вот как? Вы еще и прикидываетесь?

— Прикидываюсь?! Объяснитесь! Человек принес нам бессмертие...

— Бессмертие? — Борис Федорович рассмеялся. — Полно, Дмитрий Дмитриевич, не валяйте дурака! Бессмертие! Ваш Человек, конечно, бессмертен. Бессмертен, как камень!

— Камень?!

Борис Федорович пожал плечами и ушел, а Дмитрий Дмитриевич все еще растерянно стоял в коридоре. Какое-то чувство подсказывало ему, что в словах Бориса Федоровича была глубокая, пока

скрытая от него правда. Чьи-то шаги раздались в коридоре. К Дмитрию Дмитриевичу подошел человек в белом халате.

— Я рентгенолог, — сказал он. — Здравствуйте, меня прислал Борис Федорович... Вы, кажется, физик? Вот, не угодно ли рентгенограмму. — Григорий Матвеевич вынул из конверта темный прямоугольник пленки. — Ничего не понимаю, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — Разве вы не в курсе дела? — Я сказал Борису Федоровичу, что Человек... — Ах, Человек!.. Понимаете ли, Борис Федорович навел у него целый ряд отклонений от нормы... Какая-то игра природы, так нам всем вначале показалось... Стоял вопрос лишь о том, чем вызваны подобные изменения. Какое-либо заболевание, или мы имеем дело с прирожденными аномалиями. Мы попытались сделать снимок. Два раза подносили к трубке, но, едва больной — ваш Человек, как вы его называете, — приближался, начинался разряд, будто в результате сильной ионизации. Мы вначале думали, что осталась поверхностная проводимость на цилиндре трубки. Протерли спиртом — опять та же картина... Кассету я ему подложил под голову, но могу гарантировать, что под лучом она не была ни секунды, потому что трубка не держала и тридцати киловольт. Про кассету я забыл, совсем забыл, но мой лаборант, человек очень внимательный, проявил и ту пленку, что была под его головой. Вот эта пленка, вы ее держите.

Они прошли в рентгеновский кабинет, и Дмитрий Дмитриевич, наложив пленку на ярко освещенное матовое стекло, взял из рук рентгенолога лупу.

— Смотрите, смотрите, вы физик и сразу все поймете. Я, вообще говоря, думал, что вам все известно, а Борис Федорович и сейчас так думает. «Подшутил надо мной Дмитрий Дмитриевич, говорит, а я еще консилиумы устраивал...»

Дмитрий Дмитриевич всмотрелся в поверхность пленки. В трех ее местах были крупные черные звезды с бледными пятнами посередине, а между ними — сеть тонких темных линий с какими-то шарообразными узелками... Через лупу было видно, что от каждого такого узелка отходят всё новые и новые, еще более тонкие нити.

— Фотография в его собственном излучении, — сказал Дмитрий Дмитриевич.

— И излучении, обладающем большой проникающей способностью, что-нибудь вроде гамма-лучей.

— Вот почему он вызывал ионизацию вокруг рентгеновской трубки... Но позвольте! — вскричал Дмитрий Дмитриевич. — Ведь это радиомонтаж!..

— Теперь вам понятна реакция Бориса Федоровича? Он лечит, ищет, волнуется, беспокоит очень занятых людей, а это нечеловек, это НЕ ЧЕЛОВЕК...

— Я не знал... Так это нечеловек!!! — Дмитрий Дмитриевич выбежал из кабинета, побежал через вестибюль. — Все ложь! — повторял он. — Нет бессмертия, и нет Человека! Есть кукла, манекен, робот!!!

АНТИХРИСТ СЕРАФИМА ЯКОВЛЕВИЧА

— Ну и ругался же, Борис Федорович, — говорил Серафим Яковлевич, — ну и ругался же... Одно, говорит, спасение, что ни имени, ни фамилии, ни самой болезни у них не значится... Ну и задаст же он Дмитрию Дмитриевичу...

Чем ближе они подходили к дому, тем больше отставал Коля от Человека и Серафима Яковлевича. Еще с тех пор, когда Человек был в клинике, Коля не виделся с Леной, и сейчас он и хотел и боялся встречи.

— Пришли, — сказал Серафим Яковлевич. — Вот он, мой дом.

Две большие сосны росли у калитки, сам дом был в глубине участка. Серафим Яковлевич перекинул, через забор руку, сдернул щеколду и, не открывая калитки, громко крикнул:

— Лена! Леночка! Как Ласточка, привязана? — Странное имя для собаки, — сказал Коля. — Ласточка...

— Собака... — усмехнулся Серафим Яковлевич. — Это у меня не собака, а универсальная тварь... Лена, как Ласточка? — снова закричал он.

— Ласточка привязана, — донесся голос Лены. — Иди, бойся!

— Гости, гости какие у нас, Леночка! — говорил Серафим Яковлевич, осторожно пробираясь по посыпанной золой дорожке. — Да ты привязала ее, Леночка? На террасе зажегся свет, и Коля с замирающим сердцем поднялся по ступенькам и, протягивая руку, сказал:

— Здравствуй, Лена. Ты меня не забыла?

— Что ты? Как я могла забыть светило науки?!

— Ленка, перестань, — строго сказал Серафим Яковлевич. Он явно осмелел, когда очутился на террасе. — Чаю давай нам, готовь нам чай...

— Сейчас, — ответила Лена и ушла на кухню. Коля увязался за ней. Лена достала стаканы,, включила электрический чайник, а Коля все еще не решался заговорить.

— Помой руки и нарежь хлеб, — сказала Лена. Коля покорно пошел к умывальнику.

— Понимаешь, Лена, мне осталась одна «пятерка»... Я, понимаешь, сдаю экзамены в самый интересный институт. Я буду физиком, теперь я совершенно уверен в этом. Остался последний экзамен — физика, а по физике я никогда меньше «пяти» не имел. И все!

— Не брызгайся, вот возьми полотенце... Хлеб в кастрюле...

— Лена! Ты знаешь?.. У нас в классе было восемнадцать девочек, а в соседнем еще больше...

— Ровней, ровней режь хлеб. И что же?

— Из них никто, ни одна так не нравилась, как ты... — Ты мне тоже очень нравишься, Коля.

— Лена!

— Что, Коля?

Коля проглотил комочек в горле, зажмурился и сказал:

— Лена, я... я тебя люблю...

— Я тоже очень тебя люблю... Вот ключ, открой, пожалуйста, банку.

Коля озадаченно посмотрел на нее:

— Лена?!

— Да, да, я тебя тоже очень люблю...

— Так нам нужно пожениться!

— Ну конечно, а как же иначе...

— Ты смеешься надо мной!

— Совершенно не смеюсь. — Лена вручила Коле поднос и, подперев щеку рукой, грустно сказала: — Я ведь тоже много думала... И кто меня замуж возьмет, кому я нужна? Может, иной раз думаю, найдется какой-нибудь дурачок, а тут, гляди, физик!..

— Лена!!!

— Иди, иди вперед. Смотри-ка, уже покрикивает.

— Ты мне не веришь?

— Ты сам себе не веришь. Разве может такой солидный человек, специалист... Осторожней — поднос! — Лена быстро подхватила поднос и отобрала его у Коли.

— Тогда вот что, пойдем в кино, — предложил Коля.

— Хоть на край света! Но в кино... не знаю... поздно уже...

Они вышли на террасу. По всему было видно, что летом жизнь дома переносилась сюда. Сюда был вынесен обеденный стол, здесь же в углу стояли сложенные раскладушки. Серафима Яковлевича не было.

— Входи, входи, уважаемый, — донесся из сада его голос.

По ступеням террасы поднялся мужчина со страшными шрамами на лице. За ним поднимался Серафим Яковлевич.

— Вот он, охотничек-то, — говорил он, словно хвастаясь. — Вот все и собрались. — вся палата, и все живы и здоровы.

Охотник поправил своей единственной рукой пиджак, сползавший с правого плеча, и молча сел за стол. Серафим Яковлевич повозился у шкафчика красного дерева, покряхтел, поставил на стол графин с какой-то зеленоватой жидкостью.

— А мне этого нельзя, — сказал Коля, показывая на графин. — У меня завтра экзамен...

— Одна рюмочка не помешает, смелей будешь... Да, дорогие мои гости, унесли мы, можно сказать, ноги. С выздоровлением!

Все выпили. Охотник — с наслаждением, смакуя; Коля — с гримасой отвращения; Человек, как и обычно за столом, попросту плеснул в рот содержимое рюмки и с какой-то недоброй усмешкой посмотрел на жадно закусывающего Серафима Яковлевича.

— Позвольте за вами поухаживать, — сказала Лена и положила Коле на тарелку кусок холода.

— Вот, пожалуйста, — заговорил Серафим Яковлевич, вытирая рот бумажной салфеткой, — пожалуйста. Девушка за парнем ухаживает. Да когда это было такое?! В наше время вокруг иной барышни хвост кавалеров был. По шесть, семь лет за ней ухаживали, да все тонко, обходительно так, а теперь? Раз — в кино, два — в загс, и, глядишь, — семья! «Обеспечьте нас, пожалуйста, площадью, мы семья»... Да что говорить, давайте еще по одной...

— Мне не нужно наливать, — быстро сказал Коля, прикрывая рюмку рукой.

— Неволить не буду, — ответил Серафим Яковлевич, чокаясь с охотником и Человеком.

— Чтоб была не последней, — глуховато и не совсем разборчиво сказал охотник.

— Последняя, не последняя, а конец близок, как ни взгляни. Раньше как? Бог видит, бог все видит, от него не спрячешься! А сейчас? Ничего не бояться... Вот, к примеру, ты, Коля. Ты чего-нибудь боишься?

— Я? — удивился Коля. — А чего мне бояться?

— А бога?

— Я в него не верю...

— Так, а милицию ты боишься?

— Нет, совсем нет, а что?

— погоди — Бога не боишься, милицию тоже не боишься; так тебе море по колено: что левая пята захочет, то и будешь делать?! Понравилась тебе вещь какая, что тебя остановит? Или убить кого захочешь...

— Я милицию не боюсь, потому что я делать ничего такого не собираюсь. Ни воровать, ни убивать. И пример ваш неудачный. Ради вещи? Да нет такой вещи, ради которой я на воровство пошел бы.

— Как так? Ну, если там золото или камни драгоценные, мануфактура какая... Ну, раньше тот, кто в бога не верит, — возьмет, а тот, в котором страхбожий имеется, — не возьмет.

— А я не возьму. Нет, Серафим Яковлевич, не возьму. Ну скажите, зачем' мне это золото? Другое дело, если оно ничейное, так его нужно государству отдать, оно на него завод построит, или школу, или институт. Да и раньше страх этот ваш божий побеждали. И грабили, и убивали, и все было,

— Ты это брось, это неправда!

— Да, неправда, а Ленский расстрел? А Девятое января? Сколько там царь народу убил? Что же он был, неверующий? Да сколько других кровопийц было... Легко что-то и часто страх божий забывался... Да весь наш класс возьмите — никому ваше золото не нужно! Мануфактура...

— Дед, — вмешалась Лена. — Тебя послушать, так религия все на свете изобрела. И любовь, и верность, и честность...

— Правильно, правильно! — обрадовался Коля. — . Так и выходит.

— Страшные вещи вы говорите, страшные. И будет, будет за это наказание... Придет на землю Антихрист;

близко время — не за горами...

— Дед, постой, это же глупости, как же ты веришь?

— Верю я, верю! Да когда же это было, чтоб чужой удаче радовались? Чтобы чужому помогали? Сами не везде концы с концами сводим, а где у кого заболит, там мы со своей кашей: нате, возьмите, не жалко... Наводнение, голод, мор, пожар — всюду мы тут как тут...

— Вот вам и справедливость, а я тут слушал вас, — сказал Коля. — Только себе, да за пазуху...

— Кто такой Антихрист? — спросил Человек.

— Антихрист? Трудно сказать... Человек он, это доподлинно известно, и будет чудеса творить, в общем, к концу света он и появится. Бог его за грехи наши на нас пошлет, и никто ничего с ним сделать не сможет. Еще по рюмочке, мужички, давайте. Так ты, значит, охотничек, к своим возвращаешься? И чем же заниматься надумал?

Охотник молча положил к себе на колени ружье, с которым пришел Серафим Яковлевич, и, упиравсь в ствол локтем, а в приклад культей, спрятанной в рукаве пиджака, переломил его.

— Дай патрон, — сказал он.

Лена вытащила из патронташа новенький с блестящей шляпкой патрон и протянула его охотнику. Тот тщательно вогнал его в ствол.

— Пойдем, посмотришь, — усмехнулся он. Они вошли во двор. Прозвенел трамвай, осветив две высокие сосны возле калитки. За трамвайной линией домов не было. Сонная ворона сидела на сосне; она была хорошо видна на фоне освещенного городом неба. Охотник вскинул левую руку с ружьем и выстрелил. Ворона, роняя перья, рухнула вниз.

— Вот так будешь стрелять, тебе внучка спасибо скажет, много дичи набьешь, — сказал охотник.

— Ах, чтоб тебя разорвало! — Серафим Яковлевич, смеясь, толкнул охотника в грудь. — Так вот для чего ты табуретку левой рукой по часу на весу держал! Так знаешь что? Так я тебе это самое ружьишко... подарю, вот что! Бери, вчера только купил.

Охотник прижал ружье к груди, поклонился.

— Спасибо... большое спасибо. Помнить буду. Однако не возьму, на зверя не подойдет... Спасибо.

— Ладно, ладно — Серафим Яковлевич махнул рукой. — Владей!

Лена засмеялась:

— Правильно, дед. Какой уж из тебя охотник... С коровой справиться не можешь!

— С Ласточкой? — спросил Коля.

— Свирепая корова, — оправдываясь, сказал Серафим Яковлевич. — Поверишь, как теленка у нее отняли, никого близко к себе не подпускает. Чисто собака цепная. Только Ленку и слушается...

— Вот вышел дед раз во двор... — Лена вздохнула. — А она и разыгралась...

— Хватит! — Серафим Яковлевич стукнул кулаком по столу. — Ступай чай неси, балаболка! Корова, правда, что надо. Вот так я и в больницу попал.

Они вновь сели за стол. Лена принесла кипящий чайник.

— Поживем и с Ласточкой, — сказал Серафим Яковлевич. — Все равно конец света близок.

— Не будет, никогда не будет конца света, — замотал головой Коля. — Да и как это — конец?

— Ну, все провалимся в тартарары — подпол, значит, — объяснил Серафим Яковлевич.

— Опять заводишь, дед? — сказала Лена.

— Да, всему конец, сгорим или вот солнце погаснет!

— А мы новое солнце зажжем, — сказал Коля, — новое.

— Это ты оставь, а то у меня терпению тоже конец подойдет.

— Почему? Те реакции, которые идут на Солнце, — . термоядерные реакции...

— «Реакции, реакции, реакции»!.. Тьфу! Возомнили! Вот в этом все дело! Возомнили себя в силе бога! Летаете там — летайте, я сам вот телевизор под икону поставил, на самом святом месте. Стрелы огненные освоили — ладно! Но что богово — то богово! Я до сих пор помалкивал, а теперь взбунтуюсь!

— А ведь бог, терпенья просит, — тихо сказала Лена.

— Смеетесь над стариком, смеетесь! Ишь, солнце зажигать! Бог создал Землю и Солнце, Луну и

звезды, бог один, он же в судный день все и погасит.

— Конца света не будет, я в этом давно разобрался, — сказал Коля. — Мы умрем, наши дети будут жить...

— Коля! — удивленно сказал Человек. — Ты что, забыл?

— Ах да, правда, я сам-то не умру, да это к делу не относится.

— Не умрешь? — Серафим Яковлевич опешил. — Да как же так?

— Меня Человек ради науки сделал бессмертным.

— Уважаемый! А я как же? — обратился Серафим Яковлевич к Человеку. — Ты и меня бы по дружбе, а?

— Так конец света все равно идет. Зачем вам? — спросил Коля.

— Замолчи ты, Антихрист! — с сердцем сказал Серафим Яковлевич. — Антихрист... — повторил он, внимательно посмотрев на Человека. — Антихрист...

— Антихрист... — твердо повторил Человек, положив руку на чайник с кипятком.

— Спаси и помилуй! — закричал Серафим Яковлевич и упал перед ним на колени.

— Дед, перестань кривляться! — сердито сказала Лена.

Человек посмотрел на нее долгим, пристальным взглядом.

ЭЛЕКТРОНЫ ИЛИ КРОВЬ?

Дмитрий Дмитриевич, перепрыгивая через ступеньки, поднялся на третий этаж, прислушался: в квартире было тихо — ни Коля, ни Человек еще не вернулись. Он отпер дверь и прошел в кабинет.

«Может быть, в его мире природа пошла не по тому пути, что у нас? — думал он. — В конце концов, то, что делает техника, очень близко и по задачам и по выполнению к тому, что создает природа... Но тогда, несомненно, и формы были бы другими. Почему он так похож на человека? Руки, голова, рот — зачем ему они? У нас — обезьяноподобные предки... Спокойней, спокойней... Следовательно, это настоящая кукла, механическая кукла, сделанная человеком, людьми какими-то, где-то... Кукла, получившая возможность мыслить, говорить, действовать... Мыслить! Головой, где нет и на чайную ложку мозга! И для чего? Для чего человек? Кому он нужен? Почему ему придана форма человека? Именно человека, а не кошки, собаки или попугая? Для чего? Вот, вот, для того, чтобы мы все принимали этот манекен за человека, принимали его за равного. А он весь, от головы до ног, — обман, один обман!.. Нужно посоветоваться, обязательно посоветоваться... Но с кем? Может быть, с Аркадием поговорить? В конце концов, не укажи он мне, куда упал метеорит, я не встретился бы с Колей и ничего не узнал бы... А давно я его не видел... Он первый из нашего выпуска стал доктором наук... Еще бы, Аркадий — человек железной логики...»

Дмитрий Дмитриевич набрал номер, чей-то женский голос спросил:

— Вам кого?

«Жена», — подумал Дмитрий Дмитриевич.

— Мне Аркадия, — сказал он.

— Аркадия Владимировича? — переспросил женский голос.

— Да, Владимировича.

Дмитрий Дмитриевич услышал: «Аркадий, тебя кто-то спрашивает».

— Слушаю вас, — раздался голос Аркадия. (По голосу чувствовалось, что он что-то жует.)

— Это я, Дмитрий Михантьев.

— А-а! Димка! Здоров, здоров! Слушай, чего ты ко мне не заходишь? Да, как тебе помогли тогда мои результаты? Мне, вообще говоря, чуть не влетело из-за тебя. Я, понимаешь ли, думал, что по тем данным, которые ты мне тогда сообщил, будет очень легко рассчитать место падения. Пришел на работу пораньше и вместо контроля пустил нашу машину с твоими данными. Смотрю через час ответ, координаты и скорость. Прикинул по карте. Везет, думаю, Димке, совсем близко возле Москвы упал. А как глянул на скорость — что, думаю, за чертовщина, скорость-то необыкновенная: сто двадцать километров в секунду! Ну, пусть уж пятьдесят километров, а то больше ста... Тогда, уже в рабочее время, я еще раз запустил машину на тех же данных, и опять то же самое. Ты что-нибудь нашел? Скорее всего, метеорит на такой скорости сгорел в полете.

— И нашел и не нашел... Спасибо тебе, но мне опять нужна твоя помощь.

— К сожалению, придется подождать. Та машина;

на которой я вел для тебя расчет, сейчас уже сдана, запакована и отослана на Урал. Вот через несколько дней будет пробный запуск второй машины, она будет описана в докладах Академии наук. Мы назвали ее «Копье». Красавица машина, устройство памяти пьезоэлектрическое, а не магнитное, и целый ряд цепей выполнен с применением полупроводников. Электронные лампочки выбрасываем понемногу...

— Что-то медленно у вас дело идет. Ну ладно... Скажи, Аркадий, на много уменьшаются габариты счетной машины после замены радиоламп на полупроводниковые устройства?

— Раз в пять-шесть. Это уже сейчас. Есть некоторые перспективы уменьшить еще значительно. Можно представить полупроводниковый элемент, выращенный химическим путем и имеющий размеры не с горошинку или с боб, а с булавочную головку, причем ожидается, что свойства таких элементов

будут очень стандартны.

— Это усложнит монтажные работы. Ведь трудно будет соединять такие маленькие детали.

— Нет-нет, Дмитрий. Контроль за сборкой тоже можно передать машине с электронносчетным устройством. В принципе мы можем передать машине любую человеческую функцию по управлению процессом, если, конечно, выработана программа действий, если можно разработать инструкцию того, что должна делать машина. А процесс сборки — сравнительно простая операция, так как любая электрическая цепь может быть представлена в виде чередующихся последовательных и параллельных сопротивлений, конденсаторов, полупроводниковых элементов; могут быть указаны режимы работы, законы изменения токов и напряжений. Все реально... Слушай, Димка, ты чем-то взволнован?

— Я тебя, кажется, оторвал от еды?

— А, пустяк, пустяк, для тебя я всегда готов. И потом, я уже все проглотил. Так у тебя что-нибудь серьезное? С диссертацией? Я ведь после защиты тебя и не видел, все по телефону и по телефону.

— Не в диссертации дело. Ты послушай, Аркадий-Вопрос очень тонкий... Скажи мне, можно ли создать механизм, полностью подобный мыслящему существу?

— Хм... Такой вопрос я не один раз слышал, мне ведь иногда приходится читать популярные лекции. Это детства, Димка. У тебя всегда, не обижайся на меня, был этаким уклончик... в инфантилизм, что ли...

— Погоди, Аркадий... Для меня этот вопрос очень важен.

— Ну, для тебя все важно. Ты всегда увлекался такими вещами, которыми можно увлекаться только в студенческие годы. Это уж, видно, такой склад ума.

— Аркадий, пойми...

— Ну ладно, не буду. Так тебя интересует, можно ли создать мыслящий агрегат? Так я тебя понимаю?

— Да, так.

— Можно. И если его нет сегодня, то он будет создан завтра. Техника вначале предоставляла человеку механизмы, выполняющие ту или иную работу. Удлиняла его руку: кочерга, копье. Увеличивала его силу: рычаг, блок. Станки для обработки металлов также представляют собой прежде всего исполняющие механизмы. Но сейчас в технике появилась новая тенденция — тенденция передавать в руки техники также и функции управления механизмами. Действительно, скорости, ускорения, силы, которые ворвались в современную технику, потребовали такую быстроту реакции, какую немисливо требовать от человека. Какая-нибудь современная ракета-перехватчик, идущая навстречу реактивному истребителю, должна так быстро и точно менять свой курс, что ни один пилот не в состоянии ею управлять. Это ты, конечно, знаешь. Ты знаешь также, что машина может производить не только арифметические операции, но и логические: играть в шахматы, переводить с одного языка на другой и так далее; может обладать памятью на сотни слов. Ну, короче говоря, где же граница между возможностями человеческого мозга и возможностями электронной техники? (Дмитрий Дмитриевич пододвинул к себе ногой стул и сел.) Что может человек и чего не может машина? Такая граница есть, и очень резкая. Мы можем сконструировать машину для любых логических и математических операций при одном только условии: то, что должна делать машина, должно быть выработано человеком в форме инструкции, программы. А человек, как ты знаешь, может сам найти для себя программу. Конечно, если программа очень сложна, то для выработки такой программы может быть опять-таки привлечена машина, но только на определенном этапе, и машина не будет автономной, самостоятельной, она только отразит определенное желание человека решить ту или иную задачу, пусть очень сложную, непосильную для армии вычисли телей, но задачу, заданную ЧЕЛОВЕКОМ.

— Аркадий, меня интересует другое... Можно ли создать такую машину, поведение которой было бы полностью подобно поведению человека? Пусть несколько чужаковатого, но человека? Чтобы эта машина вошла в жизнь, общалась с людьми и была принята за живое существо...

— Ах так? Ну, в виде такой игрушки, это даже забавно... Ты что же, думаешь создать такой агрегат? Это не было бы особенно сложным. Видишь ли, если в средние века были сделаны знаменитые андроиды... помнишь, швейцарскими часовщиками? И эти автоматы могли красиво писать несколько слов, посыпать написанное песком и даже рисовать. В наше же время, когда вместо зубчатых колесиков и червячных передач мы можем применить электронику и электромагнитные приспособления, вполне мыслима такая игрушка, которая сможет заменить банк с его сотнями служащих или которая сможет давать ответы на любые вопросы, справляясь с энциклопедией. Смотри, Димка, я тоже увлекся... И это, повторяю, не так уж сложно. Можно было бы создать в «памяти» такой игрушки запас слов разговорного порядка, и я думаю, что такая игрушка могла бы беседовать вполне логично и даже сойти за какого-нибудь оракула. Правда, применений я не вижу... Может быть, разве в цирке... Да, скорее всего — в цирке. Это был бы коронный номер! Выступает кандидат физико-математических наук Михантьев со своим механическим человеком Бом-Бомом или Дзинь-Дзинем. В конце концов, обыденное общение между людьми — весьма элементарная операция по сравнению с тем, что сегодня, скажем, проделывала наша электронная машина, которую мы используем для вспомогательных расчетов. Можно сделать и так, чтобы этот автомат был внешне похож на человека, двигался бы и был бы устойчив, так как мы давно уже решили вопросы механического равновесия. В авиации такие приборы известны давным-давно, например авиационные гироскопы. Ну, а в свободное от выступлений время такой автомат мог

бы заниматься сборкой себе подобных, наделал бы их с сотню штук, и в один прекрасный день они выгнали бы всю публику из цирка и сами смотрели бы цирковую программу, аплодируя стальными ладошками в нужных местах.

— Мне не смешно, Аркадий.

— Что-то в этом роде я читал, прости меня.

— Но чем же такой автомат будет отличаться от человека?

— Отличаться? Как тебе сказать... Тем, что он — не человек, что он — автомат. Тем, что тот, кто ударит топором по такому сооружению, разрушит механизм, совершит варварство по отношению к технике, но не совершит преступления, так как никого не убил — не убил живое существо. И потом, все ведь у него будет искусственным. Ни одно решение, ни одно действие его не будет сопровождаться грустью или радостью, все будет игрой, не больше; сколь угодно сложной, разнообразной, но всего лишь игрой.

— Но ведь и люди иной раз играют?

— Да, но они не всегда играют, и если ты с умом и сердцем, то всегда отличишь игру от... а, вот в чем дело — игру от переживания. Вот, вот — переживание! Переживания никогда, даже через тысячи лет, не будут доступны автомату. Пусть этот автомат будет улыбаться и гримасничать, но никакого переживания за этими гримасами не будет.

— И это можно увидеть?

— Это можно почувствовать. Как бы искусно ни был он сделан, ты почувствуешь, что в его проводах-жилах поток электронов, а не живая кровь... Ведь чувствуешь же ты вот тот наигрыш у живых людей, о котором мы говорили. Все-таки природа человеческая на ближайший миллион лет будет бесконечно сложнее и тоньше, глубже и многообразней любой, даже сверхгениальной человеческой выдумки. В человеке — все прошлое его предков и он сам — его жизнь, стремление, переживания и его будущее... Отсюда вся живая ткань человеческих отношений: здесь и мимолетные душевные движения, и любопытство, и непрерывная смена темпов, одно волнует, другое нет, и сердце бьется то медленнее, то стремительнее... Все так... Но занимайся делом, Димка!

— Так ты говоришь, что переживания — это главное... И я должен был это почувствовать...

— Как?! Ты не пьян, Дмитрий?

— Нет, нет! Спасибо, Аркадий, большое спасибо! Ты мне дал очень интересный ключ к одному важному вопросу.

— Для тебя я всегда дома, всегда тебе рад, приходи, Дмитрий. Да, так ты все-таки что-то обнаружил?

— Я совершенно случайно наткнулся на еще более загадочное явление... Конечно, большое тебе спасибо за расчет, но, Аркадий... Слушай, мой друг, ты так безжалостно все проанализировал, для тебя все так просто, что завтра я тебя кое с кем познакомлю... Ты когда будешь в лаборатории?

— Завтра с одиннадцати. А с кем ты меня хочешь познакомить?

— Увидишь... Будь здоров, Аркадий.

Дмитрий Дмитриевич повесил трубку и сказал:

— Переживания! Я много говорил с Человеком, смотрел на него во все глаза... Он переживал, волновался, думал, смеялся, сердился, он — человек! Или я сам деревяшка!

ЧЕЛОВЕК ХОЧЕТ МЕДИ

На следующее утро Дмитрий Дмитриевич проснулся от невероятно громкого хруста. Он не сразу пришел в себя, и первая его мысль была о том, что сегодня в одиннадцать часов утра Аркадий ждет его в своем институте и что необходимо уговорить Человека пойти туда. Хруст не прекращался. Вначале Дмитрию Дмитриевичу показалось, что звук этот доносится с улицы. Распахнув окно, он выглянул во двор, но там все было тихо. Хруст соединился с пронзительным металлическим скрежетом. Дмитрий Дмитриевич как был — босиком и в трусах — заглянул в кабинет. То, что он увидел, было совершенно поразительным. Человек сидел на корточках и грыз железную спинку своей кровати. Части спинки уже не было. Дмитрий Дмитриевич ахнул, зажмурил глаза, тряхнул головой и огляделся.

Первое, что привлекло его внимание, была картина — единственное украшение его кабинета. Нарисованная каким-то австрийским художником, она изображала сценку из крестьянской жизни. Несколько женщин в ярко-красных головных платках собирали и складывали на телегу снопы сена. Сейчас вместо головных платков были дыры, позолоченный багет был ободран, проглядывало дерево... Везде, где был красный цвет, торчали ключья холста... Осциллограф, стоявший открытым, также подвергся нещадному разорению. Стекло трубки было без цоколя, и Дмитрий Дмитриевич тотчас же вспомнил, как ночью, когда он спал, ему послышался громкий хлопок: это, видимо, вошел воздух в разбитую трубку.

Человек жадно чавкал, поглощая металлическую спинку кровати, и не замечал Дмитрия Дмитриевича. Он оторвался от своего занятия с таким видом, словно сказал себе: «Ну, этого мне достаточно...» Выпрямившись, он неверной походкой приблизился к письменному столу и, оторвав медные ручки от ящиков, также отправил их в рот.

— Хочу медь! Медь! — тихо сказал он.

— Вы что? Что вы делаете? Вы голодны? — растерянно спросил Дмитрий Дмитриевич. Человек не обернулся.

— Да, — проговорил он. — Да, я голоден. Я голоден, и мне очень многого не хватает. Мне не хватает кадмия и ниобия, вольфрама и сурьмы, мне многого не хватает!

— На чем же вы будете спать? Вы же испортили кровать...

Человек не ответил.

— А картина? А осциллограф?..

— Мне нужен был кадмий. Кадмий содержался в красных пятнах этой материи... — Он говорил как во сне и тихо-нько покачивался на -прямых ногах.

Дмитрий Дмитриевич помолчал. Видимо, у Человека снова был странный приступ оцепенения, свидетелем которого Дмитрию Дмитриевичу приходилось быть уже не один раз.

— Одевайтесь, — нерешительно сказал Дмитрий Дмитриевич. — Одевайтесь и идемте... Человек обернулся и вдруг ожил.

— Куда? — спросил он, одним движением надевая гимнастерку.

Дмитрий Дмитриевич обратил внимание на то, что латунных пуговиц с пятиконечными звездочками на ней уже не было.

— Вы не думайте, что я этим питаюсь, — сказал Человек, поймав взгляд Дмитрия Дмитриевича, устремленный на пучки ниток в тех местах, где были пришиты пуговицы. — Мне это нужно. Мне не хватает ниобия и вольфрама, кадмия и...

— Понятно, — прервал его Дмитрий Дмитриевич. — А мне сейчас нужно, чтобы вы отправились вместе со мной к одному моему приятелю.

— К нему домой?

— Нет, в лабораторию.

— В лабораторию! Это интересно... В ваших лабораториях хранятся самые различные вещества. Я смогу там получить медь и вольфрам?

— Сколько угодно. Я постараюсь попросить моего приятеля... Если вы ему понравитесь...

— Он настоящий ученый? Может быть, как ваш Пшеничный?

— Да, настоящий, и я думаю, что вы ему понравитесь, если только не начнете с того, что сожжете какой-нибудь важный прибор.

— Нет, нет, меня не интересуют приборы, мне нужно вещество.

Дмитрий Дмитриевич уже почти не сомневался в том, что перед ним нечеловек...

Аркадий Владимирович ждал их, и, когда они выписывали пропуск и препирались по поводу того, что на временном удостоверении Человека не было фотокарточки, он сошел вниз и помог уговорить служащего, выписывающего пропуски.

Он окинул Человека небрежным и равнодушным взглядом и повел гостей по коридору. Вскоре они вышли на галерею, которая тянулась вдоль стены огромного зала на уровне второго этажа. Галерея была затянута металлической сеткой с крупными ячейками. Посередине зала испытывался гигантский трансформатор величиной в пятиэтажный дом, и между блестящими шарами, диаметром в несколько метров, проскакивала искусственная молния, сопровождаемая могучими громовыми раскатами, похожими на пушечные выстрелы.

Поведение Человека стало странным. Его походка изменилась, он шел, чеканя шаг, с полужакрытыми глазами, и каждый разряд сопровождался болезненным подергиванием его лица. Казалось, блеск и грохот разрядов причиняют ему невероятную боль.

— Это защита? — спросил Дмитрий Дмитриевич, показывая на сетку.

Аркадий Владимирович кивнул.

— Скорее отсюда, скорее, — негромко сказал Человек.

— Ему нехорошо... — прошептал Аркадий Владимирович.

Галерея окончилась, и Человек устремился в открытую дверь нового коридора. Он обогнал и Аркадия Владимировича, и Дмитрия Дмитриевича.

— Нам налево! — крикнул Аркадий Владимирович.

Он стал очень сосредоточенным, и Дмитрий Дмитриевич понял, что его равнодушие к человеку было напускным.

— Я кое-что придумал, — успел шепнуть Аркадий Владимирович на ухо Михантьеву. (Они задержались у дверей лаборатории.) — Ты обратил внимание на его поведение в экранизированной галерее и на его реакцию на электрические разряды? Где ты его откопал?

Дмитрий Дмитриевич только усмехнулся в ответ.

Они вошли в лабораторию, где восемь инженеров и техников собирали макет какой-то очень сложной установки, от которой тянулись пучки проводов.

Провода расходились по всей комнате и присоединялись к черным коробкам измерительных приборов, блестящими стальными прищепками — «крокодильчиками» — цеплялись за обнаженные клеммы осциллографов. Трое инженеров сидели в стороне и что-то вычерчивали, нетерпеливо и напряженно наморщив лбы. На Человека никто не взглянул, никто не поднял головы.

— Вы посидите за этим столом, — сказал Человеку Аркадий Владимирович, — вот вам стопка

журналов. А мы немного побеседуем с Дмитрием Дмитриевичем.

— Не забудьте, — сказал Человек, — про медь и вольфрам. — Что?

— Нет, нет, я не забуду, — торопливо ответил Дмитрий Дмитриевич.

— О чем вы будете разговаривать? — вдруг забеспокоился Человек.

— Это касается семьи, семьи Аркадия Владимировича, — сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Семья? Это комбинация из ближайших родственников?

— Да, да, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — Комбинация...

Аркадий Владимирович открыл дверь своей рабочей комнаты и, обернувшись, впервые внимательно взглянул на Человека.

— Я удивляюсь тебе, Дмитрий! — сказал Аркадий Владимирович, когда они остались одни. — Удивляюсь! Ты что, с ума сошел?! Да как же ты можешь такое событие держать в тайне? Я не хочу ему показывать, насколько я заинтересовался... Это же посланец какого-то другого мира! Ты это знаешь?

— Боюсь, что тут сложнее... Аркадий! У меня очень серьезное подозрение, что он вообще нечеловек, что это робот, автомат.

Аркадий Владимирович нетерпеливо махнул рукой.

— Я тоже подумал это, когда увидел, как он реагирует на разряды в нашем зале испытаний... Но у него совершенно человеческая мимика... И как ты смеешь секретничать? Ты совершаешь преступление! Да это и вообще небезопасно!.. И какие у тебя данные, что он не принадлежит к живой природе, что он создан искусственно?

Дмитрий Дмитриевич вынул из кармана пиджака рентгенограмму, полученную от Геннадия Матвеевича вчера вечером, и рассказал ее историю.

— И, кроме того, — сказал он, — сегодня утром он повел себя совсем уже откровенно. Учинил полный разгром в моей комнате, изгрыз спинку кровати, на которую мы его укладывали спать, а сейчас требует — слышишь? — требует меди...

— Я слышал... Не давать! Не давать ни в коем случае!.. Неслыханный! — Аркадий Владимирович зашагал по комнате, потирая руки. — Да, да, это может быть очень опасно. Позже ты мне все подробно расскажешь, а сейчас... Ни в коем случае не давать ему того, что он просит. Он может такое учинить... Он, видимо, хочет изготовить еще пару себе подобных...

— Я тоже об этом подумал. Но до сих пор он вел себя очень и очень покладисто. И я еще не хотел бы... изменять к нему отношение... Нужно было бы привлечь, теперь уже по настоящему, медиков, устроить консилиум...

— Что ты говоришь! Какая там медицина, какие консилиумы? — свирепо сказал Аркадий Владимирович. — Я немедленно созваниваюсь с самыми крупными специалистами по автоматике и кибернетике. Мы сможем к завтрашнему утру составить такой «ансамбль» из шести-семи докторов наук, что из твоего Человека все вытрясем: мы разденем его, понимаешь? И это нужно делать немедленно. Он, может быть, против своей воли будет источником громадных открытий. Я сейчас припоминаю свое ощущение в тот момент, когда я пожал ему руку. Это не рука человека! О чем тут говорить...

— Скажи, Аркадий, но, может быть, у него все-таки земное происхождение?

— Что? О нет, это совершенно исключено. Здесь результат не земной науки... Такой автомат мы сможем сделать только через сто — двести лет... Это разведчик! Понимаешь? Разведчик-автомат!

— И все-таки я и сегодня сомневаюсь, человек это или робот, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — Пленку эту не я снимал.

— Нет, не думаю... На рентгенограмме явно технические детали... Вот что, Димка, сейчас мы разберемся. Есть мысль. Ты ни во что не вмешивайся, я сейчас тебя проведу в нашу экранную камеру, где мы испытываем генераторы.

— Но я там помешусь? — спросил Дмитрий Дмитриевич.

— Это целая комната. Под полом железный лист, стены из латунной сетки, причем двойной, дверь также обита сеткой. Стоит только войти в такую комнату, закрыть дверь — и все... Ни одна радиоволна не выйдет наружу, ни одно электромагнитное колебание... Все тщательно пропаяно. Я не помню, сколько килограммов олова ухлопал на нее...

— Не до конца понимаю... Что наружу не выйдет?

— Не только из экранной камеры, но и в камеру... Никакая радиоволна туда не проникнет. — Аркадий Владимирович в волнении заметался по комнате. — Идем, Димка, потом все поймешь! Только ты делай вид, что что-то делаешь...

— Я все-таки не понимаю, для чего все это? Для чего экранная камера, для чего...

— Вот для чего: если это автомат, робот, то у этого автомата должен быть... есть хозяин! Он кем-то управляется... А управлять им можно только излучениями, по радио или еще как-нибудь. И ты, конечно, знаешь, что любое излучение, способное пройти безвоздушное пространство, обязательно по своей природе должно быть электромагнитным... Это радиоволны! Вот чем он связан со своим господином, создателем...

— Я замечал, — тихо сказал Дмитрий Дмитриевич, — что он странно затягивает ответы. Спросишь его — он помолчит и только тогда отвечает. Правда, сейчас ответы следуют сравнительно быстро, но раньше он чуть ли не по несколько минут молчал... Я относил это за счет того, что он не совсем освоил

наш язык...

— Затягивал ответы? — переспросил Аркадий Владимирович. — А сейчас уже не затягивает? Это очень о многом говорит... Он мог в паузах ждать приказаний. Да, да...

— Теперь я понимаю, для чего тебе нужна экранная камера. — Дмитрий Дмитриевич вскочил со стула. С шуршанием рассыпались рулоны чертежей, которые он задел плечом: — Теперь-то я понял! Ты введешь его в экранную камеру, закроешь дверь...

— И отсеку его от приказаний его хозяина! Он превратится в то, что он есть, — в бессловесный автомат! Но только он не должен ни о чем догадываться! А завтра я жду твоего звонка, вечером приведу всех, кого знаю и кому верю, в боевую готовность. Да мы с него шкуру снимем! А тебе имени нет! Ведь с ним опасно, ужасно опасно: мы еще не знаем, какой камень он держит за пазухой!

— Об этом я как-то не думаю... Вряд ли может быть так, что техника становится лучше, а люди хуже.

— Люди? Все вместе они идут к совершенству, а негодяй может всегда найтись. И сколько раз тебе говорить: дело не в технике, а в тех, кто владеет техникой. В сорок первом году техника у немцев была первоклассная, но это не мешало Гитлеру быть дегенератом, а эсэсовцам — убийцами..

— Аркадий, но, может быть, мы зря подозреваем его в чем-то плохом? Ведь он... Ведь я еще не рассказывал тебе, какие он чудесные вещи принес нам...

— Ты извини меня, Дмитрий, но я сразу же почувствовал к нему антипатию... Обещаю тебе, что, если он окажется человеком, живым человеком, постараюсь изменить свое мнение. Одно то, что он, если он автомат, скрывает это, уже о многом говорит. Но у тебя были еще причины...

— Да, были... Я хотел рассказать о нем, но нужно было все твердо установить, проверить, доказать. Ведь найдутся и такие, которые скажут: «Что? Человек из другого мира? Хватит сказки рассказывать, нечего нас мистифицировать...» Мы вместе с Человеком пытались было поднять шум по поводу одного изобретения, но без доказательств, ясных, непрекращаемых, наглядных, нас и слушать никто не захотел.

— Ты не хотел упустить открытия? Может быть, ты не согласен с тем, что я предлагаю предпринять более решительные действия да еще привлечь ворох людей со стороны?..

Дмитрий Дмитриевич нетерпеливо щелкнул пальцами.

— Какая чушь! Ерунда, его уже видели и врачи, и многие другие... Давай приступать. Где она у тебя, эта экранная камера?

Они вышли из кабинета и увидели, что вокруг Человека столпились все инженеры лаборатории. И пытаются что-то у него отнять.

— Ар-аркадий Вла-владимирович, — сказал, сильно заикаясь, пожилой инженер. — Это какой-то странный по-посетитель! Он попросил у меня раскаленный па-паяльник, вытащил из паяльника совершенно раскаленное жало и... и отправил его себе в рот!

— Жало, конечно, медное, — сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Ну, а какое же еще, — сказал Аркадий Владимирович.

— Слушайте, при чем здесь... — Пожилой инженер растерянно поглядел на них,

— Мне нужна медь, — сказал Человек. — А вы мне даете журналы за прошлое тысячелетие!

— Вы получите! Сейчас вы все получите! — Аркадий Владимирович повернулся к Дмитрию Дмитриевичу и, толкнув его в сторону обитой дерматином узенькой двери, сказал: — Иди, Дмитрий, иди...

Дмитрий Дмитриевич вошел в камеру. Там было прохладно, холод металлических листов, которыми был устлан пол, не смягчался ни линолеумом, ни дорожкой. Дмитрий Дмитриевич прошел к длинному столу и сел перед осциллографом. Окна экранной камеры были затянуты двойной яично-желтой латунной сеткой. Камеру, по-видимому, оборудовали наспех и не предусмотрели, что открыть затянутую сеткой форточку будет нельзя. Поэтому в камере было душно.

— Да, Антон Иванович, — донесся до ушей Дмитрия Дмитриевича голос Аркадия Владимировича, — прошу вас, сейчас же пойдите на склад, скажите, что я сегодня же все оформлю, и принесите оттуда полосу листовой меди.

— Чистой, — сказал Человек.

— Да, конечно, рафинированной меди.

«Не нравится это мне, — думал Дмитрий Дмитриевич, рассеянно поворачивая ручку осциллографа. — Не нравится мне, что Человек так откровенен, так не скрывает того, что он не человек. Или, может быть, где-то во Вселенной живет раса, которая питается металлами? А если нет? Кто знает, может быть, мы накануне каких-то событий... Аркадий прав, нужно спешить!»

— Мы очень благодарны вам, — зазвенел напряженный голос Аркадия Владимировича (он говорил торжественно и четко). — Мы очень благодарны вам, что вы согласились посетить нашу лабораторию. Мы снабдим вас всем, что вам нужно для вашего здоровья. Но мы слышали от Дмитрия Дмитриевича, что вы просто сокровищница науки будущего, новых идей. Возможно, что вы разбираетесь в автоматике и в телевидении... — Аркадий Владимирович, придерживая Человека за локоть, прохаживался с ним в проходе между столиками.

— Конечно, — ответил Человек. — Я смотрел ваши журналы, вот эти. Меня удивляет, что вы не применили память при передаче движущихся объектов в телевидении... Нужно передавать только изменения, которые возникают от кадра к кадру... А то, что не меняется, остается в покое, пусть хранит

память, искусственная память...

Они шаг за шагом подходили к экранной камере, из которой нетерпеливо выглядывал Дмитрий Дмитриевич. Аркадий Владимирович вошел в камеру первым. Человек перешагнул ее порог и сразу же метнулся назад, но Аркадий Владимирович быстро захлопнул дверь. Человек остановился на полуслове и забормотал:

— Что?.. Что?.. Что?..

Человек преобразился. Он раскинул руки и стал носиться по комнате, ощупывая сетку. Выражение его лица стало безвольным, тупым. Вся его фигура выражала растерянность.

— Его руки — антенна! — сказал Аркадий Владимирович. — А! Забегал!

— Но что с ним происходит? — прошептал Дмитрий Дмитриевич.

— Не слышу, — говорил Человек, ощупывая сетку. — Я не слышу...

— Кого? Кого вы не слышите? — спросил Аркадий Владимирович. — Подойдите сюда!

— Не подчиняюсь, — резко ответил Человек. — Я ничего не знаю... Нет сигналов, почему нет сигналов? У меня все в порядке, все работает, почему нет сигналов?

— Что вы можете делать самостоятельно? — спросил Аркадий Владимирович.

— Выполнять приказы, видеть, запоминать, двигаться.

— А если я прикажу вам, мне вы подчинитесь?

— Нет, — ответил Человек.

— Что нужно, чтобы вы подчинились мне?

— Нужно иметь шлем... Нельзя, нельзя подчиняться... Если связь прервана, нужно искать связь, связь искать...

— Кажется, теперь я кое-что понимаю, — проговорил Дмитрий-Дмитриевич. — Я его таким не видел... Видел, но тогда он был гораздо спокойнее...

А Человек метался по камере, цепляясь ногтями, взобрался на потолок, по стене соскользнул вниз и повторял бесконечно, упорно:

— Связь, связь, связь... Искать, искать, искать...

— Он повторяет слова инструкции, которая в нем заложена, — сказал Аркадий Владимирович.

— Если связи нет, нужно пробиваться вверх, — сказал Человек.

В его руках вдруг оказался длинный оранжевый прут. Человек взмахнул им, и Дмитрий Дмитриевич едва успел отскочить в сторону. Человек проткнул потолок, кисть его руки вначале медленно, потом все быстрее и быстрее начала вращаться. Тонкая белая пыль штукатурки наполнила камеру.

— Нужно кончать, — сказал Аркадий Владимирович, как только прут Человека углубился в потолок.

— Это ловушка! — закричал Человек. — Это ловушка! — Его лицо снова стало осмысленным. — Сетка! Сетка!

Аркадий Владимирович быстро открыл дверь экранной камеры. Человек выдернул прут и выскочил первым. Его руки — это было ясно видно — дрожали крупной, частой, совсем человеческой нервной дрожью.

— Я не ожидал от вас, Дмитрий Дмитриевич, — сказал он. — Не ожидал... После того как я вам столько принес... — Человек согнул прут, еще и еще, с удивлением ощупал его конец и неуловимо быстрым движением спрятал оранжевый жгут в рукаве гимнастерки. — Идемте, Дмитрий Дмитриевич. — Человек первым шагнул из лаборатории.

— Неприятно получилось, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — И опять нет полной уверенности в том, что это автомат.

— Полная уверенность, — ответил Аркадий Владимирович. — Полная! И теперь мне ясно, почему он стал отвечать быстрее... Димка, его хозяин приближается к Земле! Понимаешь?! Пока он был далеко, радиоволне или какому-то другому излучению нужно было большое время, чтобы донести к его господину твой вопрос и принести ответ или приказание... Завтра к вечеру мы всё устроим... Но ты будь осторожен...

— Аркадий Владимирович! — раздался вдруг женский голос. — Георгий Степанович на вас сердится. Что это вам вздумалось без предупреждения наш пол сверлить?

— Пол? — удивился Аркадий Владимирович.

— Да, пол. Мы сидим, ничего не подозреваем, и вдруг прямо посередине комнаты появляется вот эта штука. Я как испугалась, как закричу, а Георгий Степанович не растерялся — как стукнет молотком! Еще немного, и нам прибор испортили бы... — С этими словами лаборантка протянула Аркадию Владимировичу оранжевую полоску металла длиной сантиметров в двадцать.

— Да это же его шпaga, шпaga Человека, он ей потолок сверлил! — сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Ну да, лаборатория, в которой работает эта девушка, как раз над экранной камерой!

— Дайте мне это, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — У меня мелькнула мысль: мы, кажется, сейчас точно сможем установить, откуда он взялся... — Дмитрий Дмитриевич выхватил из рук Аркадия Владимировича обломок прута и, засовывая его на ходу в карман, бросился догонять Человека.

Человек был уже в проходной и молча рвал дверь, которую вахтерша заперла на задвижку.

— Пропустите их! — крикнул Аркадий Владимирович, сбегав по лестнице. — Вот их пропуска, я их

отметил...

Человек выскочил на улицу. Взяв Дмитрия Дмитриевича за локоть тем же движением, каким за несколько минут до этого его держал Аркадий Владимирович, он, четко выговаривая слова, сказал:

— Вы хотите знать, кто я? Вы, Дмитрий Дмитриевич, скоро узнаете все, но только вы один.

«АХ, НА МЕРКУРИИ ВЫ НЕ БЫЛИ?»

Молодежь нетерпелива. Она торопится и смотрит только вперед. «Потерять год? — говорит семнадцатилетний. — Что вы! Нужно столько сделать, изобрести, создать... Стать писателем, ученым, артистом, строителем, и на все, на всю жизнь, отводится еще какой-нибудь десяток лет, старость-то начинается с тридцати!»

Так думал и Коля, сидя за тяжелым лабораторным столом в ожидании экзаменатора рядом со своим новым приятелем, Сергеем Кайгородским.

Люди в походе сживаются. Каждый должен помогать товарищу по походу, иначе всем не дойти до цели, а цель — общая. Чем меньше людей, тем труднее идти. Казалось бы, что на конкурсном экзамене совсем другое. Казалось бы, чем больше в группе «двоек», тем лучше, тем ты, Коля, или ты, Сергей, ближе к лабораториям института, ближе к великим открытиям. И тем не менее конкурсные экзамены не разделили, а спаяли группу. Особенно сдружился Коля с Сергеем. После экзаменов они бродили по улицам и делились планами на будущее.

С Виталием Коля не виделся — тот «откололся» сразу же на сочинении. Виталий получил «двойку» и больше на экзамены не пришел.

— Зайду в институт тридцатого августа, заберу документы... На списки студентов посмотрю; Николай Ростиков будет в списках... может быть. — Виталий, сощурившись, проглотил комок в горле.

— Ничего, Виталька, — ответил ему Коля. — Поступишь через год, а я тебе все буду рассказывать, буду помогать. Да еще неизвестно, сдам ли я...

Но подошел экзамен по химии, и Коля получил «пять», прибавив балл к своей вечной «четверке». За химией — немецкий язык, по которому Коля получил «три». Еще одна «пятерка», и он в институте! У Сергея было точно такое же положение: его «пятерка» по немецкому оказалась таким же неожиданным подарком, как и Колина «пятерка» по химии.

И вот последний экзамен — физика. (Это было как раз в то утро, когда Михантьев повел Человека в лабораторию Аркадия Владимировича.) Основательно пощипанная и уставшая группа расселась в аудитории. За окнами высились учебные корпуса института, похожие на поставленные на ребро серые кирпичи, к которым прикрепили десятки высоких труб. Ясное солнце глядело в аудиторию, освещая неизвестно как попавший в институт совсем домашний граненый графин, изготовленный, видимо, из очень хорошего стекла.

Было известно, что экзаменатор, молодой аспирант, любит ставить в тупик мудреными вопросами о самых простых вещах и в предыдущей группе озадачил всех, спросив, какая папироса больше весит, зажженная или целая. Коля, разглядывая графин, отметил про себя, что радужные блики на потолке и стенах аудитории могут пригодиться как пример дисперсии света на стекле графина.

Экзаменатор очинил карандаш и вызвал Колю, Сергея и еще двух ребят. Они получили билеты и уселись за соседними столиками. Через несколько минут они с головой погрузились в вопросы...

Что билет? Билет — это просто. Сейчас нужно было найти именно те детали, указав на которые, можно надеяться на «пятерку».

Однако, чем глубже Коля вдумывался в содержание первого вопроса, тем больше его захватывало ощущение какой-то пустоты. Вопрос, показавшийся вначале простым, касался устройства плоского конденсатора, однако он не вызвал никаких воспоминаний, не вызвал ничего, о чем стоило бы говорить. Коля, закусив карандаш, мучительно старался вспомнить формулу, по которой определялась емкость плоского конденсатора. «Емкость, емкость, емкость, — взывал мысленно Коля. — В числителе площадь пластин, а внизу? Внизу — расстояние между ними, потом почему-то четыре «пи» и еще что-то...» Но что — он не помнил. А Сергей уже был у доски и, разделив ее на две части, стал готовиться к ответу.

Дверь заскрипела. Коля поднял голову и увидел человека небольшого роста в синем беретике. Коля не поверил своим глазам. Этого еще не хватало! С достоинством оглядываясь, к столу экзаменатора подходил Евгений Леонович.

Экзаменатор, увидев Евгения Леоновича, вскочил и вышел ему навстречу.

— Здравствуйте, Евгений Леонович, — сказал он. — Вы что же, экзаменоваться?

Евгений Леонович рассмеялся бляющим смешком.

— Прошло, прошло, знаете ли, мое время! Я с удовольствием проэкзаменовался бы, с удовольствием... Разрешите послушать, о чем вам сегодня будут рассказывать? Я очень интересуюсь нашей сменой, очень.

Он присел к столу и стал перемешивать билеты; он складывал из них домики, тасовал их, и те, кто еще не получил билета, не могли оторваться от его толстеньких ручек и удивительно изогнутого большого пальца. Палец был толстым, с широким ногтем, и Евгений Леонович его изгибал так, как

будто палец был сделан из ваты.

«Да ведь в числителе стоит эpsilon! — чуть не закричал Коля. — Не в знаменателе, а в числителе, диэлектрическая постоянная среды, помещенной между обкладками конденсатора!» Как ни странно, но вспомнить ему помог палец Евгения Леоновича, имевший отдаленное сходство с завитком буквы «эpsilon». «Ну, а теперь ему бы уйти, ну зачем он здесь?»

— У кого вы сейчас? — говорил между тем Евгений Леонович аспиранту.

Они перешли на шепот, но Коля, повернувшись вполоборота (чтобы Евгений Леонович его не узнал), помимо воли, услышал обрывок разговора.

— Так вас потянула структура металлов, не захотели заниматься спектрами? — говорил между тем Евгений Леонович. — Но в связи с экзаменами вы, вероятно, забросили исследовательскую работу?

— Да... здесь очень трудно, — сказал аспирант. — Ребята устали, у каждого за плечами по четыре сложных экзамена... Очень напряженная атмосфера. Она и мне передается, и я вместе с ними переживаю.

— Но мне кажется, что эти разговоры о том, что сейчас трудно поступить в вуз, делают свое дело. Подают заявления более разбитные, а не более знающие.

— Нет, сдают хорошо, готовятся серьезно и отвечают отлично. Я уже четвертую группу пропускаю по физике, и, знаете ли, очень трудно иногда выбирать.

— Ну, это уж не так сложно. Я могу вам помочь.

— Но ведь вы не за этим пришли, — сказал аспирант.

— Я?... Да... Нет, не только, я просто... Меня интересует... Ну, словом, смена смене идет, не так ли? Вот что я вам посоветую. Переведите экзамен в несколько другую плоскость. Выведите опрос за пределы билета, из плоскости формальных знаний... Смотрите на учащихся с точки зрения более полного комплекса данных, данных будущего исследователя. Наблюдательность, осторожность в выводах, находчивость, смелость в отношении обобщений и тому подобное. Это даст в ваши руки более обширные возможности в отношении отбора. Не то, в конце концов, важно, что пишет экзаменуемый, а как он пишет, как он думает, как морщит лоб... Вот, например, мальчик... — Евгений Леонович указал глазами на Сергея. — Он совершенно не подходит, я нисколько не сомневаюсь, что не подходит. Обратите внимание, он решает задачу, но лоб его чист, никакая мысль его не волнует.. Я вас понимаю, вы еще молодой экзаменатор, но вот такие детали говорят о многом, очень о многом.

— Кайгородский, — сказал экзаменатор, — вы готовы?

— Да, — ответил Сергей, — готов.

Евгений Леонович налил из графина стакан воды и отпил несколько глотков. Коле страшно захотелось пить. Может быть, если бы не было Евгения Леоновича, он подошел бы к столу и попросил разрешения напиться. Но сейчас это было невозможно. Евгений Леонович его, вероятно, сразу же узнал бы. Коля перешел к задаче о разрывающейся в воздухе гранате и, быстро получив ответ, удивился и испугался. Он стал еще и еще раз перечитывать задачу, опасаясь подвоха.

— Ну, Кайгородский, отвечайте.

Сергей рассказал о законах электролиза, об опыте, который доказывал существование в металле свободных электронов, начертил схему телескопа, показал решение своей задачи.

— Как видите, — вполголоса сказал аспирант Евгению Леоновичу, — все в порядке. У меня нет никаких замечаний. Конечно, я могу его спрашивать еще и еще, но только о таких вещах, которые он знать не обязан, о которых он узнает только со временем.

— Позвольте, я применю свой метод, — предложил Евгений Леонович.

— Хорошо, — немного растерянно сказал аспирант. Сергей насторожился, мелкие юношеские морщинки разбежались по его лицу, кожа на лбу сжалась гармошкой. Аспирант ободряюще ему улыбнулся.

— Напишите... Ну что бы вам дать попроще... — сказал Евгений Леонович. — Не знаю, не знаю... Ну, хотя бы формулу для определения емкости группы конденсаторов, соединенных последовательно.

Сергей, повернувшись к доске, стал писать, а Евгений Леонович, не отрывая от него взгляда, протянул руку и нащупал графин. Он повернул графин на сто восемьдесят градусов, подставив солнечному свету другой его бок. Цветные блики, разбросанные стеклянными гранями, скользнули по Колиному лицу. Коля подумал: «Что это он затеял с графином и почему он не уходит?»

— Благодарю вас, — сказал Евгений Леонович Сергею, а тот уже вывел формулу, привел ее к общему знаменателю и сейчас переворачивал полученную им нескладную дробь. — Благодарю вас... Но еще не совсем, не совсем... Прошу вас, подойдите к столу. Вот посмотрите, пожалуйста, на графин... Мы можем считать его симметричным, хотя на его поверхности есть грани. Так не объясните ли мне одно физическое явление... Вот, кстати, все лучи, пройдя сквозь графин, собрались в одной точке. Не совсем, конечно, в одной, но с должной степенью приближения... Так вот, почему собрались?

— Так графин-то цилиндрический, в него налита вода, он как увеличительное стекло, как линза...

— Да?... Превосходно, превосходно. Но это простой вопрос, не так ли? А вот вам другая задача... Предупреждаю, предупреждаю. — Евгений Леонович, забывшись, говорил теперь громко, он был увлечен. — Предупреждаю, она потребует от вас мобилизации всех ваших знаний — молекулярная физика, процессы лучепоглощения, все, все... Так вот, с точки зрения физики, какая сторона графина, вот

этого, должна быть больше нагрета: та, которая обращена к солнцу, или противоположная?

— Конечно, — ответил Сергей, не задумываясь. — Конечно, та, что обращена к солнцу.

— Да?

— Мне кажется... Ну конечно, та, что к солнцу...

— Да?..

— Ну как же иначе? Стекло очень сильно поглощает лучи, вода также...

— Проще всего проверить...

Сергей прикоснулся к освещенной стороне графина, а второй рукой к противоположной стороне.

— Та, что противоположна солнцу, теплее... — растерянно прошептал он, и графин, вздрагивая в его руках, зазвенел непритертой пробкой.

— Так как же? Эксперимент опровергает ваши теоретические выводы. Горячей оказалась другая сторона, про-ти-во-по-лож-ная!

— Я не ожидал... Но тогда дело все в том, — неуверенно начал Сергей, — что лучи собираются на противоположной стороне, концентрируются там и...

— О нет, нет...

Коля зажмурился. Он был готов вскочить и броситься на Евгения Леоновича с кулаками.

— Вот так, — обратился Евгений Леонович к аспиранту. — Все гладко, но нет твердости, уверенности, той твердости, которая создавала мучеников науки: Галилея и так далее... А нужно было бы сказать: «Не может быть, чтобы сторона, обращенная к солнцу, была холоднее, и все!» И все было бы на месте. Увереннее, увереннее...

— Но как же могло случиться? — недоумевал Сергей. — Я до сих пор не понимаю...

— А как по-вашему?

— Достаточно, Кайгородский, идите, — сказал аспирант. — Ну, а вы, Ростиков, идите отвечать. Вам нужна доска?

Коля подошел к столу, мягко взял в руки графин, повернул его. Сергей все понял и вскрикнул.

— Зачем вы так? — сказал Коля.

— Вышли отвечать? — спросил аспирант. — Так отвечайте.

— А мне отвечать не хочется...

— Так кладите билет.

— Как вы не понимаете? Мы приходим сюда, как... Мне даже не с чем сравнить. Мы верим, понимаете? Верим, что нужно знать, хорошо знать... А вы? Устроили такой подвох, да, подвох, я говорю о графине. Зачем вы его повернули? Какое право вы имеете так спрашивать нас?!

— Не понимаю, — развел руками Евгений Леонович. — Не понимаю, что творится... Вы понимаете, молодой человек, что я профессор, доктор наук, вы это понимаете? Я пришел на экзамен, на экзамен к вам пришел, чтобы... мм... ну, чтобы посмотреть на свою смену, да, смену! Мы все идем в небытие, и хочется знать, что ждет впереди... Хочется знать, в чьи руки попадет то знание, которое мы добыли с таким трудом, с огромным трудом, смею вас уверить! Позвольте, кстати... Я вас где-то видел?

— Нет, так не спрашивают, — упрямо говорил Коля. — Я, да и никто из поступающих не ждет, что вы можете такое устроить. Мы готовы к самым сложным вопросам, но не к обману...

— Ростиков, — оборвал Колю аспирант, — идите отвечать, черт вас возьми! В конце концов, не вас же спрашивали?!

— Э, нет, нет, — воскликнул Евгений Леонович. — Я задет, да, задет! Я позволю себе спросить уважаемого абитуриента — так в мое время называли поступающих в высшее заведение, — я хочу спросить у вас, товарищ...

— Ростиков, — подсказал аспирант.

— Ростиков?.. Не знаю, не знаю, не помню... Да, так как вы считаете возможным проводить экзамены? Просто вот так: брать вопросы программы и по ним спрашивать? Но вы сами понимаете, что это чепуха.

— Почему? А как же иначе?

— Потому что учебник — ответы на все вопросы программы — может выучить всякий. Всякий! Выучить на память может и совершенно ненормальный человек, совершенно! Достаточно обладать хорошей памятью!

— И задачу сможет решить? — усмехнулся Коля.

— Возможно, возможно, все возможно... Вы просто еще очень молоды, молоды, в этом все дело.

— Нет, не в том дело, что я молод. Просто, когда вы повернули графин, а потом стали спрашивать, хотелось закричать. Ну разве мог вам Кайгородский ответить, разве мог он отнестись к вам с недоверием? Ведь здесь институт! Сергей, конечно, не знал, что вы профессор...

— А вы? Вы знали? — насторожился Евгений Леонович.

— Я знал...

— Да? — Евгений Леонович посмотрел на Колю долгим взглядом и пожевал губами. — Ну ладно, спросим вас так, без подвохов, посмотрим, что вы за птица. Вы позволите? — обратился он к аспиранту.

Тот кивнул, но во взгляде его, как показалось Коле, была теплота.

— Интересно, интересно, чем вы дышите. Я не буду навязывать вам простых вопросов, задач, вы

выше экзамена такого рода-Евгений Леонович говорил серьезно, но Коля чувствовал издевку и решил ни в коем случае не сдаваться.

— Итак, — сказал Евгений Леонович, — вопрос должен быть простым, простым, как апельсин, как шар, как.., как Солнце. Солнце — это понятно всем. Светит и греет. Вот вы, как будущий физик, и расскажите нам, что оно собой представляет. Никакого давления на вас не будет оказываться, план рассказа ваш... Потом... несколько дополнительных вопросов, и все. Как у него задача? — спросил Евгений Леонович у аспиранта.

— Решена, — кивнул аспирант, просматривая Колины записи. — Да и другие вопросы у него в порядке; написано, во всяком случае, правильно.

— Солнце, — начал Коля, — большой газовый шар. Очень большой и очень горячий... В нем происходят термоядерные реакции, идущие при очень высокой температуре... Сама поверхность Солнца имеет температуру в шесть тысяч градусов.

— А что за реакции идут на Солнце? — спросил Евгений Леонович. — Простите, вас пока не раздражают мои вопросы?

— Нет, не раздражают, — серьезно и резко ответил Коля. — А реакции там примерно те же, что и в водородной бомбе. Четыре протона соединяются в ядро гелия, два из них, конечно, теряют заряды и превращаются в нейтроны. Эта реакция идет с выделением огромных количеств энергии...

— Так прямо и соединяются протоны в ядра гелия?

— Нет, не прямо. На Солнце идут реакции, в которых принимают участие и ядра углерода, и азота, и других элементов. Реакция идет как бы по замкнутому кругу.

— Позвольте еще один вопрос... По-вашему выходит, что достаточно нагреть атомы элементов до температуры в несколько миллионов градусов, и пойдет реакция?... Следовательно, Солнце светит и греет потому, что в его глубинах идут термоядерные реакции, а реакции идут потому, что Солнце светит и греет. И получается замкнутый круг. Вы его видите?

— Вижу, получается. Но эти термоядерные реакции не всегда шли на Солнце... Было время, когда и Солнца не было...

— И как же оно «зажглось»?

— Собрались вместе миллиарды миллиардов атомов, и оно не смогло не зажечься.

— Это любопытно, любопытно... По-вашему выходит, что все дело в массе?

— Конечно, в массе. В атомной бомбе взрыв происходит тогда, когда соединяются две половинки заряда из уранового горючего, когда они вместе составляют критический объем...

— Странно... То вы возражаете против внепрограммных вопросов, а когда вам предоставляется свобода выбора, забираетесь в дебри, такие дебри, что даже я... Интересно только, откуда у вас эта мысль о том, что вот собрались атомы, а когда собрались, тогда и зажглись?

— А как же? Количество переходит в качество, там, где масса велика, происходят более частые столкновения ядер» чем больше масса, тем больше будет давление в центре звезды и быстрые частицы не будут успевать рассеиваться... Для меня это ясно.

— Для меня не очень, не очень. Я, конечно, только профессор, только...

— Да, только, — сказал Коля. В его груди родилась ненависть к этому сладкому с виду и такому скользкому человеку. Он сказал: — Вот если бы вы были на Юпитере, то убедились бы сами...

— А вы были на Юпитере?

— Да, был. Там океаны замерзшего аммиака и метана, веществ, состоящих из водорода, азота и углерода, тех самых элементов, которые находятся в атмосфере Солнца. Но Юпитер живет, он и сейчас может выбрасывать спутников. Он вырвался сам из недр Солнца, но даже у него, гиганта, термоядерные реакции постепенно замедляются; он охладился, покрылся сжиженными газами, вязкими, темными, а когда светит Солнце, в них непрерывно струятся и сверкают испаряющиеся газы. Кажется, что вы погружены в кипящий красный сок. А Солнце там видно совсем маленьким, как горошина... Не больше горошины...

— Минуточку, — сказал аспирант, — не увлекайтесь, Ростиков!

— Нет, нет, не перебивайте, — сказал Евгений Леонович. — Не перебивайте, это интересно! Я узнал вас! Вы тот самый, — тогда, в клинике, проводили эксперименты с газоструйным генератором! Я знаю вас... Но почему другие планеты окружены другими газами?

— Они образовались в другое время, при других условиях, но и в атмосфере нашей Земли больше трех четвертей азота.

— Вы сказали, что остальные планеты возникли при других условиях. При каких же?

— Планеты вырываются каждый раз тогда, когда на Солнце происходит взрыв, когда изменяется тип ядерной реакции...

— Противоречие! Вы сами только что говорили, что термоядерная реакция соединения ядер водорода в ядро гелия идет по замкнутому циклу, вы выразились — «по кругу». Откуда же взрыв?

— Это все справедливо только для внешних слоев Солнца. В глубине Солнца условия другие...

— Итак, по-вашему выходит, что из Солнца вырвались все планеты. Вначале, по-видимому, Плутон, потом Нептун, Уран, Сатурн, Юпитер, Марс, Земля, Венера, Меркурий?

— Нет, не Меркурий...

— Почему?

— Не Меркурий!.. Меркурий — не планета. Меркурий только потом стал планетой.

— Ну знаете ли... «Меркурий — не планета»! Меркурий, к вашему сведению, обращается вокруг Солнца, период его обращения равен... ммм...

— Восьмидесяти восьми суткам, я помню, — сказал Коля. — Меркурии был спутником Венеры, таким же, как сейчас Луна у Земли.

— Вот как?

— Да, Меркурий был выброшен Венерой, но вблизи было Солнце, и оно, обладая в сотни тысяч раз большей массой, чем Венера, отобрало у нее Меркурий, и Меркурий стал планетой.

— Вы базируетесь на том, что Меркурии так же отражает солнечный свет, как и наша Луна? — задумчиво произнес Евгений Леонович. — Интересно, как в отношении плотностей? Вы не помните? — обратился он к аспиранту.

— У Меркурия 3,8, у Луны 3,3... В общем, близко. У Венеры и Земли плотности намного больше...

— Но он-то это откуда взял?! Нет, здесь не просто фантазия! Видимо, мой приятель Дмитрий Дмитриевич Михантьев напичкал его своими бреднями. Вы, вероятно, знаете Михантьева? Того самого, что сейчас работает по изотопическому составу метеоритов. Оригинал, единственный метеоритчик, который настроен против общепринятых гипотез. — Да, знаю, — сказал аспирант.

— Вот, можете полюбоваться на его работу. — Евгений Леонович указал на Колю. — Все, что мы здесь слышали, — это бредни Михантьева. Совсем недавно мне звонил один очень, очень уважаемый человек, бывший... гм... э-э... руководитель крупного института, и жаловался, что группа авторов, которыми верховодит Михантьев, донимает его проектом бессмертия человека. Вы только подумайте — бессмертия! Просто этак: пара ядерных реакций — и можно закрывать похоронные бюро. Вот его очередная жертва, этот бедный мальчик... Так вы утверждаете, что Меркурий имеет такое же происхождение, как и Луна? И на нем, вероятно, также есть кратеры?

— Возможно...

— Ах, на Меркурии вы не были? Представьте, и я, и я тоже не был. Кстати, в отношении кратеров на поверхности Луны у вас, вероятно, тоже своя точка зрения?

Коля задумался на мгновение, потом махнул рукой:

— А, все равно... Видели ли вы, как кипит манная каша, когда она загустевает? Вот так и Луна кипела, точно такие же кольца, как лунные цирки, образуются, и с выступом посередине.

Евгений Леонович улыбнулся, а аспирант оживился и сказал:

— Совершенно верно, и мне приходила эта мысль в голову. Образуются кольца, и потом каша...

— А потом ваша каша начинает плевать! — взорвался Евгений Леонович. — Все ясно, все ясно! Это известная теория Менье — был такой французский ученый, анекдотическая теория! Он, конечно, не обладал, мягко выражаясь, эрудицией нашего абитуриента и нигде, нигде не писал, что речь идет о манной каше. Он просто говорил о том, что, по его мнению, Луна обладала тестобразной оболочкой и кипела, то есть то же, что мы сейчас прослушали. Давно-давно забытые бредни!!!

— Но почему? — спросил аспирант. — Почему вы так решительно отвергаете? Уж очень похоже на модель.

— Ну знаете ли, батенька, и вы туда же! Да как же можно проводить аналогию между кастрюлей с манной кашей и Луной? Масштабы, не те масштабы!

— А почему, — сказал Коля, — Солнце сравнивают с водородной бомбой длительного действия? А? То же соотношение в массах, что и у кастрюли с кашей и Луной.

— «Каша, каша»! Каша у вас в голове, каша! Ступайте! — крикнул Евгений Леонович неожиданно высоким голосом.

Коля вышел из аудитории и, сдерживая слезы, кляня свою невыдержанность, говорил самому себе: «Конечно, не «пять», не больше «тройки», а ведь нужно было «пять», только «пять»...

КОЛЯ СПЕШИТ НА СВИДАНИЕ

Дмитрий Дмитриевич проводил Человека к себе домой, позвонил в институт и попросил Андрея Петровича Рябцева. Андрей Петрович тотчас же взял трубку:

— Это ты, Михантьев? Хорошо, что позвонил...

— Андрей Петрович, скажи, дорогой, как твой масс-спектрограф, очень загружен?

— Что, опять метеорит?

— Нет, но объект не менее интересный...

— Приезжай, сегодня можно... Кстати, есть новости. Дмитрий Дмитриевич повесил трубку и чуть ли не бегом отправился в институт. Там царил необычайная тишина. Разыскивая Андрея Петровича, Дмитрий Дмитриевич заглянул в две-три лаборатории, но, к своему удивлению, не обнаружил никого из заведующих. Нашёл он Андрея Петровича в самом неожиданном месте — в кабинете директора. Андрей Петрович восседал за директорским столом.

— Входите, Михантьев, — с комичной важностью сказал Андрей Петрович и, копируя Пшеничного, снял очки и закусил в зубах оправу. — Входите, что у вас?

— Что ты тут делаешь? — изумленно спросил Дмитрий Дмитриевич.

— Вот, дежурю у телефона... Всех вызвали на срочное совещание по твоему делу...

— По моему? А где Пшеничный?

— Ах да, ты не знаешь! Тут, друг мой, такое заварилось... — Андрей Петрович оживленно потер руки. — С завтрашнего дня у нас начнут работу две комиссии. Пшеничный таких дел накрутил, что за год не разберешься... Так что ты хотел, Дмитрий Дмитриевич?

Дмитрий Дмитриевич вынул из кармана полоску желтого металла.

— Вот что, Андрей Петрович, вот этот пруток нужно испарить, растворить, сделать все, что хочешь, но произвести его изотопический анализ.

— Это принадлежит твоему...

— Да, Человеку... Я хочу окончательно убедиться в его неземном происхождении.

Через несколько часов перед ними лежала фотографическая пластинка удлиненной формы с разбросанными по ней тонкими темными линиями. Пластинка была установлена на столике измерительного микроскопа... Ответ был совершенно определенный: оранжевый пруток Человека был сделан из сплава на основе лития. Сам литий состоял из тех же изотопов, что и на Земле, но явно в других пропорциях. Последние сомнения в «звездном» происхождении Человека отпали...

Дома Дмитрия Дмитриевича ожидал очень расстроенный Коля. Дмитрий Дмитриевич положил конверт с пластинкой на письменный стол и вышел на кухню. Человек сидел на табуретке возле газовой плиты и просматривал свежую газету. Из кабинета донесся звон разбитого стекла и испуганный возглас Коли. Дмитрий Дмитриевич вернулся в кабинет.

Коля стоял посередине комнаты, в его руках был черный конверт, а на полу блестели осколки пластинки.

— Руки-крюки! — сказал Дмитрий Дмитриевич. — Взял без разрешения, так хоть был бы осторожен... Вот человек...

— Вы обо мне? — спросил Человек.

— Это я о Коле, — ответил Дмитрий Дмитриевич, собирая осколки. — Не о вас речь...

Он достал веник и, сгорбившись и сопя, стал подметать пол.

— Дайте мне, — сказал Коля, — я подмету, это же моя вина.

— Знаешь, дорогой, если бы ты был моим лаборантом, то я бы...

— Вы бы?.. — тихо спросил Коля. Он не раз мечтал стать лаборантом Дмитрия Дмитриевича. — Вы бы?..

— Я бы... Это был бы твой последний день на работе. Коля несколько раз переступил с ноги на ногу, как будто беря разбег, а потом вышел в коридор.

— Коля! — крикнул Дмитрий Дмитриевич. — Куда ты? Ты прости, если я не так сказал...

— Коля что-то думает и не говорит, — вмешался в разговор Человек.

— Не всегда говоришь то, что думаешь, — сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Это характерно для населения этой планеты?

— Вам виднее, — быстро взглянув на Человека, сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Со мной ничего, совершенно ничего не случилось, — вдруг сказал Коля из коридора.

— Д-а-а-а... — Дмитрий Дмитриевич вспомнил, что сегодня Коля должен был сдавать последний экзамен. — Ну ты, во всяком случае, не расстраивайся... Был, знаешь ли, такой замечательный математик, собственно, геометр, Пуанкаре, один из основателей теории относительности. Так вот, когда он сдавал один раз чертежи, будучи студентом последнего курса, ему сказали, что он никогда не станет геометром...

— А мне какое дело до всяких там Пуанкаре? Все воображают себя умными, а вот как мне быть?

— Коля, будь терпелив, возьми себя в руки.

— На эту тему я все читал, я знаю, что все смогу. Я на логарифмической линейке за один час умножать и делить научился. Честное слово, чтоб Мне вспухнуть!

— Ты можешь вспухнуть? — удивился Человек.

— Это он так, преувеличил немножко.

— А вы что, подумали, что я действительно могу вспухнуть? Вот здорово... — Коля засмеялся, и смех его кончился чем-то вроде всхлипывания. Коля вытер слезы. — Не сдал я, вот что... Провалился...

— Физику не сдал? — спросил Дмитрий Дмитриевич.

— Да, физику... Теперь мне не быть ученым, а я так хотел! Я все изучил бы... Невезучий я, наверно. Все хорошо, хорошо, а потом сразу плохо... Вот метеорит нашел, какой интересный метеорит, а потом он рассыпался, исчез...

— Коля, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — ты и представить себе не можешь, как я жалею, что он потерялся!

— Почему? — настороженно спросил Человек.

— Какой бы я шлиф сделал!.. — мечтательно протянул Дмитрий Дмитриевич. — Я распилил бы его на тонкие дольки, потом на шлифовальном круге...

— Но мне кажется, — сказал Человек, — что наша встреча, встреча со мной, компенсирует потерю метеорита? Не так ли?

— Это, конечно, так. А все-таки жаль... Каждый метеорит несет в себе следы своей истории, и я уверен, что даже метеориты, которые не могут говорить человеческим языком, расскажут свою историю

в физических лабораториях, разболтают свои тайны в вакуумных камерах масс-спектрографов. И ключ лежит именно в числе и процентном содержании изотопов. Вот, например, литий... Или лучше возьмём кадмий, имеющий восемь изотопов...

— Восемь! — вздрогнул Коля. — Восемь? Дмитрий Дмитриевич, голубчик, сколько времени? Скорее скажите, сколько времени?

. — Без четверти восемь...

— Я бегу, я опаздываю, меня ждут, еще не ждут, но будут ждать... Ну что я скажу? Я не пойду, никуда не пойду... Что мне сказать?

— Кому? — спросил Человек.

— Ей, Лене... Мне так стыдно, если бы вы только знали, как мне стыдно! Она почти согласилась стать моей женой через пять лет.

— Не смею советовать, — пробормотал Дмитрий Дмитриевич. — В этих вопросах я не очень...

— Коля, — неожиданно сказал Человек. — Коля, пойдем вместе. Ведь мы с тобой были вместе и на Юпитере-Дмитрии Дмитриевич покачал головой и улыбнулся:

— Вы будете мешать.

— Но ведь я не мешал, когда Коля брал меня к Серафиму Яковлевичу.

— При чем здесь Серафим Яковлевич? — сердито сказал Дмитрий Дмитриевич. — Вы еще многого не понимаете... Так ты пошел, Коля?

— Да, — ответил Коля из коридора. Хлопнула парадная дверь.

Человек и Дмитрий Дмитриевич в упор посмотрели друг на друга.

— Так чего я не понимаю? — осведомился Человек. Дмитрий Дмитриевич медленно произнес:

— Это не так важно. Важно, что я многого не понимаю. Я не понимаю... вас.

— Меня? — удивился Человек.

— И весь мой жизненный опыт говорит за то...

— За то... — откликнулся, как эхо, Человек.

— Все говорит за то, что два удивительных, из ряда вон выходящих события не могут быть не связанными друг с другом, тем более что они наблюдались почти одновременно. Колин метеорит и встреча с вами — вот эти события.

Человек ничего не ответил и вышел в коридор, а Дмитрий Дмитриевич, взглянув в зеркало шкафа, увидел, что лицо Человека скривилось в насмешливую гримасу.

«ВЫ НЕ ТУДА ПОПАЛИ»

Дмитрий Дмитриевич в раздумье ходил по кабинету, а Человек сидел на кухне, скрестив на груди руки, когда раздался звонок. Дмитрий Дмитриевич вышел в переднюю и открыл дверь.

— А, Коля? Что мало гулял?

— Я с Леной.

— Вот молодцы... Очень приятно, здравствуйте, Лена, рад с вами познакомиться.

Коля повесил на вешалку кепку и покраснел, увидев, что Дмитрий Дмитриевич помогает Лене снять плащ: он, Коля, не догадался этого сделать.

— Мы... ходили, ходили, хотели в кино пойти, но билетов не достали, — извиняющимся тоном сказал Коля. — Вот я и предложил зайти к вам, это ничего?

— Наоборот, очень хорошо... Сюда, пожалуйста. Дмитрий Дмитриевич, попросив прощения за беспорядок, накинуд пиджак и сказал:

— Рассаживайтесь, друзья. Что, Леночка, Коля рассказал о своей неудаче?

— Рассказал.

— И как, вы к этому относитесь? Лена пожала плечами:

— По-моему, ничего страшного не случилось... Коля перебил ее:

— Конечно, для тебя ничего страшного. А для меня — целый год...

— Не следует огорчаться, Коля, — раздался в кабинете громовой голос.

Все вздрогнули и обернулись. На пороге стоял Человек.

Коля вскочил:

— Познакомься, Лена... Ох, я забыл, ведь вы уже знакомы...

— Здравствуйте, товарищ Антихрист, — насмешливо сказала Лена.

Человек почтительно пожал ее руку. «Почему Антихрист?» — хотел было спросить Дмитрий Дмитриевич.

Но Человек заговорил снова:

— Ты был огорчен, Коля, что не можешь получить свое, земное, знание — так я понял причину твоего плохого настроения, — и я решил кое-что сделать для тебя... Вот!

Он протянул Коле правую руку. На ладони лежал уже знакомый Коле прозрачный кубик.

— Я помню, — сказал Коля. — Вы в милиции с его помощью показывали нам историю своего мира...

— Здесь не только история. В нем вся наука, известная до меня — до дня моего вылета к вам, и здесь же моя записная книжка... Пока тебе нужно научиться читать простейшие вещи, потом я научу тебя, как им пользоваться...

— Но это все на чужом языке, на вашем языке...

— Сегодня я сделал перевод. И это очень просто. Я узнал почти все ваши слова, во всяком случае, те, что были в словаре русского языка... И многое из энциклопедии. В кубике эти слова хранятся в виде электрических импульсов очень несложной формы.

— Что-нибудь в виде азбуки Морзе, точка — тире? — спросил Дмитрий Дмитриевич.

— Немного сложнее, но смысл тот же... Ты, Коля, положишь свою руку на подставку кубика, вот так... Что, больно?

Коля прикоснулся к золотистым контактам в основании кубика и быстро отдернул руку... Сверкнули тоненькие искорки, и Коля вдруг вспомнил лес и найденный им камень, из которого били точно такие же голубые шуршащие искры...

— Больно, Коля?

— Нет, — ответил Коля. — Нет, не больно... Вы, Человек, помните, я вам рассказывал, что в тот день, когда вы появились, я нашел в лесу камень, странный камень... От него шли точно такие же искорки, точно такие...

— Что это и ты, Коля, и Дмитрий Дмитриевич мне весь день говорите про этот камень? — быстро сказал Человек. — Разве может существовать связь между камнем и мною, между камнем и живым человеком?.. Не отвлекайся, Коля!.. Возьми себя в руки, больно будет только вначале... Потом ты привыкнешь... Я сейчас дам задание кубiku. — Человек прикоснулся к контактам. — Каждый звук вашей речи будет сопровождаться картинкой, конечно, цветной и объемной... Потом картинки и звуки начнут чередоваться, пока твоя рука не научится читать.

— Рука?

— Да, рука. Ведь каждому слову будет соответствовать определенный набор импульсов, и тогда картинки будут не нужны... Ты прикоснешься к кубiku, и польется мысль, нужные сведения... А скорость, — Человек взмахнул рукой, — не сразу, конечно, но ты сможешь довести ее до двух-трех тысяч слов в вашу минуту...

— Немного странная система, — задумчиво сказал Дмитрий Дмитриевич, — слова превращаются в импульсы...

— Вы, как всегда, непоследовательны, — резко ответил Человек. — У вас телефон, радиоприемник. Разве по проводу телефона или по антенне радиоприемника не идут слова в виде импульсов электрического тока? Мой, как вы его назвали, «кубик» — только дальнейшее развитие этих идей.

— А это верно, Лена, — сказал Коля. — Раз мы можем чувствовать электрический ток, то почему это не использовать?...

— Ну садись, Коля, положи руку вот так... Не больно? Я еще уменьшу напряжение... — Человек вновь прикоснулся к кубiku, и над столом появилась блестящая, будто отлитая из серебра буква «А», ее сменила буква «Б», потом снова «А».

— Я чувствую разницу... Немного, но чувствую. Когда «А» — щеко тно и чуть-чуть покалывает.

Дмитрий Дмитриевич, словно пораженный какой-то мыслью, зорко взглянул на Человека, затем вновь перевел взгляд на кубик.

— Садитесь, Лена, — сказал он. — Ты, Коля, подвинь руку, пусть и Лена научится звездной азбуке... А мы с Человеком пойдем... Нам нужно еще о многом поговорить.

Они вышли на кухню, и Дмитрий Дмитриевич плотно прикрыл за собой дверь. Коля и Лена остались одни. Лена, не мигая, глядела на серебристые буквы, прислушиваясь к ощущениям в кончиках пальцев.

Буквы вскоре перестали появляться, и перед ними повис шар. Какой-то деревянный голос уныло повторял:

«Шар... шар... шар...»

— Тебе не надоело? — спросила Лена.

— Ты не о том думаешь, о чем нужно.

— А о чем нужно думать, Коля?

— О том, что мы прикасаемся к искусственному мозгу... В этом кубике, если Человек сказал правду, хранятся миллионы книг, картин, а он весит не больше килограмма.

— А как отыскать в нем то, что нужно?

— Наверно, при помощи вот этих двух контактов, к которым прикасался Человек... Знаешь, что, Лена? Я попробую сюда подключить батарею... Ему хорошо, он **сам** электрический, а вот нам...

— Но ты можешь испортить что-нибудь...

— Ничего, не бойся. Здесь у Дмитрия Дмитриевича под столом есть совсем севшие батареи.

Коля залез под стол и подал Лене пачку связанных проволокой сухих батарей. Потом он зачистил две проволоки и соединил оголенные концы батарей с контактами кубика. Раздался громкий треск, и по стенам заметались цветные тени.

— Кажется, я испортил... — упавшим голосом проговорил Коля.

— Погоди-ка. — Лена оторвала проволоки от кубика, и перед ними мелькнул шар, сразу же сменившийся пирамидой, потом высоким цилиндром. — Все в порядке. Только быстрее все меняется.

— Мы все-таки угадали. Кубик действительно управляется токами. Значит, так... — Коля пустился было в предположения, но вдруг зазвонил телефон. Коля взял трубку. — Слушаю.

Чей-то по-военному четкий голос сказал:

— Прошу Михантьева.

— Одну минуту...

Коля осторожно положил трубку на маленький столик и подошел к двери на кухню. За дверью гремел уверенный голос Человека. Коля прислушался — разговор шел о нем.

— Коля мне нравится, — говорил Человек. — Я возлагаю на него большие надежды... Таких, как он, две-три тысячи, наивных, немного глуповатых, в хорошем смысле слова, без излишнего нездорового любопытства, — и с ними я многое сделаю.

— Но все, что вы делаете, насколько я понял, вы делаете для себя, — ответил Дмитрий Дмитриевич.

— Да, конечно... Мне нужны люди... Правда, немного...

— А что вы думаете делать с остальными? Коля осторожно открыл дверь в кухню:

— Дмитрий Дмитриевич, вас к телефону зовут.

— Спроси, что нужно, сейчас не мешай. У нас тут занятый разговор-Коля вернулся к телефону.

— Что передать Михантьеву? — спросил он. — Ми-хантьев подойти не может.

— Примите телефонограмму, — ответил голос.

— Одну минуту...

Коля ногой толкнул дверь в кабинет:

— Лена! Дай бумагу, скорее! Я принимаю телефонограмму... Да брось ты кубик, потом займемся!

Лена разыскала на столе чистый лист бумаги и карандаш.

— Я, кажется, начинаю понимать, как управлять кубиком, — шепотом сказала она.

— Говорите, я готов, — крикнул Коля в трубку.

— Сообщаю координаты нового метеорита, зарегистрированного сегодня в семнадцать часов десять минут...

Коля старательно записал ряд непонятных цифр.

— Кто принял телефонограмму?

— Ростиков, — серьезным голосом сказал Коля. Он бросил трубку, схватил листок с записью и бросился на кухню.

Человек по-прежнему сидел на табуретке, скрестив на груди руки, а Дмитрий Дмитриевич стоял перед ним, нагнув голову и сжав кулаки. По-видимому, они о чем-то спорили, и Коля смущенно попятился. Дмитрий Дмитриевич оглянулся.

— Что там такое? — раздраженно спросил он.

— Телефонограмма...

— Давай...

Дмитрий Дмитриевич вырвал из рук Коли листок и, снова повернувшись к Человеку, продолжал:

— Нет, дорогой мой, не для того я неделями не вылезал из танка и хоронил погибших друзей от Волги до Эльбы, чтобы...

— Это к делу не относится. Вы уверены в нереальности моего замысла?

— В конечном итоге — да!

— И вы думаете, что я не найду людей?

— Подлецов на ваш век хватит... Вас даже будут хвалить... кое-где, но, в общем-то, вы не туда попали.

— То есть?

— Думаю, где-нибудь западнее вы нашли бы больше претендентов на должность... Там вы скорее нашли бы рабов, которые лизали бы вам пятки и убивали бы по вашей указке.

— Не понимаю... Почему западнее?.

— Другое воспитание. И вообще... Многого вы еще не понимаете.

Дмитрий Дмитриевич бегло проглядел листок телефонограммы.

— Так... так... Постой-ка! — Он вынул из кармана потрепанную записную книжку и, переводя глаза с ее раскрытых страниц на телефонограмму, закричал: — Еще одна пустышка прилетела! То-то, я смотрю, вы сегодня осмелели! Все совпадает — те же высоты, те же координаты... Вот почему вы совсем по-другому заговорили и больше не затягиваете ответов! Это ваш хозяин прилетел! Вот что! Хозяин прилетел!

В кухню заглянула Лена и дернула Колю за рукав.

— Идем в кабинет, быстро, — сказала она, — там сейчас такое делается...

СТРАННЫЕ, СТРАШНЫЕ СКАЗКИ

— Я без тебя несколько раз включала и выключала батарею, и вот...

Коля уже занес было ногу, чтобы переступить порог кабинета, да так и застыл с поднятой ногой: в кабинете не было пола, мутная болотная вода, поросшая зеленой пеной водорослей, плескалась у его ног, вместо стен кабинета был лес. Высокие, наклонно стоящие в воде деревья, похожие на зеленые фабричные трубы, окружили Колю. Но вот лес неожиданно дрогнул и понесся к нему навстречу, забурила вода, и сплошной стеной поднялись впереди фонтаны брызг. Лес расступился, и открылась поросшая сочными травами степь. Слева синела полоска озера. Небо над Колиной головой было молочно-белым, от него веяло сыростью, в странных, похожих на шляпки грибов, кронах одиноких

деревьев застыли клочки тумана.

Прямо к Коле брел какой-то человек. Он был еще далеко, но каждый его шаг отдавался подземным гулом, широкая полоса смятой травы тянулась за ним. Он был ростом с четырехэтажный дом, и, когда он приблизился, Коле пришлось задрать голову, чтобы взглянуть ему в лицо: о земли голова казалась несоразмерно маленькой, лицо гиганта закрывала беспорядочная лохматая борода, под округлыми густыми бровями светились добродушные зеленовато-синие глаза. К животу он прижимал какой-то пузырь со вставленными в него пустотелыми стволами деревьев, и дул в один из стволов, и, перебирая похожими на бревна пальцами, свистел и гудел, локтями надавливая на пузырь этой своеобразной волынки, и, изгибаясь в такт всем телом, время от времени притоптывал босой ногой.

Какое-то дикое, непередаваемо вольное веселье было в этой музыке, и Коля, подчиняясь ритму, тоже топнул ногой и почувствовал, что сейчас сам пустится в пляс, но вдруг откуда-то сбоку, из леса, вынырнула огромная ящерица и, подбежав к ногам гиганта, поднялась на задние лапы и закивала головой. Ящерица была втрое выше, чем Коля, но доходила великану только до колен.

— Это ящер! Смотри-ка... — сказал Коля.

— Брат, — загремел голос гиганта, — зачем прилетел? Шестьсот лет ты не был у меня, моих лет...

— Но моих только двести, — услышал Коля и вздрогнул: это был голос Человека.

— Слабое оправдание, — заметил гигант, и по движению его губ было видно, что слова его имели совсем другое звучание: кубик все старательно переводил. — Впрочем, что мне до тебя? Мне подарили эту планетку, и я не жалею ни о чем — здесь я счастлив...

— А ты еще вырос, — раздался голос Человека.

— Это верно, — самодовольно усмехнулся гигант, — И мне, пожалуй, было трудней остановить рост, чем продолжать расти.

— Но как ты вернешься назад?

— Зачем?

— Ты не сможешь вернуться, ты вырос, ты слишком вырос для своего снаряда, а другого тебе не сделать. Да и зачем тебе возвращаться? Там, дома, ты стал бы пугалом для детей.

— Ты дурак! Я счастлив, понимаешь? Вчера я боролся с существом, один вид которого заставил бы тебя содрогнуться. Его -шкура сейчас на мне, а череп я отдал летающим ящерам. А сегодня утром было душно, жарко, и я прыгнул вон в то озеро, и как улепетывало от меня всё живое!.. Но скоро я уйду на север, здесь начнутся дожди, а там, на скалах, прохладно, и ящеры слетаются туда, чтобы отложить яйца... Что за прелесть, брат, яйца летающих ящеров! Ешь, ешь — и все мало... Но и клювы у мамаш — того и гляди, что глаз выколлют!..

— Должен сказать, — зазвучал голос Человека, — что твои работы по законам роста до сих пор не теряют своего значения... О них говорят, и некоторые жалеют, что ты прекратил их...

— Да, я все оставил... Потом, со скуки, может быть, и займусь чем-нибудь... Есть у меня и новые наблюдения и мысли...

— - Какие мысли?

— Вот уж тебе говорить опасно.

— Так ты все-таки меня боишься?

— Я?. Боюсь?! Ну говори, зачем прилетел! Я знаю, зря ты не прилетишь!..

— Представь, что просто так... Захотелось поговорить с кем-нибудь близким... Все заняты. Слишком заняты, слишком... Ничего не замечаю вокруг себя!

— Что ж, если надоело дома, то оставайся здесь! Что может быть прекраснее усталости после борьбы?! А победа, честная, заслуженная победа... Но тебе не понять!

— Это не принесет мне радости... Мы слишком разные с тобой.» Ты, верно, забыл, кто ты, и последние битвы... А я все помню: ведь на мне уже тогда был шлем воина и миллионы механических рук подчинялись мне. Этого не забыть...

— Да, такой разгром забыть трудно! Но к чему эти глупые воспоминания? — загремел гигант. Он отбросил свою волынку, гневно поддел ногой дремавшего ящера, и тот убежал в степь с заячьим повизгиванием. — Разве нам с тобой не сохранили жизнь? И тебе очень нравилось, когда хвалили твои работы по управлению на рас. стоянии... Может быть, слишком нравилось, не возражай — ты был доволен.

— Доволен, да не тем... Но скажи, брат, ведь ты хорошо знаешь эту планету? Не видел ли ты здесь поблизости каменистого островка совершенно круглой формы? Ты бы должен был его заметить...

— Островок?

— Да, и на нем две скалистые вершины...

— Он совсем рядом. Я не раз был на нем. Там не растет даже трава, а когда я пытался отломить вершину скалы, она не поддалась. Не поддалась даже мне! Но зачем тебе этот остров?

— Зачем? Я все объясню тебе. О нем, об этом островке, рассказал наш отец перед смертью. И я обещал, что мы вдвоем придем туда, если будем живы. И вот я пришел.

Гигант низко наклонился над Колей, и ему показалось, что его в одно мгновение схватили и высоко подняли над землей. А потом все закачалось вокруг и понеслось назад. Видимо, гигант бежал во весь дух, потому что степь очень быстро кончилась и с высоты его плеча было далеко видно, — вдали

показались синее озеро и крохотный островок с двумя блестящими скалами на нем. А потом вокруг заплескались волны и впереди замелькали могучие руки плывущего гиганта.

Остров... Какие-то странные, отливающие свинцовым блеском камни вокруг, ни деревца, ни травинки. Сверкающая и щедрая жизнь планеты была бессильна перед этими скалами, и остров казался чужим и зловещим.

— Здесь! — сказал Человек, и его рука с длинными белыми пальцами указала на что-то среди екал. — Здесь помещалась секретная лаборатория, где и для тебя может, найтись много интересного. Прими камни с дороги. Вот так... И расчисть теперь этот проход для меня.

Тяжело дыша, гигант стаскивал камень за камнем, глыбу за глыбой, и они, тяжело переваливаясь, скатывались вниз, с плеском исчезая в волнах озера. Коля увидел, что снизу камни имели форму правильных выпуклых многогранников, блестящих, будто отшлифованных. Но вот в скале появилось овальное окно, затянутое полупрозрачной перепонкой. Рука Человека уверенно нарисовала на ней какой-то сложный знак. Он был похож не то на прописную букву «Д», не то на исковерканный скрипичный ключ. Прошло мгновение — и окно распахнулось, полупрозрачная пленка лопнула и открыла зияющий вход в пещеру. Вдруг наступила полная темнота, а когда вспыхнул ослепительный красный свет, вокруг были блестящие стены пещеры. Казалось, что эти стены сложены из продолговатых темно-красных камней, и Коля замер: где-то он видел такие камни! Но где?

— А ведь это не лаборатория! — гулко прокатился под сводами пещер голос гиганта. Он лежал на животе перед пещерой и одним глазом тревожно заглядывал внутрь. — Это не лаборатория! Это арсенал! Да, я вижу! Здесь боевые автоматы! Ты что задумал?! Уходи отсюда! Ты что задумал?! Ты опять за старое? Прочь отсюда!

— Ты поглупел и одичал, брат, — ответил Человек: — А я был уверен, что тебе, такому большому и сильному, понравится моя мысль. Да, высокое наслаждение видеть, как в результате твоих трудов рождается новая звезда, несущая свет, и тепло, и жизнь; или оживить вулкан, превратив его в источник энергии или новых минералов, но что выше победы над людьми! Над людьми, брат, а не над глупыми ящерами... И не просто над людьми, а над творцами, каждый из которых стал силой космического масштаба... А тебе нечего бояться, ты — мой брат, и о тебе думал наш отец, когда, умирая, доверил мне великое знание и великий знак мести...

— А мне ты отведешь роль шута? И для твоего развлечения я буду сражаться с ящерами на земле и под водой?..

— Но я не буду тебя часто беспокоить. Ты и так этим занимаешься. И у тебя нет никаких обязанностей...

— Есть обязанность! Я сообщу о твоём замысле вею, всему народу! И тебя отсюда не выпущу.

Молочное небо мелькнуло в овальном окне, потом его заслонила глыба камня, и слышалось, как Гигант все наваливает и наваливает на выход из пещеры камень за камнем. А перед глазами Коли возник такой знакомый ему шлем с высоким шпилем... Он лежал на возвышении посередине пещеры. Руки Человека жадно протянулись к нему, и наступила темнота...

А потом замелькали новые картины. На мгновение опять показались пещера и сотни нечеловечески проворных рук, которые разбирали завал... Мелькнуло огромное бородатое лицо гиганта с перекошенным ртом... И тут же гигант по колено в тинистой болотной жиже — его мощные руки с остервенением отрывают от тела каких-то гибких, стремительных тварей, лезущих на него со всех сторон... Вот он упал, и бородатое, искаженное лицо все ниже клонится к взбаламученной воде, и зеленая тина смыкается над ним...

Потом появился какой-то зал, где люди, одетые в странные пестрые одежды, слушали в напряженном молчании высокого, худого юношу с горящими гневом глазами.

— Он бежал! — крикнул юноша. — Мы не успели его взять! И он захватил несколько боевых автоматов!

....Все неожиданно исчезло. Ни Коля, ни Лена не заметили, как в кабинет вошел Человек. Он держал на ладони погасший кубик.

— Я забыл предупредить, — сказал он, — здесь хранятся сказки, странные, страшные, не похожие на ваши... Их нельзя серьезно воспринимать... И потом, там, на кухне, Дмитрию Дмитриевичу почему-то стало больно...

— Больно? — воскликнул Коля.

— Ему стало нехорошо, — поправился Человек. Коля бросился на кухню и распахнул дверь: перед ним в неестественной позе стоял Дмитрий Дмитриевич. Он вытянул руки вперед, как будто неся что-то хрупкое... Коля дотронулся до него, и Дмитрий Дмитриевич рухнул, перед ним лицом вниз. Какой-то темный прямоугольник, шурша, выпал из его руки. Когда Коля его поднял, Человек, быстро спросил:

— Что там такое?

— Какая-то пленка, — ответил Коля.

Человек мягко взял ее из Колиных рук и, сжав в кулаке, смял. Пленка неожиданно вспыхнула. Человек не разжимал руки, пока не погас огонь.

— Лена, Человек, помогите! — крикнул Коля, пытаясь поднять Дмитрия Дмитриевича.

Он пригнулся; руки Дмитрия Дмитриевича бессильно легли на его спину. Лена очнулась от оцепенения и бросилась на помощь. Человек молча стоял в стороне. Дмитрия Дмитриевича уложили на диван и расстегнули ворот сорочки. Лицо его было совсем белым, как бумага.

Коля приложил ухо к его груди.

— Не слышу... - — прошептал он с ужасом. — Сердца не слышу! Дмитрий Дмитриевич!..

Он беспомощно огляделся по сторонам, затем кинулся к телефону:

— Алло, алло! Скорая! Скорее приезжайте? Да... Да, упал, понимаете, упал, и глаза открыты... Не знаю, ничего не знаю! Скорее... Я выйду встретить. Скорее, пожалуйста!

Лена открыла окно — свежий воздух ворвался в комнату вместе с шумом дождя. Прошло минут десять.

— Что же они медлят! — Коля выбежал на лестницу; со двора донесся гудок, приглушенный, мелодичный. — Приехали! — Коля кубарем скатился вниз.

Врач пощупал пульс, выслушал сердце.

— Камфару, кофеин, — бросил он сестре. — Как это с ним произошло? — обратился он к Коле.

— Как? Мы с Леной были вот в этой комнате, а Человек разговаривал с Дмитрием Дмитриевичем на кухне, потом...

— Он совсем неожиданно вскрикнул и упал, — вмешался Человек.

Врач с изумлением взглянул на него.

— Нет, нет, — сказала Лена. — Он упал потом, когда Коля к нему прикоснулся.

— Да, это было так.

— Случай сложный, нужно везти в клинику, — сказал врач, отводя наконец глаза от фарфорового лица Человека. — На носилки, — приказал он санитарам.

Дмитрия Дмитриевича вынесли из квартиры.. Коля выбежал вслед за носилками, умоляя санитаров быть осторожнее. Лена тоже хотела выйти, но Человек резко захлопнул перед нею дверь.

— Поговорим, — сказал он.

Когда носилки уже были в машине, врач, протягивая Коле полоску бумаги, сказал:

— Вы позвоните по этому телефону. Вы кто ему будете?

— Я? Ученик его.

— Так позвоните. И известите родных.

Врач сел в машину, и шофер, круто ее развернув, умчал Дмитрия Дмитриевича в холодную ночь.

Коля медленно поднялся вверх по лестнице и припал мокрым от дождя лбом к обитой клеенкой двери. «Что же случилось с Дмитрием Дмитриевичем? — думал он, нащупывая кнопку звонка. — Как он внезапно — А может быть, это... Человек? Нет, не может быть». Он позвонил. К двери никто не подходил. «Человек что-то сделал с Дмитрием Дмитриевичем. Между ними был такой резкий разговор...» Коля опять позвонил, но опять никто? не подошел, хотя не услышать звонок в квартире было невозможно.

Коля позвонил в третий раз. Теперь он был уверен, что Человек не подойдет к двери. «Но что с Леной? Она там одна... с ним... Нужно сейчас же открыть. Мало ли что произойдет за ближайшие пять — десять минут! В милицию? Не успею... Открыть, любой ценой открыть! Взломать, открыть дверь... Но здесь такой замок... Что у меня есть? — Коля нащупал в кармане нож. — Нож! Но нож не возьмет этот замок... А если... а если с черного хода?» Коля, сдерживая дрожь в ногах, выбежал во двор, обогнул дом и поднялся по лестнице черного хода. В нос ударил запах кошек, пыли, какого-то тления, влажный ветер гулял над выщербленными ступенями, свободно проникая сквозь выбитые стекла узеньких окон. Лестница освещалась только светом с улицы. Он ощупью отыскал дверь и просунул в щель лезвие ножа. «Там только один крючок, кажется, только один», — думал он, осторожно двигая нож снизу вверх. Крючок тихонько лязгнул, дверь приоткрылась со скрипом. Перед Колей была знакомая кухня. Он осторожно прошел вперед и прислушался. Из кабинета доносился голос Лены:

— Но ведь и я могу вам надоесть, и вы оставите меня на какой-нибудь безводной, горячей планете?

— Что вы, Лена! — Человек говорил торопливо и уверенно. — Я буду для вашей забавы гасить и зажигать звезды, для меня нет преград; я страдал много, очень много тысячелетий. Если бы вы, Лена, знали мою жизнь! Я хотел быть властелином своего мира, чтобы мои слова означали жизнь и смерть для миллионов людей... Я бы правил машинами, а машины правили бы миром. Но я просчитался. Машины не могут заменить людей. Мне нужны были живые помощники, а я слишком полагался на свои силы. И вот это случилось... Мне удалось бежать, Лена. Но я остался в одиночестве — это страшно, Лена. Как я ждал, как я стремился к вам, к людям вообще, любым: с каменными, топорами или с атомными реакторами!.. Но теперь мне нужна только ты, Лена. Мне так много нужно сделать! Будь же мне той, что на вашей Земле называют...

— Перестаньте строить свои грамотные фразы! — быстро сказала Лена. — Я согласна, почти... Мне нужно подумать...

— Думать?! Я положил к твоим ногам всю Вселенную!

— Мне казалось, что только часть, большую, но все-таки часть...

— Тебе мало? Я боялся излишней скромности, но ты достойна моего выбора...

— Мне нужно посоветоваться...

— Серафим Яковлевич был бы счастлив, в этом я уверен, он считает меня Антихристом... Это что-то вроде вашего бога, но наоборот... И, Лена, пойми, ведь я...

— Завтра, завтра утром я дам вам ответ. Вы ждали тысячи лет, подождете еще несколько часов.

«Предательница! — подумал Коля, сжимая кулаки. — Но кто же все-таки он, Человек? Чего он хочет?»

В коридоре зазвенел звонок.

— Опять Коля, — проговорил Человек. — Он надоел мне. Мне надоели все... все, кроме вас, Лена. Эти люди не понимают меня, моих замыслов! Горе вашей планете, если я ошибусь и на этот раз...

— Значит, Дмитрий Дмитриевич — ваших рук дело? Человек помолчал. Коля затаил дыхание.

— Нет, — сказал Человек. — Это вышло случайно. Но я могу...

Звонок повторился. Коля на цыпочках прошел коридор и распахнул парадную дверь. Навстречу ему шагнул Евгений Леонович.

— Туда нельзя. — Коля схватил Евгения Леоновича за рукав. — Там Человек, и Дмитрия Дмитриевича нет дома, он заболел.

— Ах, это опять вы? — сказал Евгений Леонович. — Между прочим, мне как раз и нужен Человек.

Евгений Леонович небрежно-ленивым жестом отстранил Колю, снял плащ и стряхнул с него капли дождя.

Дверь кабинета распахнулась, очень больно ударив Евгения Леоновича в спину.

— Простите, — сердито сказала Лена.

Она скользнула взглядом по лицу Коли, пожала плечами и вышла. Ее каблук торопливо застучали вниз по лестнице. Коля мгновение колебался, затем махнул рукой и бросился за ней. На бегу он услышал, как Евгений Леонович говорил:

— Я к вам, товарищ... э... Человек. К вам. Вы меня, вероятно, не помните...

Коля догнал Лену только на улице.

— Стыдно, — сказала Лена, — стыдно! Бросил меня одну, он мне такое говорил, предлагал!

— Мне стыдно?! Это тебе должно быть стыдно, я все слышал — ты согласилась, ты на все согласилась, а я так боялся за тебя! Как ты могла!

— А как ты мог стоять под дверью и молчать? И не мог ничего придумать? Ты трус! Не подходи ко мне!

Она круто повернулась и быстро зашагала по тротуару. Несколько секунд ошеломленный Коля смотрел ей вслед, затем крикнул:

— Так целуйся со своим Человеком! Ты мне не нужна... царица Вселенной!

«МЫ... Я... К ВАШИМ УСЛУГАМ»

Оставшись наедине с Человеком, Евгений Леонович уселся в кресло за столом Дмитрия Дмитриевича и обратил на Человека взгляд, исполненный искреннего восхищения, даже благоговения. Человек стоял у стены и пристально глядел на Евгения Леоновича.

— Я друг Михантьева, — заявил Евгений Леонович после небольшой паузы, заполненной калейдоскопом обворожительных улыбок. — Большой друг, смею вас уверить.

Человек молчал.

— Но при всем моем хорошем к нему отношении должен, считаю, так сказать, себя обязанным предупредить вас... поставить, так сказать, в известность... Видите ли, Михантьев... э-э... Кстати, он скоро вернется?

— Он не вернется, — сказал Человек.

— Как — не вернется?

— - Михантьев погиб.

Евгений Леонович встал и, держась за сердце, попятился к двери.

— Погиб? Как — погиб?

— Погиб по своей неосторожности. Несчастный случай, как вы это называете. Но я не жалею этого Дмитрия Дмитриевича. Он ничего не значит в моей схеме. Он ограничен и неумен.

Евгений Леонович перевел дух, измерил глазом расстояние до двери и до Человека, затем решился и снова вернулся в кресло.

— Да, — прошептал он восхищенно. — Вы правы. Представьте, вы правы. Какая глубина проникновения! Я потрясен! Да, я его друг, вольно или невольно консультирую его работы, но все напрасно... Все впустую. Ему разъясняют, доказывают, а он все свое. Именно ограниченный и именно неумный...

— Не будем о нем говорить...

— Вы расстроены? — Евгений Леонович погрозил пальцем. — Понимаю, понимаю... Только не огорчайтесь! Мы вас ждем, ждем, что бы ни говорилось, вы нам нужны!

Человек с любопытством наклонил голову:

— Я вам нужен? Кому и зачем я нужен?

— Нам, ученым, нам нужен корифей, лидер, глава! У нас был Ньютон, и все было понятно, все ясно, он говорил, и все внимали. Потом некоторое время держался Эйнштейн, но он не ладил с философами... И все-таки была какая-то определенность. А сейчас... Нам нужны вы, я помогу вам выйти в широкий мир, вы величайший ученый! Уже сейчас ползут слухи о рождении новой, совершенно гениальной теории возникновения планетных систем. Наука заинтересована в ней!.. Вы рассматриваете рождение планеты как скачок, мгновенный переход небольших, скрытых изменений в глубинах Солнца в качественный, величественный скачок — рождение планеты! При этом, вы заметьте, уничтожается самый большой недостаток катастрофических гипотез — исключительность явления. Из вашей теории с необходимостью следует наличие планет у большинства звезд. Это то, что нужно... И я надеюсь, что некоторые детали мы уточним и мир будет потрясен! Мы... то есть я... к вашим услугам.

— Я уже начал разочаровываться в населении этой планеты...

Человек вдруг утратил всякий интерес к Евгению Леоновичу. Казалось, он прислушивается к чему-то. Но Евгений Леонович не замечал этого.

— Разочаровываться? Вы начали разочаровываться? Но кого вы знаете? Разве можно составить себе правильное впечатление о море... наблюдая воду в стакане? Вас ждет целый мир, нельзя замыкаться в этой квартире! Вы были окружены людьми седьмого сорта. Этот мальчишка, кажется, Ростиков его фамилия, этот Дмитрий Дмитриевич, с узким кругозором, совершенно неумный. Да, да, да! И не переубеждайте меня! А я введу вас в широчайшую аудиторию. Вам будут аплодировать, на вас будут смотреть с любовью, удивлением, гордостью! Вы принесли нам бессмертие; со мной консультировались, и я сказал... сказал я, что это то, что нам всем нужно! Да, кажется, я так и сказал... Бессмертие! Да! Да! Да! Нужно срочно организовать лабораторию, нет — институт вашего имени! Как ваше имя?

— У меня нет имени... — рассеянно сказал Человек.

— Какая прелесть!.. Какая скромность! Это очень удачно, очень. Я одолжу вам свое, свое скромное имя, мне не жалко!

— В вашей болтовне есть... ядро... — задумчиво сказал Человек, медленно прохаживаясь по кабинету.

При слове «болтовня» Евгений Леонович вздрогнул, но тут же приятно заулыбался и поудобнее

уселся в кресле:

— А как замечательно то, что вы в таких масштабах направляете научную мысль на важность изучения ядерных изомеров. Это новинка, новинка! Так вот, некоторые детали... Как вы объясняете вращение планет в одну и ту же сторону?.

— Здесь сыграло роль вращение самого Солнца вокруг оси...

— Достаточно... Великолепно! Планеты, вырываясь из глубин звезды, двигались не по хорде или радиусу, а по некоторой кривой... И уравнение этой кривой можно совсем просто вывести... Все ясно! А, простите, как, в каком именно месте цепи превращений питательных веществ происходит перестройка молекул, после которой атом становится жизненно активным изомером?

— В зеленом листе, так как здесь нужна радиация, излучение...

— Достаточно, блестяще!.. Да, и здесь я, то есть мы, простите, вы не выходите из традиций великого... нет, по сравнению с вами, — просто известного Тимирязева.

Человек насмешливо взглянул на расхажившего Евгения Леоновича.

— Я только сомневаюсь в способностях и стремлениях...

— Люди отвратительны! Да, да, да! Я с вами согласен, но мы отберем, отберем, образуем школу, научную школу! Вы будете раздавать задания, я — требовать, да, требовать! Мы их всех... — Евгений Леонович решительно закрутил толстенькими ручками. — Вот так! Ведь у нас в руках будет рычаг, и какой рычаг! Бессмертие! Страх смерти одолевает нас с детства, с раннего детства. Вы попали в точку! А мы сможем лепить из избранных юношей и девушек то, что нам нужно.

Человек покачал головой:

— Нет, это не так просто. Вот вам один из них — Коля. Мне показалось, что это сырая глина, что я мог сделать из него товарища, помощника, великого слугу в великом деле... Но теперь я вижу...

— Колю?.. Ах, Ростикова... Он уже заражен! Уже! Эти мальчишки отравлены ядом, ядом уверенности и тщеславия. Они воображают, что все, все принадлежит им, что им достаточно будет просидеть пять лет на лекциях в институте и из них посыплется, как из рога изобилия, мысли и открытия, изобретения и книги. Они не понимают, что творит один из ста, один из тысячи, из миллиона! А остальное — материал, масса, фон... А ваш Коля уже напичкан, испорчен, это, простите, сырая глина, да. Но в ней — стальные обручи и шипы. Берегите руки, скульптор! Он начинен беспочвенными фантазиями, он не в состоянии выполнять не раздумывая, без назойливых вопросов, он, видите ли, задаст вам сто тысяч «почему?» и миллион «для чего?» И у таких желторотых находятся покровители! Некоторые ученые вообще считают, что именно с такой молодежью можно связывать будущее науки, но довольно об этом, нам необходимы вы, ваши идеи... Вы не явились к нам с пустыми руками, это несомненно. Бессмертие, новая космогоническая гипотеза — все это хорошо... Но вот в какой бы еще области... Интересно... Как вы добываете те или другие ископаемые, руды, минералы?..

Человек нетерпеливо передернул плечами:

— К сожалению, это почти в ваших руках...

— В наших?

— Да. Дмитрий Дмитриевич говорил мне, что антипротон уже открыт вами...

— Антипротон? Частица с массой протона, но заряженная отрицательно? При чем здесь антипротон? Вы не спутали?..

— Нет, не спутал... Представьте, что в какое-нибудь вещество попадает пучок антипротонов. Стоит антипротону попасть в ядро любого элемента, как это ядро немедленно разрушится, превратится в два-три осколка... И соединение...

— Достаточно! Изумительно!.. Но такая установка вряд ли осуществима! Насколько я знаю, каждый полученный антипротон обошелся в изрядную сумму.

— Вы пока еще не освоили ускорители частиц, — ответил Человек. — Такая установка не только осуществима, она существует и, как можете убедиться, довольно портативна.

Человек отвернулся от Евгения Леоновича и что-то принялся доставать и свинчивать. Евгений Леонович подошел на носках и заглянул: в руках Человека был какой-то напоминающий раковину улитки аппарат. Человек осторожно прикрепил к нему рукоятку.

— Могу показать в действии, — сказал он.

— Это было бы замечательно, — восторженно проговорил Евгений Леонович, — замечательно!

Фиолетовый луч вырвался из узкого носика аппарата, и Человек направил его на стену; задымилась штукатурка, по стене змеей пополз темный след. Человек сделал рукой вращательное движение и погасил луч.

— И все? — разочарованно сказал Евгений Леонович.

— Толкните рукой обведенную часть стены, — предложил Человек.

Евгений Леонович подошел к стене и, забравшись на стул, толкнул очерченное лучом место — с шумом вывалилась кирпичная кладка стены. Евгений Леонович не удержал равновесия и свалился со стула. Наступило продолжительное молчание.

— Это черт знает что, — сказал наконец Евгений Леонович, отряхивая белую пыль с рукава. — Но это замечательно, колоссально! Так если бы вы, скажем, на меня навели такую штучку, то... — Он зябко поежился и оглянулся на образовавшееся в стене отверстие, через которое виднелось ночное небо,

покрытое тучами.

— Углерод превратился бы в бор, и белок распался...

— Какой там белок! Ни рожек, ни ножек!.. Но — восхитительно! Так я пойду, пойду...

— Уже? Но вы ведь сами предложили начать с вами серию...

— Конечно, что за вопрос, но только не нужно спешки, не нужно. Вначале я выпущу несколько статей, а потом... В общем, ждите, я к вашим услугам.

Евгений Леонович, пятясь и не спуская умильно прищуренных глаз, отступал к двери.

— Вы лучше всех, — неожиданно сказал Человек, — меня никто не понимал. Ваши ученые направили меня в милицию, а Дмитрий Дмитриевич...

— А что, простите великодушно, вам сказали в милиции?

— Выдали какое-то временное удостоверение. — Человек достал из ящика письменного стола сиреневый листок.

— Дайте мне его, дайте, — торопливо проговорил Евгений Леонович. — Я немедленно обменяю его на...на. диплом академика — для вас, конечно, для вас! И тогда — почет, слава, признание... — приговаривал он в коридоре. — Я позвоню, забегу, до свидания, до свидания...

Не помня себя от ужаса, Евгений Леонович выбежал из дома.

— Такси! — кричал он. — Такси! Стоявшая у тротуара машина лениво тронулась с места, ее зеленый огонек мигнул и погас.

— Шофер, я прошу скорее, скорее отсюда!

— А вам куда? Куда ехать, спрашиваю?

— Куда угодно, только быстрее! Евгений Леонович задумчиво поднес к глазам удостоверение.

— Хотя... Шофер, вы случайно не знаете, где вот это отделение милиции? — Евгений Леонович показал отметку на удостоверении Человека.

— А как же, знаю, — ответил шофер. — Был у меня один случай в этом районе.

— Прекрасно! Поезжайте туда, немедленно! У отделения милиции Евгений Леонович попросил шофера его подождать, а сам прошел к начальнику.

— Я хочу сделать заявление чрезвычайной важности, — сказал он. — Я — профессор Кучерявый. Это удостоверение выдано вами?

— Это... Да, да, я вспоминаю... Любопытный такой случай, все забываю спросить, как этот Человек себя ведет.

— А нужно было бы спросить, — наставительно сказал Евгений Леонович. — Как ученый и гражданин заявляю, что этот, как вы его здесь называли, «Человек» обладает невероятно опасным оружием. На моих глазах он проделал в капитальной стене отверстие вот такой величины. — Евгений Леонович показал руками, какое именно отверстие.

— Чем? Чем он сделал это отверстие?

— Каким-то лучом...

— Лучом?

— Ну, знаете ли, я — не соучастник, я пришел к своему знакомому, Дмитрию Дмитриевичу Михантьеву, и случайно стал свидетелем его упражнений. А вам нужно действовать немедленно, сию же минуту! Поведи этот Человек своим лучом на уровне мостовой, и целый район Москвы превратился бы в развалины.

— Что ж, благодарим вас, товарищ Кучерявый, мы сейчас же займемся этим вопросом. Разрешите только записать ваш адрес.

— Адрес, номер телефона — все, что угодно! Только скорее действуйте. Его аппарат имеет такую закрученную форму, блестящий, спрятан у него на груди...

Евгений Леонович вернулся в такси и не отъехал от отделения милиции, пока со двора, примыкавшего к отделению, не выехала синяя машина с красной полосой посередине.

— Вот теперь домой, на Арбат, — облегченно сказал он.

Заявление Евгения Леоновича произвело впечатление. Дом, в котором жил Дмитрий Дмитриевич, был оцеплен. Сам начальник отделения милиции, поднялся наверх и позвонил. Первое, что он увидел, войдя вслед за Человеком в кабинет, была круглая дыра в стене.

— Чем вы это сделали? — спросил он.

— Это? — Человек указал на дыру в стене.

— Видите ли, к нам обратился один очень уважаемый человек и заявил, что у вас есть такая закрученная штука...

— Да, есть...

— Мне хотелось бы на нее посмотреть... И, к сожалению, забрать.

— Вы — племя предателей! — кричал Человек так, что в ушах у начальника отделения зазвенело. — А если и Лена?! Я вас всех уничтожу! Всех!

— Полегче на поворотах, приятель! А ну!.. — Начальник отделения протянул руку к кобуре с пистолетом, но Человек прыгнул прямо в открытое окно.

Начальник отделения выглянул наружу: через двор вихрем пронеслась какая-то темная фигура и исчезла в воротах.

— Все на улицу! — закричал начальник отделения. — Быстрее!..

В это самое время Евгений Леонович звонил у дверей своего дома. Ему открыла жена. Евгений Леонович вошел в дом, держа руки перед собой и полужакрыв глаза.

— Феня! Феячка! — позвала жена домработницу. — -Скорее туфли! Туфли Евгению Леоновичу, и ставьте чай! Живо!

Жена пробежала в кабинет и быстро вложила в пишущую машинку лист бумаги.

— У тебя был удачный день? — спросила она, но Евгений Леонович не ответил.

Он быстро застучал по клавишам машинки.

— «К вопросу о роли ядерных изомеров в биохимии жизни», — читала жена через плечо Евгения Леоновича.

— Дай мне чистый лист! — приказал он.

— «Новая теория происхождения Солнечной системы, сообщение первое», — громко прочла она второй заголовочек.

«Практические применения антипротонных пучков большой мощности» — было на третьем листе.

— Евгений, откуда этот поток, этот каскад мыслей?

— Я недавно консультировался, с одним интересным человеком, и вот результат...

— Но почему ты ставишь только свое имя? Ты опять хочешь иметь неприятности?

— У него нет имени! — строго сказал Евгений Леонович. — И вообще, он не человек... Он преступник, моя дорогая, преступник!..

СТУДЕНЧЕСКИЙ БИЛЕТ

Коля проснулся оттого, что ему стало трудно дышать. Он громко чихнул и сел на кровати. Было еще очень рано, но Анфиса Тимофеевна уже встала и возилась за перегородкой.

— Простудился, так я и знала, — сказала она. — Еще бы, под таким дождем разгуливать! Вставай, горячего чаю попьешь. Горло небось дерет?

— Ага, дерет...

— То-то, институт уже прогулял, теперь вот здоровья лишишься, кому ты тогда будешь нужен?

После чая Коле стало легче, но Анфиса Тимофеевна накапала несколько капель йода в чашку с водой, всыпала горсть соли и отправила Колю во двор полоскать горло. Коля, запрокинув, как гусак, голову, щурясь от яркого солнца, слушал, как клокочет в горле отвратительная горько-соленая жидкость.

— А ты все-таки тип, — услышал он голос Виталия.

— Почему? — спросил Коля и набрал в рот новую порцию «снадобья».

— Еще спрашиваешь... — Виталий уселся верхом на жердь, отделявшую владения Анфисы Тимофеевны от остального мира. — Не думал я, что зазнаешься...

Коля плюнул, с удовлетворением отметил, что полоскание в чашке осталось на один глоток, и снова забулькал и заклокотал.

— Говорил — не сдал, только вчера сам говорил, а я вечером документы получал, к спискам подошел, и вот вам: Ростиков принят на первый курс...

— Как! — крикнул Коля и затрясся от кашля. Виталий соскочил с забора и пребольно стукнул его ладонью по спине.

— Я же не знал, Виталька?

— Не знал? Может быть... Но так друзья не делают...

— Не знал! Ты сам читал? Не врешь? Сам видел? Да я же был уверен, что мне, дай бог, «тройку» поставят! А может быть, меня по ошибке... а?

— Может быть...

— Я сейчас же поеду, сейчас же! Виталька, поедешь со мной?

— Чудак, я же на работу иду. Ты приходи вечером, расскажешь...

Коля вбежал в дом, схватил пиджак.

— Тетя Фиса! Я, говорят, студент, честное слово? Даже не знаю, как это получилось...

— Но тебе ж сказали...

— Мне? Ничего мне не говорили, я сам так подумал-Подумал, что не сдал.» Конечно, им со стороны виднее было, как я отвечал.

Коля вспомнил аспиранта, который вел экзамен, выражение его глаз. Теперь Коля был уверен, что аспирант смотрел на него ободряюще.

— Надевай, — сказала Анфиса Тимофеевна и протянула Коле голубую рубашку, — надевай, студент... Это я тебе приготовила.

— - Новая рубашка... И запонки! Вы гений, тетя Фиса, честное слово, гений! У меня в голове *все* перепуталось... Я — студент!

Коля вышел в переднюю и принялся плескаться, а Анфиса Тимофеевна, крикнув: «Деньги на билеты оставила, хватит зайцем ездить!» — ушла на работу.

Коля надел рубашку и, осматривая себя в зеркальце Анфисы Тимофеевны, думал: «Люди-то, люди какие все хорошие! Анфиса Тимофеевна... А аспирант — не посмотрел на Евгения Леоновича! А Лена, Виталька, — все, все хорошие!.. И Дмитрий Дмитриевич... Дмитрий Дмитриевич!» — Непонятные и

тяжелые события последних дней встали перед ним во весь рост. Вчера его так и не пропустили в клинику к Дмитрию Дмитриевичу. «Нужно ехать, сейчас же. Забегу на минутку в институт — и к Дмитрию Дмитриевичу... Жив ли он? Что произошло между ним и Человеком?..»

«Может быть, может быть, может быть... может быть, ты, Коля, студент...» — говорили колеса электрички Виталькиным голосом.

— Мне в приемную комиссию, — сказал Коля вахтеру института.

— Только с двух часов...

— Мне сказали, что я, кажется, принят в институт, здесь где-то списки висят.

Его пропустили, и Коля начал просматривать списки, начав с буквы «А». «Абрамов, Акимов, Астахова, Атрощенко...» Да что я? Нужно найти на «Р»... Но среди фамилий на букву «Р» его фамилии не было... «Неправду сказал Виталька, неправду!»

— Нашли? — спросила вахтерша.

— Нет, не приняли, — ответил Коля.

— А вы по какой специальности?

— Я? — Коля взглянул на, заголовок, приколотый кнопками к щиту со списками. — Я не сюда! Я же подавал на теоретическую и экспериментальную физику. Где их списки?

— А вон там, направо, еще одна доска, стоит. » — Вахтерша указала связкой ключей. Коля подбежал к другому щиту.

— Нашел, — проговорил он, задыхаясь от волнения. — Нашел! Вот он я, Ростиков... А где студенческие билеты получают?

— Это наверх иди, в деканат.

В деканате Колю встретил знакомый аспирант.

— Ростиков... — сказал он. — Сейчас я тебе билет выпишу и пропуск, партизан.

— Партизан? Я не партизан...

— Поздравляю вас, Ростиков, желаю вам успешно окончить курс института, — говорил аспирант, просматривая стопку серых книжек. — Ага, выписан и подписан, вот он. — Аспирант протянул Коле билет и добавил: — А я тебе благодарен — напомнил ты мне мою студенческую молодость, тоже шумели, спорили.

— Скажите, Сергея Кайгородского тоже приняли?

— Да, только перед тобой вышел, минут десять назад.

Совсем другим стал институт. Коля шел по коридорам, узким, полутемным; принюхивался к каким-то особенным загадочным запахам; все, что раньше сковывало, слушало его, исчезло. Институт стал его, Колин. Он приоткрыл дверь в одну из лабораторий и бодро кивнул сердито посмотревшему на него лаборанту. Перед парадной дверью Коля вытащил студенческий билет и показал его вахтерше.

— Ну и слава богу, — сказала она. Коля так и вышел на улицу, держа открытым студенческий билет.

«Теперь — в больницу, к Дмитрию Дмитриевичу». В вестибюле дежурная сестра сказала ему:

— Состояние больного немного лучше, во всяком случае, лучше, чем вчера. Он пришел в себя. Если хотите, можете его навестить. Вы родственник Михантьева?

— Я не родственник, я его ученик, — ответил Коля.

— Тогда не знаю... А что, родственников у больного нет?

— Я точно не знаю, — сказал Коля, — кажется, нет...

— Ты опять здесь! — услышал Коля знакомый голос и машинально отскочил в сторону.

Он не заметил, что к столику, за которым сидела сестра, подошел Борис Федорович.

— Борис Федорович, ведь Дмитрий Дмитриевич

здесь, у вас лежит.

— Больной Михантьев в терапевтическом отделении, — сказала сестра, — а гражданин ему не родственник.

— Знаю, все знаю, — сказал Борис Федорович. — Бери халат, и идем, быстро! Вот что, понимаешь, получилось с этим вашим чудовищем...

Коля едва поспевал за Борисом Федоровичем. Они прошли в отдаленное крыло клиники. Какая-то особенная тишина окружала Колю, мягкий ковер заглушал шум шагов. В конце коридора Бориса Федоровича остановил совсем еще молодой врач.

— Родственник? — спросил он, указав глазами на

Колю.

— Нет, не родственник, но близкий больному человек.

— Я должен вас предупредить, — сказал врач. — Поменьше шума и недолго... И кроме того, у него провалы в памяти, не нужно вопросов...

Шторы в палате были спущены, и Коля не сразу разглядел койку, на которой лежал Дмитрий Дмитриевич. Глаза Дмитрия Дмитриевича были открыты, бледные руки бессильно покоились поверх простыни.

— Что с вами, Дмитрий Дмитриевич? Что с вами случилось? — спросил Коля.

— Не помню... Помню, пришла Лена, и все...

— Вы узнаете меня? Я Коля, Коля Ростиков...

— Узнаю... Ты, Коля, запиши...

— Вот бумага, — тихо сказал врач.

— Киев... улица Короленко, пять, квартира двенадцать... Бойко Варваре... Желаю счастья... Дмитрию. И все... Все... Ей казалось, что я медленно делаю карьеру... Карьера... Глупость какая... Найдешь профессора Семочкина... Аркадия... Владимировича, да, Владимировича... Не забудь отчества... Владимировича... Пусть мои книги возьмет... Да, еще... Там, в столе, работа... «Масс-анализ и происхождение метеоритов»... Аркадий пусть отредактирует... Владимирович... Если найдет сносной, пусть напечатает... Теперь все...

— Неужели? — прошептал Борис Федорович. Врач приоткрыл простыню. Борис Федорович нагнулся. По ноге Дмитрия Дмитриевича тянулся какой-то похожий на тонкую веточку след: он бесконечно ветвился у колена и уходил к пальцам ноги.

— Напряжение огромное, — сказал врач. — Это не осветительная сеть. Я никогда не видел такую сетку следов на теле больного... Ну, он закрыл глаза, хочет отдохнуть. Идемте.

— Коля, — неожиданно позвал Дмитрий Дмитриевич, — я что-то хотел сказать... Хозяин прилетел, прилетел хозяин... но к чему это... Не помню... Хозяин прилетел... — Он вдруг широко раскрыл глаза. — Вспомнил... Человек где? Но дело не в нем... не в нем... не в нем... Прилетел хозяин, вот что! Берегитесь, прилетел хозяин! Бере...

Голос его упал до шепота, глаза закрылись. Молодой врач наклонился над ним, затем махнул Борису Федоровичу и Коле рукой.

— Уходите, — шепнул он. Они вышли из палаты.

— Я, Борис Федорович, сделаю все, что смогу, — сказал терапевт. — Мне кажется, что ток миновал сердце, может быть, поэтому больной так быстро пришел в себя... Я надеюсь...

— И я надеюсь, — ответил Борис Федорович. — Ты, Коля, дай мне эту бумажку, я все сделаю, о чем просил Дмитрий Дмитриевич. И еще кое-что сделаю... Я твердо уверен, что это т. твой Человек...

— И я, — сказал Коля, — и я тоже так думаю...

— К Дмитрию Дмитриевичу не ходи, в его квартиру, понимаешь? Хватит с нас и Дмитрия Дмитриевича.

«Нужно предупредить Лену, нужно предупредить, — думал Коля, выходя из клиники, — ведь она ему верит!»

СНОВА КРАСНЫЙ КАМЕНЬ

В тот самый момент, когда Коля с восторгом перечитывал свою фамилию в списке первокурсников, в доме Серафима Яковлевича начались удивительные события.

Лена собралась уже было в техникум и выбежала на минутку во двор, чтобы привязать на день Ласточку, как вдруг звякнула щеколда, калитка распахнулась, и во двор вошел Человек.

— Назад, — кричала Лена, — назад! Куда вы?! Но было уже поздно: Ласточка, старательно обгладывавшая молоденький кустик смородины, подняла голову, искоса взглянула на Человека и двинулась к нему навстречу.

— Я больше не могу ждать, — сказал Человек.

— Ласточка! Ласточка! — Лена бросилась к Ласточке, но та уже взяла разбег и, выгнув дугой хвост, понеслась к Человеку.

— Стой! Стой! — кричала Лена, зажмурив глаза. Раздался короткий треск, и Лена сквозь закрытые веки почувствовала вспышку света.

Когда она открыла глаза, все было кончено. Человек, заброшенный неожиданным ударом на забор, быстро пробежал пальцами по груди, ощупывая ушибленное место; Ласточка стояла неподвижно; ноги ее крупно и часто дрожали, подергивалась наклоненная для удара голова.

— Что с вами? — спросила Лена. — Вы живы?

— Конечно, — ответил Человек. — Я просто не ожидал...

В это мгновение Ласточка издала слабое мычание и как бы нехотя повалилась на траву.

— Убил! А, чтоб тебя разорвало! — Во двор выскочил Серафим Яковлевич в пиджаке, наброшенном на голое тело, и туфлях на босу ногу; он только что начал бриться, и на одной половине его лица висела пена. Он подбежал к Ласточке и заглянул ей в глаза.

— Я кричала, предупреждала, так нет, убил... — сказала Лена.

— Я просто сейчас возбужден, и у меня все ошетинилось, если можно так сказать, — нехотя оправдывался Человек.

— Сказать все можно, а вот убивать ни в чем не повинное животное нельзя, — рассеянно проговорил Серафим Яковлевич, поглаживая раздувающееся на глазах брюхо Ласточки. — Да что я делаю? Нужно бежать! Бежать за ветеринаром, к Ваське-резнику бежать! Кровь же надо пустить!

— Дед, не оставляй меня, — сказала Лена, но Серафим Яковлевич замахал руками и бросился к калитке.

— Это очень хорошо, — начал Человек, проводив глазами Серафима Яковлевича, — очень удачно... Мы одни, Лена... Вы вчера мне сказали почти «да», почти...

— Да, — крикнула Лена, — да, я — ваша! Я оставлю эту глупую планету, с этим уродливым голубым небом, с этим отвратительным восходом солнца, да, я ее оставлю, ради... трона, вы, кажется, мне трон обещали? Как у царицы?

— Лучше!

— Да, я ее оставлю ради трона в безвоздушном пространстве, в вакууме... Я оставлю людей с их вечными заботами о свободе и хлебе ради вас, посланного мне самим небом... Пойдемте в дом.

Они поднялись на террасу. Человек смахнул со стола бритвенный прибор Серафима Яковлевича, легко подпрыгнув, уселся на край стола.

— Мне сейчас даже смешно, — сказал Человек. — Ты знаешь, Лена, я вчера был до того возмущен этим морем непонимания, косности, недоверия, что было хотел вас всех уничтожить...

— Всех?!

— Да, всех... И мне вдвойне приятно, что ты так резко отличаешься от Дмитрия Дмитриевича, от Коли, от... Да, вчера, когда ты ушла, я был снова обманут... А ведь я могу потушить ваше солнце, могу смести с лица земли все живое, я могу...

— Я догадывалась, что вы можете многое, но сейчас вам незачем...

— Да, конечно... Пусть живут... Я откроюсь тебе, Лена... Ты полюбила меня, еще не зная всей моей власти над миром, но тебя ждет сюрприз, приятная неожиданность. Я лучше, много лучше, чем то, с чем ты знакома, что принимаешь за меня... Я — это не я. Только вчера я прилетел на землю, только вчера. И у меня нет ни этой жесткой кожи, ни таких уродливых рук, это только оболочка...

— Я знаю, вы внутри совсем другой... Ваша душа...

— Нет, нет, ты меня не поняла... Я — весь другой! А то, что сейчас перед тобой, только гонец, разведчик, пионер, или, как вы иногда говорите, за-ме-сти-тель... У меня в венах живая кровь и большое, истосковавшееся сердце... Я был, понимаешь ли, Лена, обижен, жестоко обижен... Все мелкое, что жило в сознании моих соплеменников, возмутилось, никто из них не смог понять ни грандиозности моего замысла...

— Так вас выгнали?

— Нет, у вас есть слово более точное... Меня изгнали. Да, изгнали, но они еще пожалеют... Нам нужно будет обосноваться на какой-нибудь планете. К вам, я это вижу, я прилетел слишком поздно, я вам почти не нужен, и вы не в состоянии оценить моих даров... Поищем поблизости: среди ближайших звезд мы найдем, я надеюсь, что-нибудь подходящее...

— А там ваш прилет может оказаться слишком ранним, и опять...

— Не будем думать о плохом, Лена...

— Так когда я увижу вас с живой кровью и живым сердцем?

— Сегодня... Я отведу тебя к себе. Это не далеко — Коля знает это место, и там ты своей рукой нарисуешь мой знак...

— На крышке снаряда?

— Да — Но откуда ты знаешь?... Ах, вот что вы выудили из кубика! Так запомни... — Человек, сильно надавливая ногтем, нарисовал на клеенке, расстеленной на столе, замысловатый узор. Да, он действительно напоминал в одно и то же время прописное «Д» и исковерканный скрипичный знак.

— Хорошо, — сказала Лена, — я все поняла. Но и я вам открою кое-что... Я ведь внучка своего деда, а он — вы знаете? — человек верующий... Есть у нас один тайный обычай. О нем вы нигде не могли вычитать — он передавался из уст в уста, из поколения в поколение, и если вы не согласитесь поступить согласно обычаю, то у меня не будет уверенности в том, что мы будем счастливы...

— Так много слов? Говори, Лена, ради тебя я готов...

— Особенного ничего не нужно... Пойдемте. — Лена, довела Человека в коридор, отперла тяжелый замок на дверях кладовки.

— Вам, — сказала она, — нужно посидеть один час. только один час; вы должны находиться в полной темноте... Вы должны будете вспомнить все, всю вашу жизнь. и если вы и после этого раздумья повторите свое предложение, то я — ваша...

— Целый час?

— Но я на всю жизнь ваша...

— И здесь совсем не полная темнота, в двери — окошко.

— Оно совсем маленькое, ведь сейчас этот обычай соблюдается не вполне строго.

Человек вошел в кладовку. Лена принесла ему стул и торопливо накинула замок.

— Так час, только один час... Приготовьтесь думать, я скоро приду.

Лена вышла во двор. Серафим Яковлевич в чем-то убеждал ветеринара, над Ласточкой уже трудился Василий-резник.

— Ленка, иди помоги нам, — сказал Серафим Яковлевич.

— Дед, брось все! Они сами управятся, сами...

— А в чем дело? Ушел этот? Я его еще к ответу притяну.

— Дед, милый дед, бери ружье и сторожи его, я что-нибудь придумаю... Но будь осторожен.. Что бы он тебе ни говорил, какие бы фокусы ни показывал, не выпускай его...

— Ружье? Говоришь, ружье взять? Так я же его охотнику подарил.

— Не взял охотник ружья, не взял.

— Почему не взял?

— «Его, сказал, слишком часто смазывать нужно, худо бить будет». Бери ружье, и если вырваться будет — стреляй!

Лена проскользнула в кухню, вынесла ружье и патронташ.

Серафим Яковлевич подтащил к двери кладовки лавку и уселся так, чтобы ему был виден двор. В доме было тихо. Прошел, звеня, трамвай, и совсем было Серафим Яковлевич задремал, как вдруг увидел, что Василий-резник, завернув что-то в бумагу, идет к калитке.

— Василии! — громко крикнул Серафим Яковлевич. — Василий! Что ты несешь?

— Сердце, печень и селезенку! — закричал в ответ Василий. — Ветеринар сказал — на исследование.

Серафим Яковлевич хотел было выйти из дома, но из кладовки донесся голос Человека:

— Сейчас сколько времени, Серафим Яковлевич?

— Ты сиди и молчи! Время ему понадобилось!.. Коров убивать! В прежнее время тебе безо всякого суда и следствия кузькину мать показали бы, сиди!

— Серафим Яковлевич, мне очень важно знать, который сейчас час, так как Лена обещала мне, что станет моей, как у вас, кажется, говорят...

— Да что ты болтаешь? Выкинь из головы, сейчас же выкинь из головы...

— Не понимаю, Серафим Яковлевич, ведь для вас я что-то вроде вашего Антихриста?

— Антихриста? Станет Антихрист коров убивать!

— Вы говорили, что чудеса...

— Чудеса! Васька-резник такие чудеса за пять рублей производит, так хоть работа какая — недорого посмотреть! Не двигайся там, а то стрелять буду, мне Ленка разрешила.

— Я обманут! — громко сказал Человек. — Опять обманут! И ты, ничтожный старик, воображаешь, что можешь меня задержать? Я пройду сквозь твою дверь и не почувствую...

Серафим Яковлевич увидел какой-то красноватый свет — он шел из кладовки. Серафим Яковлевич заглянул в окошко и закричал от ужаса: руки Человека на его глазах медленно раскалялись, пальцы были похожи на раскаленные в огне прутья.

— Ты ждал чуда? — спросил Человек и прикоснулся своими пылающими руками к двери.

— Застрелю! Слышишь? Застрелю! Дом сожжешь! Вот сейчас стреляю, слышишь?

— Да, я готов, можешь стрелять... Твоя пуля не причинит мне никакого вреда.

Дверь вспыхнула, затрещала, запахло смолой и дымом, и Серафим Яковлевич, не помня себя, выстрелил. В кладовке зазвенело стекло, и откуда-то снизу пришел голос Человека:

— Как неудачно... Сразу в нескольких местах...

— Ага! — закричал Серафим Яковлевич. — Ага! Пули не боялся, а я тебя дробью, дробью...

Нужно было гасить огонь. Серафим Яковлевич схватил ведро с водой и, размахнувшись, облил дверь. Струйки воды, шипя, потекли по доскам, пар наполнил коридор. Серафим Яковлевич снял замок и распахнул дверь; в лицо пахло гарью, защекотал ноздри пьяный запах наливки. Он зажег в кладовке свет, лампочка тускло мерцала в облаке пара.

— Да где же он? — прошептал Серафим Яковлевич. Человека нигде не было. Серафим Яковлевич потыкал ружьем пол кладовки — мелодично зазвенели осколки стекол.

— Что за черт, куда же он запропастился? — бормотал Серафим Яковлевич. — Да что это? Камень какой-то. Как попал сюда?

У порога кладовки лежал продолговатый камень. Серафим Яковлевич поставил ружье к стене и поднял его.

— Дед? — услышал он голос Лены. — Дед, это ты стрелял?

Лена тяжело дышала. Из-за ее плеча выглядывал Коля.

— Ты? Убил? — вновь спросила она.

— Не пойму что-то... Он, Леночка, хотел дом наш сжечь, так я выстрелил, а он...

— Убежал! Неужели убежал? — вскрикнул Коля. — А я так спешил, так спешил...

— Да что вы пристаёте к человеку? — озлился Серафим Яковлевич. — Кладовку открыл, а она пустая... Но он там был, это я твердо помню...

— Дед, а что это у тебя в руках? — Лена притронулась к камню.

— А ну дайте мне, — глухо сказал Коля, — дайте мне...

Коля взял из рук Серафима Яковлевича камень и вышел с ним на террасу. Он повернул его в руках и, вскрикнув, уронил на стол.

— Горячий какой, — сказал Коля. — И не везде, а вот, смотрите, где темные полосы... Да это же мой камень! Мой! Здесь должна быть надпись, должна быть... Вот она!

— Я ничего не вижу, — медленно проговорила Лена, — ничего.

— А ну, дайте мне. — Серафим Яковлевич достал очки и наклонился к камню. — Есть, — подтвердил он, — чернильным карандашом написано... «ОТК» какое-то...

— Здесь написано: «Откр. номер один», — сказал Коля, — открытие номер один. Но как он сюда попал?!

ХОЗЯИН

Серафим Яковлевич и Лена напряженно слушали взволнованный Колин рассказ.

— Так, значит. Человек в камень обратился? — все удивлялся Серафим Яковлевич. — Вот чудеса!

— «Хозяин прилетел, прилетел хозяин»... Так говорил Дмитрий Дмитриевич. И я понял! Это не человек, это был управляемый механизм!

— Да ведь он мне прямо об этом сказал! — вскрикнула Лена. — Только я не поняла... Он говорил, что он — не он, что он — другой. Это значит, что за него говорил тот, кто управлял механизмом.

— Правильно, — подхватил Коля, — правильно! Я вспоминаю, что когда Дмитрий Дмитриевич поссорился с Человеком, то он кричал: «Еще одна пустышка прилетела на Землю!» А это не «пустышка», это прилетел хозяин! И его засекли радиолокаторы. Помнишь, я телефонограмму принимал?.. Я должен идти туда... Его нужно заставить улететь отсюда, уговорить, обмануть... Он страшен всем, всем людям, всему, живому. Он грозился взорвать Солнце. Я иду к нему... Это мое дело, мое... Я его нашел, и я во всем виноват.

— Ас камнем что делать? — спросила Лена.

— С камнем? — Коля мгновение колебался. — С камнем?.. Серафим Яковлевич, этот камень нужно было бы уничтожить... Но как? Его нужно немедленно расплющить, бросить в печь! Да, в доменную печь!

— Я его лучше в милицию отнесу, — сказал Серафим Яковлевич. — Пусть его в сейф запрут, может, еще пригодится... Машина ведь в нем какая! Прямо не верится...

— Да, Лена, — спохватился Коля. — А ты не знаешь, как войти в снаряд?

— Знаю, — быстро сказала Лена. — И ты, Коля, знаешь... Помнишь, когда нам кубик рассказывал, мы видели, как рука Человека...

— Вычертила какой-то знак! Да, помню... Но не точно, а верно, нужно точно-точно...

— Вот он, его знак. — Лена указала пальцем на клеенку. — Смотри, Коля.

Лена приподняла клеенку, и из нее выпало несколько замысловато изогнутых лоскутьев. Пальцы Человека вырезали знак в клеенке.

— Это он мне на память оставил, — сказала Лена.

— Так я... я иду! — крикнул Коля.

— Подожди! — Лена быстро вышла в коридор, взяла ружье. — Идем вместе, — сказала она.

Трамвай, автобус, вокзал, бесконечная томительная дорога позади. Коля и Лена перебежали пути, поднялись в гору. Коля мельком взглянул на свой дом и замедлил было шаг, но Лена, не оборачиваясь, шла впереди, и Коля тоже пошел быстрее.

Вот и воронка... На дне дождевая вода, сухие березки кто-то убрал.

— Ничего здесь нет, — удивленно протянул Коля, — -ничего...

Они обошли яму вокруг и вышли на широкую, поросшую кустарником просеку. Над ними гудели от ветра провода высокого напряжения, ряды мачт на широких бетонных основаниях уходили вдоль просеки вдаль. Группа людей стояла под одной из мачт, а в вышине, подвешенный в люльке, работал монтажник. Коля подошел ближе.

— Провода сращиваете? — спросил он. — Что, ветер порвал?

Ему не ответили, только паренек крикнул сверху:

— Какой там ветер! По двадцать метров вырваны куски, Степан Фомич... Внизу засмеялись.

— Это он тебя за бригадира принял, — сказал кто-то. — Тоже маленького роста и лохматый... Сверху-то не видно.

Коля задумался:

— Лена! Ведь это снаряд мог так провода порвать... Смотри, вон, видишь? старый провод срастили, ну вон же утолщение... А здесь все провода сразу порваны, и не сращивают их, а прямо куски вставляют... — Давай пройдем справа и слева от просеки, по лесу, — предложила Лена. — Ты в одну сторону, я в другую.

Коля вновь углубился в лес и не прошел и двадцати шагов, как в глаза бросилась сломанная сосна, за ней береза, срезанная посередине. Коля закричал что было сил:

— Лена! Нашел!

Перед ними веером лежали поваленные деревья, и в лучах солнца сверкал гигантский меч. Его основание плавно, переходило в головную часть снаряда, сделанную из красно-желтого металла. Снаряд глубоко зарылся в землю.

— Это он, — сказала Лена, — точно такой, как нам показывал кубик.

Коля подошел вплотную к снаряду. Лена показала на овальное окно, затянутое темно-синей перепонкой.

— Отойди в сторону! — приказал Коля. Он несколько раз обвел всю фигуру в воздухе, не прикасаясь к окну, а потом быстрым и точным движением нарисовал знак Человека на окне.

Раздался грохот — перед Колей раскрылась пропасть.

Он судорожно сжал в руках ружье и прыгнул в темноту..

— Это ты?.. Зачем? — услышал Коля необычайно звонкий мужской голос. — Тебя я не ждал..

Коля, не выпуская из рук ружья, огляделся. Он лежал в какой-то бесконечно мягкой и податливой, полупрозрачной паутине. Попробовал, разгребая ее, подняться наверх, это удалось не сразу... Прошло несколько минут, прежде чем он смог приблизиться к Человеку и рассмотреть его. Он был похож на того, который вылез весной из бочки Анфисы Тимофеевны, но все-таки был другим... Б его глазах были черные точки-зрачки, лицо дышало жизнью, молодостью... Уже знакомый Коле шлем с острым шпилем блестел на его голове. Коля выбросил вперед ружье, но Человек дернул к себе нити, и ружье вырвалось из Колиных рук и соскользнуло вниз...

Окно бесшумно закрылось, и в глубине снаряда зарокотали моторы. Лена в ужасе отбежала в сторону. Сияющая струя каких-то газов возникла на том месте, где был снаряд. Она уходила стрелой все выше и выше в голубое небо...

ЦЕНА ОТКРОВЕННОСТИ

Дмитрии Дмитриевич выздоравливал. Дмитрий Дмитриевич был бодр, голова его стала ясная, появился нормальный сон, аппетит. Единственное, что еще задерживало его в клинике, была болезнь ног. Ходил Дмитрий Дмитриевич еще плохо.

Теперь он лежал в другой палате, где было много людей и где разрешалось разговаривать, читать книги или, выйдя на «пяточок», так больные называли площадку у лестницы, сыграть партию в шахматы. Часто навещали сотрудники института; они приносили многочисленные новости, рассказывали о последних днях работы Пшеничного в должности директора, о том, что три близких по профилю института, с которыми предполагается слияние, чуть не передрались из-за Пшеничного. Каждый институт считал, что Пшеничный должен работать где угодно, но только не у них.

Однажды явился Аркадий и рассказал, что Пшеничный в бессильной злобе уничтожил приложение к заявке... Он сжег его в муфельной печи, которая была поставлена в его кабинете для дополнительного обогрева, вместе с другими документами, над восстановлением содержания которых вот уже третью неделю трудится специальная комиссия, и дело пахнет судом...

Пришла Лена с Серафимом Яковлевичем. Она рассказала о том, как вместе с Колей ходила встречать хозяина, о странном снаряде из красного металла, о том, как она была отброшена от снаряда волной горячего воздуха... Серафим Яковлевич вздыхал и время от времени бормотал:

— Вот Антихрист так Антихрист... Всем антихристам антихрист-Дмитрий Дмитриевич думал, что Коля погиб, и это мучило его больше всего. Как-то раз Серафим Яковлевич явился один. Вздыхая и поминутно оглядываясь на дверь, он вполголоса рассказал, что Лена ездила к Колиной мачехе, Анфисе Тимофеевне. О чем они там говорили, ему неизвестно, но только Лена вернулась поздно, с опухшим от слез лицом и красными глазами.

— Вот такие дела, ^-закончил Серафим Яковлевич, повздыхал еще немного и уехал.

Борис Федорович навещал больного ежедневно. Пользуясь указаниями Дмитрия Дмитриевича, он понемногу закупал оборудование для биофизической лаборатории. Он принял к себе на работу физика, с которым Дмитрий Дмитриевич предварительно побеседовал, и заручился согласием Дмитрия Дмитриевича оказывать в будущем помощь новой лаборатории. И, только когда Дмитрий Дмитриевич окончательно оправился от потрясения, Борис Федорович привел к нему начальника отделения и следователя и попросил рассказать о разговоре с Человеком, который привел к несчастному случаю.

— Я не мог больше молчать, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — и решил вызвать Человека на откровенность... Я выложил перед ним «документы»... Результат анализа одного из его инструментов и пленку, полученную вашим рентгенологом... Я попросил его быть откровенным. Я объяснил ему, что нам важны не только его подарки, но нам также чрезвычайно важно знать его цели и намерения... Человек рассказал мне все... Я был потрясен его откровенностью. Я тогда не знал, что, начав рассказывать о себе, он уже решил мою участь.

«Первое, что я почувствовал на Земле, — сказал мне Человек, — было ощущение нестерпимого, невероятного жара, совершенно неожиданного для меня... Как потом выяснилось, в этом была виновата Анфиса Тимофеевна, которая по причинам, мне не известным, довела мою температуру до шестисот пятидесяти градусов по вашей шкале температур. Потом я оказался в водном растворе целого ряда солей очень сложного состава и, раскрывшись, увидел вокруг себя ваш мир. Я знал, что на вашей Земле есть очень красивые места, но первое впечатление было не из радостных... Мое внимание прежде всего привлекла большая черная птица, как мне сейчас известно, чрезвычайно распространенная на Земле. Мой организм не был еще в достаточной степени отрегулирован, и я, сделав первый шаг, перевернул деревянный сосуд с водой, в котором находился...

Все поражало меня... Вы даже не можете представить, какое любопытство вызывала во мне каждая деталь вашего существования! Я увидел металлические бесконечные ленты, идущие от насыпи. Первой и наиболее правильной догадкой было то, что они предназначаются для перевозки по ним грузов и людей... Все, что я видел с огромного расстояния, выглядело совсем незнакомым вблизи.

Меня поразило, что сравнительно свободное владение металлом, методами его обработки сочеталось у нас с совершенно отжившими формами утвари, предметов быта... Каждая столь привычная для вас вещь могла бы на моей родине украсить любую коллекцию древностей. Вы переживаете переходный период — это было для меня ясным. Печь — нелепое сооружение из железа и камня, в которой горел драгоценный уголь — вещество, способное стать источником необыкновенно важных и нужных вещей, и электрическая плитка — изобретение, которому предназначена невероятно долгая жизнь...»

«Но ведь вы питаетесь медью, — сказал я. — Зачем же вам плитка?»

Человек как-то странно улынулся.

«Дмитрий Дмитриевич, — сказал он, — вы просили, чтобы я раскрыл все, я это делаю... Прежде всего меня интересовали люди, быстрота их реакции, способность к ощущению, к чувству обиды... Но я вижу, вас гораздо больше интересует мой мир. Развитие науки в моем мире привело к совершенно неожиданным результатам. Скорости, на которых работали наши счетные машины, постепенно формировали нового человека. Вначале все выглядело как казус, как случайные проблески. Совершенно неожиданно стали появляться исследователи, для которых работа с новейшими автоматами постепенно становилась первой жизненной необходимостью. Среди них появились необыкновенно одаренные люди. Некоторые из них посвящали свою жизнь разработке методов воспитания, которые привели к тому, что высшее развитие своих способностей стало достоянием каждого. Но вот группа молодых ученых, работавших над особенно головокружительными проблемами, заболела неизвестным до сих пор заболеванием. Невероятная страсть, которую они проявляли в своих исследованиях, сочеталась с ненавистью ко всем подсобным, помогающим мышлению аппаратам и приборам. Они стали создавать любопытнейшие, но не подтвержденные последовательными Изысканиями и расчетами теории... Это были невероятно сложные теории, для их проверки нужны были тысячелетия труда... Этих ученых считали просто больными. старались окружить вниманием и заботой, запретили им работать... Шел год за годом, как вдруг, совершенно неожиданно, одна из таких теорий была подтверждена, а в дальнейшем время принесло триумф всем теориям этой группы ученых... О них стали говорить, как сейчас говорят и

на вашей Земле, что они обладают интуицией, что в их сознании проявились пока неизвестные нам силы... Человеческий мозг предстал перед нами таким же необъятным и полным неожиданностей, как и любое другое явление природы, как строение и процессы в недрах звезд, как поведение элементарных частиц, как свойства света... Мозг оказался обладателем практически неисчерпаемых резервов, и мы теперь уже сознательно смогли поставить его на неизмеримо большую высоту, чем та, которая достигалась техническими приемами, применением усилителей мыслительной деятельности и другими приемами... Обилие высказываемых мыслей, а также более высокая плотность атмосферы привели постепенно к тому, что мы перешли в своей речи на использование гораздо больших частот, чем те, на которых общались наши предки... Постепенно были выработаны новые системы тренировки мозга, которые уже в раннем детстве приводили к его определенной перестройке, обеспечивающей совершенно новый темп мышления... В это же время проводились исследования, связанные с раскрытием тайн интуиции... Было доказано, что появление, причем практически мгновенное появление, правильных выводов есть следствие невероятно длинной цепи последовательных умозаключений, которые проводятся в нашем мозгу с такой скоростью, что не закрепляются в памяти. Новый скачок в скоростях мышления потребовал новых счетных машин, еще более грандиозных по своим возможностям... Особое значение сыграли автоматы, которые были изобретены у нас... Я первый до конца разрешил вопрос об их самовоспроизводстве... Для того чтобы изготавливать себе подобных в неограниченном количестве, нужны были только необходимые материалы...»

«Как сейчас вам нужна медь?»

«И не только медь... Чтобы воспроизвести себе подобное, мне нужны ниобий, вольфрам..." Впрочем, это неважно. Дело в том, что я хотел стать диктатором на своей планете. И тут я просчитался. Я понадеялся на свои автоматы. В огромных подземных арсеналах столетиями хранились неиспользованные резервы огромной армии боевых роботов, принадлежавшей некогда нашей семье и разгромленной революцией. И вот в один прекрасный день я снова повел на людей свою механическую гвардию. Я рассчитывал на неожиданность. И был разбит. Автоматы были разрушены, мне едва удалось спастись. Тогда я решил, что найду другой мир, где буду хозяином. Но ошибки больше не совершу.

Я давно наблюдал за вашим Солнцем, и, когда вспомогательные ракеты истратили свое горючее и вернуться назад я уже не мог, я не раздумывая выбрал между вашим Солнцем и двойной звездой, расположенной ближе всего к вам. Я выбросил своих разведчиков-автоматов... Я забросил их на Юпитер, на один из астероидов, на Венеру, на вашу Землю... Наблюдая людей, жителей вашей планеты, я сделал своих слуг отчасти похожими на себя, отчасти на вас... Я долго лепил лица, так как ваши лица я видел недостаточно ясно...»

«Но мимика... У вас же совершенно человеческая мимика!»

«Это оказалось совсем простым... Достаточно было мне увидеть Колю с его очень живым лицом, Анфису Тимофеевну, вас, Бориса Федоровича, как я немедленно перенял ее, — она, кстати, не очень отличается и от нашей... Уже давно у нас решена задача получения искусственной мышцы... Вот смотрите... — Человек взял себя за скулу и отделил от своего лица лоскут. — Вот искусственная мышца, — сказал он, — на кончиках моих пальцев может возникать самое различное напряжение... Мышца повинуетсЯ ему, повинуетсЯ немедленно и точно».

И Человек, сосредоточенно глядя на мышцу, заставил ее «жаться, и она стала походить на маленькое яблоко. потом растянулась в длину... Я, — говорит Дмитрий Дмитриевич, — не находил слов, я только смотрел на то место на лице Человека, где была мышца: оно медленно заполнялось какой-то желтой массой... Я рассказал Человеку все, что думал о его планах. Как раз в этот момент в кухню вошел Коля и протянул мне радиограмму... Человек не отрицал догадку.

«Да, — сказал он, — да, сегодня прилетел хозяин... Я прилетел сегодня на вашу Землю... А тот, с кем вы столько времени были знакомы — нужно отдать вам должное, в конце концов, вы догадались почти обо всем, — вот он. — Человек быстро сбросил свой земной костюм и вышел на середину кухни. — Вот кто я, — сказал он. — Я обещал вам, Дмитрий Дмитриевич, что вы это узнаете...»

Человек пробежал пальцами по своей груди, и я вскрикнул: все вместе, все разом повернулись чешуйки на пестрой одежде Человека, и Человек исчез... Остались только голова, кисти рук, ступни ног, все остальное стало прозрачным, пустым... Я видел отчетливо блестящие краны газовой плиты, которые за секунду до этого заслонял Человек. Сквозь грудную клетку был виден металлический, набранный из шаров, позвоночник. От него к растопыренным рукам отходили решетчатые рычаги...

«Только ради вас я приобрел именно такой вид, — сказал Человек. — Здесь мой мозг...»

Кисть Человека протянулась к лицу, цепко обхватила его и отбросила в сторону... На месте остались только глаза... Я сжал кулаки, чтобы не закричать, только сейчас я понял, что где-то в глубине моего сознания до сих пор жила мысль о том, что Человек в конце концов окажется живым, настоящим Человеком... Там, где было лицо, все было заполнено таким же студенистым веществом, как и то, из которого был сделан кубик... Под ним выглядело что-то необыкновенно знакомое, какая-то деталь... Я вгляделся и узнал ее.

«Я вижу ультразвуковой свисток», — сказал я.

«Кажется, нельзя, Дмитрий Дмитриевич, быть более откровенным, чем я... — Человек кистями рук раздвинул чешуйки, и в глубине его груди показался шлем — шлем, который помог Коле увидеть

столько интересного. — То, что перед вами, — это боевой робот. Я могу управлять тысячами таких же при помощи вот этого шлема. Из тактических соображений каждый робот снабжен шлемом управления, но в конечном счете всеми ими управляю я. Управляю непосредственно — биотоками своего мозга, биотоками своих мышц. Ну, для вас это слишком сложно... Я все предусмотрел, — продолжал он. — Я непобедим, вам нечего мне противопоставлять... И если вы, Дмитрий Дмитриевич, обвиняли меня в том, что я что-то скрываю, то сейчас сможете убедиться, что вы были неправы. Но я весь... Мой мозг... — Человек прикоснулся к студенистой массе, заполнявшей его череп. — Моя нервная система... (Я увидел тончайшую сеть ответвлений, пронизывающую грудь и руки Человека. Она на секунду засветилась ярко-красным светом и исчезла.) Мой позвоночник... — С этими словами Человек продел руки сквозь свою грудную клетку и коснулся металлических шарообразных позвонков. — Я могу быть таким, каким вы меня знаете, мог бы быть другим... — Человек свернул свой позвоночник в кольцо и стал похожим на какого-то страшного, огромного паука... — Могу свернуться в камень...»

Я закричал и бросился к двери, но меня остановил окрик Человека:

«Назад!»

Ко мне метнулась тень вдруг необычайно удлинившейся руки, страшная боль пронзила все тело, тысячи молоточков заколотили по черепу, и больше я ничего не помнил...

Дмитрий Дмитриевич замолк. Некоторое время слышно было, как следователь торопливо скрипит пером по бумаге.

— Итак, — сказал начальник милиции, — то, что у меня хранится в сейфе, — это свернутый автомат, вещь, неодушевленный предмет... Сам преступник гуляет.

— Я думаю, — прервал его Борис Федорович, — что больному Михантьеву нужен отдых...

— Да, да, — заторопился следователь, — спасибо, вы нам очень помогли.

В палату вошла сестра и, открывая форточку, сказала:

— Вас внизу ждут, товарищи.

Борис Федорович вышел вместе с начальником милиции в коридор и на прощание посоветовал привлечь к расследованию профессора Семочкина.

— Я много слышал от Дмитрия Дмитриевича о нем. Аркадий Владимирович, несомненно, очень крупный специалист, и он был ближе всех к разгадке Человека...

В вестибюле клиники к начальнику милиции подошел старшина и тихо сказал:

— Товарищ начальник, вас срочно вызывают в отделение. С вашим сейфом что-то происходит. Непорядок, одним словом...

ВЗБЕСИВШИЙСЯ СЕЙФ

Дмитрий Дмитриевич выписался из больницы. В его отсутствие квартира была опечатана управлением, и сейчас в ней шла энергичная уборка под руководством старушки соседки, живущей этажом ниже. Проснувшись поутру в своей комнате, Дмитрий Дмитриевич вслушивался в голоса рабочих, закладывавших кирпичом удивительную дыру в стене, проделанную лучом Человека. Сегодня Дмитрий Дмитриевич почувствовал себя совсем здоровым. Он оделся и вышел в кабинет. Пол был заляпан белыми пятнами — это наследили штукатуры. Остатки кровати, на которой спал Человек, были сложены в углу. На столе царил невообразимый хаос, так как Дмитрий Дмитриевич строго-настрого приказал ничего не трогать. Дмитрий Дмитриевич, скользнув взглядом по груде бумаг, проводов и деталей, с удивлением обнаружил на столе несколько сухих батарей. Он стал по одной снимать их и ставить на пол и вдруг под газетным листом, покрытым пятнами известки, обнаружил кубик Человека... Дмитрий Дмитриевич, не веря своим глазам, осторожно взял его в руки.

Все удивительные и горестные события этого лета — от встречи с Колей в лесу до страшного электрического удара — вновь всплыли в его памяти. Держа кубик на ладони, Дмитрий Дмитриевич долго стоял с полужакрытыми глазами и вспоминал то Колло, застенчивого и порывистого мальчишку, то пустые зеленые глаза Человека, то пятнистую пленку рентенограммы... Кстати, где она?

Раздался телефонный звонок. Дмитрий Дмитриевич тряхнул головой и вышел в коридор. Звонил Аркадий.

— Ты уже встал, Дима? Очень хорошо. Дело вот в чем. Тебе уже сообщили, наверное, что Человек оказался роботом и свернулся в комок в виде круглого камня с желтой полосой...

— Да, да... Он и сам говорил об этом...

— Интересно, между прочим, на этом камне оказалась диковинная надпись чернильным карандашом...

— Надпись?

— Странно, не правда ли? Нам удалось разобрать «Откр. номер один».

— Не понимаю.

— Я тоже. Да дело не в этом. Мы занялись исследованием скафандра и...

— Но как он к тебе попал? — спросил Дмитрий Дмитриевич.

— Я получил камень в отделении милиции... Мне позвонили прямо оттуда и попросили немедленно приехать. Начальник отделения запер камень в сейф. Это было очень удачно, хотя сам начальник милиции сделал это только потому, что сейф, на его взгляд, достаточно прочен, чтобы удержать

Человека. Как ты сам понимаешь, сейф представляет собой весьма совершенную экранную камеру, ведь сейф — металлический ящик почти без отверстий. Камень не подавал признаков жизни, и меня вызвали только тогда, когда внутри сейфа что-то загремело и загудело. Когда я вошел в кабинет, где находился сейф, то увидел, что на полу комнаты плавают огромный стальной ящик. Именно плавает, так как удары внутри сейфа были настолько сильными и частыми, что, говоря языком физики, исчезло трение покоя, и сейф скользил по полу кабинета, как скользят песчинки на вибрирующем стекле. Внутри сейфа шла непрерывная работа, по-видимому, робот стремился раскрыться.

Я сразу увидел всю важность того, что сейф представлял собой экранную камеру, правда незаземленную. Тут же я произвел небольшой опыт и заземлил сейф. Один конец провода я прикрепил к отопительной батарее, а второй привязал к никелированной ручке сейфа.

Это была полумера, однако внутри сейфа все сейчас же стихло.

Мы срочно переоборудовали институтскую экранную камеру, заменили сетку сплошными листами, и в тот же день сейф доставили к нам. Во время перевозки в нем вновь началась возня, что необыкновенно напугало бригаду такелажников, которых мы вызвали для погрузки. Камень этот — твой метеорит — сейчас у меня в институте, и кое-что я уже смогу тебе показать...

— Аркадий, не знаю, как это произошло, но Человек оставил у меня в кабинете тот кубик, который он нам демонстрировал в милиции. Помнишь, я тебе о нем рассказывал? Он погас, этот кубик, но, может быть, его можно оживить... Если бы это удалось...

— Я заеду за тобой, сейчас же заеду! — кричал Аркадий Владимирович. — Уверен, что его можно оживить... Ты как, здоров? Ну, выезжаю.

Аркадий Владимирович действительно вскоре приехал, аккуратно завернул кубик в бумагу и, найдя, что Дмитрий Дмитриевич выглядит совсем неплохо, повез его в свой институт.

В институте все было по-прежнему. Так же трещали искры в испытательном зале и пахло трансформаторным маслом, какими-то растворителями... Однако в самой лаборатории произошли большие изменения. Макет, который собирали, когда Дмитрий Дмитриевич приходил сюда в первый раз, был уже одет черным шероховатым чехлом.

Вокруг столов, сдвинутых к центру, стояли сотрудники лаборатории и о чем-то тихо переговаривались. **Вся** группа живо напомнила Дмитрию Дмитриевичу момент операции в клинике, который он недавно подглядел сквозь царапину в окрашенной стеклянной двери операционного зала.

— Мы нашли! Аркадий Владимирович! Нашли! — громко сказал один из сотрудников, и все повернулись к вошедшим.

— На частоте в двадцать четыре мегагерца, модулированной пилообразными колебаниями, камень шевельнулся, потом...

Аркадий Владимирович кинулся к столу, сотрудники подвинулись, кто-то принес для Дмитрия Дмитриевича стул.

На столе лежал Человек... Вернее, только его верхняя половина... Он раскрылся в неестественной позе, одна рука была вдвое меньше и короче другой...

— Мы приблизили к нему генератор и стали изменять частоту, пробовали давать частоту прерывисто, потом стали модулировать, и он сразу же стал раскрываться. Вначале выбросились руки, потом показалась голова... Мы восстановим его...

— Замечательно, — прошептал Аркадий Владимирович, внимательно разглядывая блестящую чешуйчатую грудку на столе. — Замечательно... Кстати, Дмитрий Дмитриевич принес нам очень интересную вещь: он принес нам тот самый кубик, в котором заключено знание Человека. — Аркадий Владимирович торопливо вытащил из своего портфеля кубик, освободил его от бумаги и тотчас же вскрикнул и выпустил его. — Ужасно жжет, — сказал он. — Что это? Смотрите!

Кубик не упал. Тонкая и длинная нить перекинулась от головы Человека к кубику, кубик мерно покачивался у края стола. Нить стала медленно утолщаться, внутри кубика замелькали какие-то тени и вспышки, как вдруг... Одна из рук Человека протянулась к кубику и, вороватым движением втянувшись назад, спрятала его внутри грудной клетки. Кто-то ахнул.

— С ним нужно быть очень осторожным, — сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Может быть, его вообще уничтожить? — спросил один из инженеров.

— Нив коем случае... — поспешно ответил Дмитрий Дмитриевич. — Но эксперименты я производил бы только в экранной камере... Ведь хозяин-то этого робота жив...

— Это можно, — сказал Аркадий Владимирович. — Пожалуй, это разумно, это очень разумно...

— Ну, кто помоложе, давайте-ка перенесем стол в экранную камеру. Туда же генератор...

Сотрудники принялись переносить приборы, а Дмитрий Дмитриевич не отрываясь смотрел на Человека, вернее, на бесформенный узел из чешуйчатых ромбовидных лоскутьев, который от него остался.

— Все назад! — вдруг кричал Дмитрий Дмитриевич. — Он оживает!

И действительно. Человек оживал. Камень медленно разворачивался. Казалось, этот огромный и сложный узел развязывает кто-то невидимый. Вот появились ноги, голова приняла нормальное положение, руки сравнялись в длине... И через минуту на столе сидел Человек... Он быстро переводил глаза с одного лица на другое, потом увидел Дмитрия Дмитриевича и молча прыгнул к нему.

Дмитрий Дмитриевич отшатнулся, вскочил на ноги, опрокинув стул, но ноги Человека, по-видимому, отказывались служить, и Человек упал на колени...

— Дмитрий Дмитриевич, родной! — загремел в лаборатории голос Человека. — Вы меня слышите? Дмитрий Дмитриевич кивнул.

— Слышите? Ну скажите, что слышите!

— Слышу! — крикнул Дмитрий Дмитриевич. Какая-то рябь пробежала по лицу Человека.

— Где я? Где я сейчас? Я здесь, никогда не был... Какая-то сетка, приборы...

— Вы здесь были, — сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Вы что-то говорите, а я не слышу... Да не пугайтесь меня, я не хозяин, я Коля... Я — не хозяин, я — Коля... Дмитрий Дмитриевич, понимаете? Я — Коля... Вы меня слышите?..

Дмитрий Дмитриевич растерянно переглянулся с Аркадием Владимировичем.

— Коля? — сказал он. — Это Коля? Ты жив, Коля? Коля!

— Ничего не слышу, Дмитрий Дмитриевич, слушайте меня! Черт, не могу управлять еще этим шлемом: здесь все как-то сложно включается... Я не сразу вас нашел... не сразу... Я было опять попал на Венеру, и когда там раскрылся, то почувствовал, что меня колотят каменными молотками летающие люди. Потом вновь был на астероиде... Да, еще был на какой-то незнакомой планете. Над ней светило два солнца... Ну, слушайте, Дмитрий Дмитриевич... Я тороплюсь... Лечу я с этим типом, что нашим Человеком управлял... Он соня, Дмитрий Дмитриевич, он страшный соня! Понимаете? Он действительно бессмертный, и лицо его похоже на лицо Человека, но не совсем такое. Он мне сам рассказывал, что вначале не мог спать, так как в его мире давно уже не спят. А потом он научился спать, он этим страшно гордится. Он думать не хочет, понимаете?.. А сколько у него вот таких слуг, какого он на Землю забросил! Сколько угодно!.. Да, самое главное. Он очень на нас всех зол, вначале даже Землю обещал уничтожить... «Погашу Солнце», — говорит... Потом смиростивился... «Я, говорит, им только новый ледниковый период устрою...» Меня он помиловал. «Ты, говорит, Коля, останешься, будешь меня развлекать, но я тебя сделаю свидетелем порабощения твоего мира»... А автоматы его наполовину ему подчиняются, наполовину самостоятельны... Только в важных вопросах его запрашивают... или в неожиданных положениях. Помните, Человек иногда словно во сне начинал ходить? Шатался как пьяный, молчал. Так это когда хозяин от него отключался или засыпал. Он ведь и другими автоматами управляет. Ох, и зол же он... Но вы, мои дорогие, не волнуйтесь... Я уже все решил, все продумал. Да, Дмитрий Дмитриевич, этот снаряд не боится никаких скоростей, никаких, даже в атмосфере. Он может пройти сквозь Солнце... Мне Человек рассказывал, как это делается, только я до конца не понял. Я сообщу вам подробности, если успею. У них такой материал придуман, который когда нагревается, то в нем несвободные электроны начинают быстрее двигаться, а нейтроны... Из этого материала сделаны стенки снаряда, это какой-то сплав, в котором есть литий... Это я точно запомнил, литий... Стоит нейтрону столкнуться с ядром лития, как получаются два ядра гелия... Один атом лития, превратившись в два атома гелия, забирает намного больше энергии, чем если бы литий просто улетучивался бы от нагревания. И никакая температура снаряду не страшна. Но самое главное... Человек все-таки не доверяет электрическим цепям. У него есть рычаг, которым он открывает и закрывает снаряд. Понимаете, такой закрученный рычаг... Он очень тяжелый, но я справлюсь... Если он попытается причинить вред Земле, я открою снаряд... Он проснулся, — закричал Коля, — прощайте!

В лаборатории раздался короткий и резкий звук. Стоявший перед Дмитрием Дмитриевичем автомат быстро прижал руки к груди и через секунду превратился в груду бесформенных чешуйчатых лоскутьев.

— Коля, — прошептал Дмитрий Дмитриевич. — Коля...

— Я дорого бы дал, чтобы увидеть, что там сейчас происходит, — медленно проговорил Аркадий Владимирович.

«ЭТО Я — ЗВЕЗДНЫЙ ЧЕЛОВЕК!»

Круглые сутки над скафандром шла напряженная работа. Всех, кто работал вместе с Аркадием Владимировичем, непрерывно подхлестывала мысль о чудовищных намерениях Человека.

Робот был снова восстановлен.

Аркадию Владимировичу и его товарищам удалось не только научиться управлять им, но и вынуть из его грудной клетки тот самый блестящий шлем с перчатками и башмаками, с помощью которого Коля связывался с роботами, находившимися на Венере, на Юпитере, на астероиде. В различных участках туловища и головы Человека были обнаружены многочисленные, очень портативные и необыкновенно мощные атомные батареи. Они были обнаружены после того, как весь скафандр был облеплен рентгеновской пленкой. Так были получены ценные снимки, которые помогли понять устройство и работу скафандра. Стало ясно, что если, как сообщил Коля, внутри снаряда есть еще подобные роботы, то не исключена возможность управления ими с Земли. Поэтому в дальнейшем вся работа велась уже не над скафандром, а над шлемом. Шлем был соединен с приемно-передающим устройством, в конструировании которого приняла участие многочисленная группа ученых. Эта приемно-передающая установка вобрала в себя все лучшее, что было известно советской науке в области радиофизики и радиотехники.

И вот наконец в лаборатории раздался торжественный возглас Аркадия Владимировича. Он стоял посередине лаборатории с шлемом на голове и тяжелыми металлическими перчатками на руках.

— Я вижу внутренность снаряда! — говорил он. — Вижу очень яркий свет. Где же Коля?.. Человек, вот он... Он действительно похож на того, что был здесь, на свой автомат. Он возится возле каких-то приборов. Это, видимо, пульт управления снарядом. Масса приборов... Попробуйте усилить звук... Так... Вы слышите голос? Это говорит Человек... Он что-то бормочет... Ах, вот где Коля: он висит спеленатый какими-то нитями, белесыми, тонкими, но, видимо, они очень прочны, эти нити... Коля жив, жив!..

Приглушенный голос Человека наполнил лабораторию.

— Я разочаровался в тебе, — говорил Человек, — ты мне не нужен!

— А вы на что нам нужны на Земле? — гневно спросил Коля.

— Я?.. Ведь я принес вам бессмертие, искусственную память, луч, которым вы могли бы разрушить горы, и многое другое, что я даже не успел вам показать. И я надеялся... Но вы бесконечно испорчены, бесконечно... Мальчишка!.. Дрянь! Нет, я не убью тебя... Нет, нет... Я дал тебе бессмертие, и я не заберу его назад... Но слушай! Один пулемет мог бы остановить полчища Чингиса, одна атомная бомба поставила бы на колени Наполеона, а у меня есть кое-что, чего вы не знаете...

— Нет у тебя ничего! — крикнул Коля. — Ничего! Ты вор, да, вор! Я знаю, я видел, через сколько страданий прошли твои предки, чтобы покорить и атомное ядро, и воздух, и звезды! А ты все украл, присвоил...

— Да что ты знаешь! — неистово закричал хозяин. — Ты, мальчишка! Я почти открыл способ уничтожения звезд... Мне немного не хватило времени, совсем немного, каких-нибудь два-три столетия, несколько тысяч исполнителей и помощников, и все... Я уже знаю, что нужно сделать, чтобы заставить звезду вспыхнуть так, что ее объем увеличится в миллиарды раз, и тогда исчезнет жизнь не только на ближайших к ней планетах, но и далеко вокруг... Нужно только забросить в глубину звезды один из таких цилиндров — вон, видишь, в хвостовой части снаряда их у меня с десяток, — и звезда не сможет с ним справиться... Я уже сделал эти цилиндры, но пока не могу достаточно глубоко забросить их... К сожалению, мой снаряд не может выдержать больше десяти тысяч градусов, но я и сейчас в состоянии основательно испортить ваш климат! Дождь будет идти на вашей Земле там, где были пустыни... А над вашими полями небо будет годами безоблачно... Реки, горные потоки вздуются и понесут миллионы тонн воды с растопленных снежных вершин... А с полюсов поползут языки льда. Но это, к сожалению, пока все, пока все... Это совсем не то, что мне нужно. Мне так немного осталось... Но я все-таки пошлю, пошлю моему миру подарочек! Они там расселились вокруг целой группы звезд. И представляешь их лица, когда одна из звезд неожиданно разбухнет так, что начнет глотать одну за другой их планеты; ослепительным светом, потоками заряженных частиц слизнет жизнь...

— Замолчите! — крикнул Коля. — Это чудовищно! Этого не будет! Это невероятно!

— А вот ты сейчас увидишь, насколько это невероятно...

Человек припал к пульту.

— Я вижу, — сказал Аркадий Владимирович, — что стенки снаряда становятся прозрачными... А сейчас... Какие-то бесконечные просторы огня...

— Что это? — спросил Коля.

— Не узнаешь? Это — ваше Солнце-Поверхность Солнца жила, шевелилась. Горы огня и света выбрасывали навстречу снаряду необозримые хлопья пламени. Человек лихорадочно копошился у своих цилиндров. Он переводил на них стрелки каких-то приборов, и после его прикосновения каждый из цилиндров, лязгнув, отходил назад, а на его место выдвигался Другой.

— Я попробую вмешаться, — сказал Аркадий Владимирович. Он выбросил вперед руки в перчатках и тотчас же прижал их к груди. — Человек оглянулся! — сказал Аркадий Владимирович. — Он смотрит в мою сторону. То есть в сторону управляемого мною робота. Помогите мне надеть башмаки... Вот так... Ужасно упругие эти жгуты. Теперь я сделаю еще движение... А, забеспокоился!

Аркадий Владимирович сделал несколько шагов по лаборатории, его руки быстро перебирали в воздухе, со стороны казалось, что он что-то ткёт...

В лаборатории снова раздался Колин голос:

— Ожил один из роботов! Что ему нужно? Рвет паутину... Освобождает меня... Это с Земли, с моей Земли им управляют!.. Эй, Человек! Понимаешь? Я только не знаю, как это случилось... Но твой собственный робот на моей стороне! Так, руки свободны... Вперед, я знаю, как открыть этот снаряд...

— Брось, сейчас же брось рычаг! — закричал Человек.

— Хозяин надевает главный шлем. Скорее, скорее, он перехватит управление роботами! Скорее сбейте шлем с его головы!.. — говорил Коля.

Аркадий Владимирович пронесся черед всю комнату и схватился с кем-то невидимым в углу.

— Ты этого не сделаешь, — звучал голос хозяина, — не сделаешь! Я сохранию тебе жизнь!.. А уж со своим слугой я справлюсь, только ты не открывай снаряд! Не...

— Правильно, так! Шлем долой! — кричал Коля. — Молодец, не знаю, кто ты... Молодец, Земля!.. Держите его... А, ты по-другому заговорил!

— Но ведь и ты сгоришь! Остановись!

— Да, вы сделали меня бессмертным, но разве моя жизнь не принадлежит мне? Конечно, там, на Земле, пойдут сейчас интересные дела... И вы это знаете! Там и пшеница с целины, и новые машины, и книги — все, что делается руками или мозгом, и если там родится бессмертие, то это будет наше

бессмертие, человеческое, не дареное и не ворованное. А вы опять просчитались...

— Брось рычаг, Коля! Перед тобой бесконечная жизнь... Ты сможешь осуществить любой твой замысел...

— Да, мог бы, конечно, я даже принят в институт. Но разве я хотел стать физиком для себя? Я людям — понимаете? — людям хотел принести что-то особенное, что-то свое... Вы хотели зашвырнуть ваши цилиндры в глубину Солнца, а они сгорят сейчас, и Солнце будет всегда светить над моим миром! Возьми назад свое бессмертие! Подай им! Да разве ты звездный человек? Это я — звездный человек, понимаешь? Мне все дорого, все... Даже самая далекая звезда, самая далекая планета...

— Коля, Коля, не нужно! — кричал Аркадий Владимирович. — Мы уже победили, как ты не понимаешь?! Не спеши, мы повернем снаряд к Земле! Коля! Коля! Не слышит!..

Коля резким движением повернул рычаг. Огненный вихрь ворвался внутрь снаряда. Тысячи иголок вонзились в лицо, плечи, руки. С коротким хлопком вышел из снаряда воздух. Перед глазами Коли мелькнула Анфиса Тимофеевна, светлое здание института... Больше Коля уже ничего не мог чувствовать.

А из глубины Солнца, принявшего в свои огненные объятия раскрывшийся снаряд, вырвался необычайно большой протуберанец. Он был зарегистрирован многими обсерваториями, и в дальнейшем астрономы связывали с ним неожиданный снег в Нью-Йорке и общее похолодание в Европе.

